А.Д. Эпштейн

ИЗРАИЛЬТЯНЕ И ПАЛЕСТИНЦЫ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ – К ПЕРЕГОВОРАМ И ОБРАТНО

Институт Ближнего Востока Ассоциация «Гишрей Тарбут»

А.Д. Эпштейн

ИЗРАИЛЬТЯНЕ И ПАЛЕСТИНЦЫ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ – К ПЕРЕГОВОРАМ И ОБРАТНО

ГЕШАРИМ
ИЕРУСАЛИМ

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА

А.Д. Эпштейн

Израильтяне и палестинцы:
От конфронтации — к переговорам и обратно

Dr. Alek D. Epstein

Israelis and palestinians:
From confrontation to negotiations and back

Издатель *М. Гринберг*
Зав. редакцией *И. Аблина (Москва)*
О. Константинова (Иерусалим)

Художественное оформление *Г. Блейх*
Компьютерная верстка *И. Пичугин*
Корректор *А. Коссовская*

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (495)792–3856

e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)–2–624–2527
Fax: (972)–2–624–2505
e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

© Институт Ближнего Востока, 2009
© Мосты культуры/Гешарим, 2009
© А. Эпштейн, 2009

ISBN 978–5-93273–303–9

Предисловие президента Института Ближнего Востока

Представленная вниманию читателя книга известного израильского ученого д-ра А. Эпштейна — своеобразная черта, подведенная под годами исследований и многими предшествовавшими ей книгами, написанными им о современном Израиле, его отношениях с палестинцами и «ближневосточном мирном процессе». Книга эта некомплиментарна. Строгий академический стиль изложения лишь подчеркивает главную мысль автора: как бы они ни назывались — «процесс Осло», «Дорожная карта», «одностороннее размежевание», «Женевская инициатива», «арабская мирная инициатива» и прочие, — планы палестино-израильского урегулирования построены на песке. В лучшем случае они представляют собой иллюзорные схемы, созданные оторванными от жизни теоретиками, каждый из которых существует в собственной «башне из слоновой кости». В худшем — это рассчитанные на десятилетия планы уничтожения Израиля или комбинации израильских политиков, преследующих сиюминутные цели. По большей же части все, что происходит вокруг палестино-израильского противостояния, стало бизнесом, в котором заняты десятки тысяч мелких, тысячи средних и сотни крупных фигур — политиков и экспертов, журналистов и лидеров террористических группировок. Цена «вопроса» — несколько миллиардов долларов в год, и поэтому шоу будет продолжаться, несмотря на явную бессмысленность,

отсутствие возможности добиться хоть какого-то результата и разрушительные последствия этого «бега по кругу» — не только для израильтян и палестинцев, но, в конечном счете, для всех увязших в ближневосточном гордиевом узле сторон.

Книга А. Эпштейна безжалостно объективна, как объективен анатомический атлас. Более десяти лет назад, когда он впервые переступил порог Института Азии и Африки МГУ в качестве преподавателя, приглашенного для чтения курса лекций по социологии Израиля в созданном ИСАА, в партнерстве с Еврейским университетом в Москве и Еврейским университетом в Иерусалиме, Центре иудаики и еврейской цивилизации, его самого можно было демонстрировать как образец израильского левого либерала и пацифиста. Сегодня он относится к политическому центру, несомненно либеральному, но скорее правому. В огромной мере эта эволюция произошла в нем именно под влиянием так называемого «мирного процесса», точнее, осознания того, насколько связанные с ним ожидания завышены, декларации не соответствуют действительности, а намерения сторон — противоположны.

Возможно — и даже вероятно, — проблема отношений палестинцев и израильтян, борющихся за одну и ту же территорию не на жизнь, а на смерть, к немалому удовлетворению «мирового сообщества», извлекающего из этой борьбы все возможные дивиденды, не будет разрешена ни в ближайшее время, ни на протяжении жизни еще нескольких поколений. Не исключено — и скорее всего это так, — что ее вообще невозможно разрешить в рамках деятельности ООН и других «коспонсоров мирного процесса». Но, как известно из истории, то, что невозможно развязать, можно разрубить. Как следует из книги д-ра Эпштейна, Израиль, исчерпав все возможные аргументы, все ближе к тому, чтобы последовать рецепту Александра Македонского.

Современная эпоха демонстрирует эффективность быстрых и жестких мер при условии, что сторона, идущая на эти меры, готова довести их до логического конца, не пытаясь на половине дороги свернуть с избранного пути или «перейти

пропасть в два шага». Примеры тому — не только действия России в грузино-осетинском конфликте и разгром правительством Шри-Ланки «тигров освобождения Тамил-Илама», но и бескомпромиссные действия руководства Египта, Алжира и других стран арабского мира против радикальных исламистов на собственной территории.

Проблема палестинцев не в том, что ими мало занимаются, — ими занимаются слишком многие и слишком много. Оставленные назойливо опекающими их «семью няньками» один на один с Израилем, который вопреки устоявшемуся в исламском мире мнению отнюдь не жаждет оккупировать их земли, они, в конечном счете, заняли бы именно ту политическую нишу в регионе, которую могли бы занять, и сформировали ту систему общественно-политического устройства, которую способны были бы сформировать. Построили бы они государство? Не исключено, но вовсе не обязательно. Несколько тысяч народов, живущих на Земле, создали около двух сотен государств, многие из которых не слишком дееспособны. Получили бы они контроль над всеми территориями, на которые претендуют? Нет — как не получили его израильтяне, которые отказались от «исторического права» на Заиорданье, Синай, Южную Сирию и Южный Ливан в обмен на более чем скромную территорию, занимаемую ими в настоящее время.

Парадоксально, но факт: пока палестинская элита не перестанет «играть в революцию» и «бороться с оккупантами» — она ничего не достигнет и ничего не получит, кроме гражданской войны, контртеррористических операций Израиля и разрухи. Когда же это произойдет, большая часть палестинских «лагерей беженцев» превратится в обычные населенные пункты, которыми они сегодня на самом деле и являются, а «мировое сообщество» сможет заняться настоящими беженцами, на которых сегодня у ООН не хватает средств — в Судане и Сомали, Ираке и Афганистане, Пакистане и Шри-Ланке. Разумеется, это станет возможным только после поистине революционных изменений в ООН — или после того, как на месте этой почтен-

ной организации, представляющей собой реликт «эпохи Ялты и Потсдама», возникнет дееспособная структура, отвечающая реалиям современного мира.

Ничего нового не удастся вырастить на месте, которое прочно занято старым, отмирающим, но цепляющимся за существование, — и политических идей, концепций и теорий это касается в полной мере. Книга А. Эпштейна ставит диагноз: «мирный процесс мертв» и его нельзя оживить, хотя еще можно зомбировать. Именно этим сегодня занимаются в Женеве и Вашингтоне, Брюсселе и Москве, Рамалле и Иерусалиме. Но политические технологии, пусть подкрепленные миллиардными дотациями, не более чем ближневосточное «вуду». Чем скорее это будет осознано и признано «мировым сообществом», израильским истеблишментом и палестинской элитой, тем больше вероятность того, что бег по кругу в погоне за миражом палестинской государственности сменится подлинным обустройством Палестины и палестинцев. Что, скажем прямо, не выглядит невыполнимой задачей, если решение ее из рус-

ла псевдодемократического перейдет в реальное — хотя и не слишком симпатичное для просвещенного современного европейского ума.

Евгений Сатановский,
президент Института Ближнего Востока

Моей маме Рите Львовне Любиной

Предисловие автора

Эта монография — моя одиннадцатая книга, посвященная арабо-израильскому конфликту, и если некоторые из них в принципе могли появиться и в другой последовательности, то эта работа едва ли могла быть написана ранее. Фактически все мои предыдущие книги — «Израиль и проблема палестинских беженцев», «Дипломатическая битва за Иерусалим», «ХАМАС в региональной политике», «Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться» и другие — были посвящены тому или иному аспекту вопроса, который в этой монографии является центральным: почему же, несмотря на все усилия, процесс урегулирования палестино-израильского конфликта так и не привел к миру?

Я живу в Иерусалиме девятнадцать лет, и история палестино-израильского мирного процесса и его краха разворачивалась на моих глазах. Как гражданин Израиля, специалист-политолог и космополитически настроенный гуманист, для которого «худой мир всегда лучше любой ссоры», я следил за ходом процесса Осло, связывал с ним определенные надежды, искренне и глубоко переживал его коллапс. Сейчас, когда бесперспективность этого процесса очевидна любому

минимально вдумчивому наблюдателю, нужно понять, что и почему было сделано неверно, какие возможности были упущены и, главное, какие перспективы существуют в настоящее время, принимая во внимание тот факт, что как евреи, так и арабы жили, живут и будут жить на земле Палестины/Эрец-Исраэль, и сколь бы продолжительным ни был конфликт, необходимость его урегулирования никоим образом не уменьшится. Сколько бы человек ни погибли в новых терактах, войнах и антитеррористических операциях, евреи и арабы должны понять, как им жить рядом, на столь значимой для них обоих земле.

Иерусалим — Москва, 24 августа 2009 года

Основные вехи палестино-израильского конфликта и дипломатических попыток его урегулирования, 1948–2009 годы

1948 г.	Первая арабо-израильская война заканчивается массовым исходом палестинских беженцев. В результате войны вся территория, на которой, по плану ООН, должно было быть создано палестинское государство, оказывается разделенной между Израилем, Иорданией и Египтом. Наиболее влиятельный палестинский лидер, глава т.н. «всепалестинского правительства», созданного под патронажем Египта «в пику» королю Иордании Абдалле I — Хадж Амин аль-Хусейни — оказывается в изгнании (умер в Бейруте в 1974 году)
1953–1955 г.	На массовое нарушение границ и проникновение палестинских боевиков и гражданских лиц с территории Западного берега и Газы Израиль отвечает карательными операциями в Кибие и Газе
октябрь–ноябрь 1956 г.	В ходе войны с Египтом Израиль занимает сектор Газа, который возвращает Египту к марту 1957 года
октябрь 1959 г.	Создание организации ФАТХ
июнь 1964 г.	Создание Организации освобождения Палестины во главе с Ахмедом Шукейри
1 января 1965 г.	Первый антиизраильский террористический акт, проведенный боевиками ФАТХа
июнь 1967 г.	В ходе Шестидневной войны израильские войска занимают территории Западного берега и Газы. Вся территория, на которой согласно плану ООН от 1947 года должно было быть создано палестинское государство, находится под контролем Израиля

февраль 1969 г.	Избрание Ясира Арафата председателем Исполкома ООП (возглавлял ООП до своей смерти в ноябре 2004 года)
сентябрь 1970 г.	Фактическая гражданская война между силами ФАТХа и правящим режимом Иордании уносит многие тысячи жизни; руководители ФАТХа вынужденно перебираются в Ливан, где воссоздают свои отряды
март–май 1972 г.	Первые муниципальные выборы на Западном берегу под израильским контролем
ноябрь 1974 г.	Арабские государства на саммите в Рабате объявляют ООП единственным законным представителем палестинского народа
апрель 1976 г.	Палестинские националисты выигрывают муниципальные выборы, проведенные израильскими властями на Западном берегу; следующие выборы на Западном берегу состоялись только двадцать лет спустя
сентябрь 1978 г.	Делегации Египта и Израиля, при посредничестве США, согласовывают основные принципы будущего мирного договора, включая положение об автономии для палестинцев; палестинские представители не были привлечены к переговорам и не участвовали в них
март 1979 г.	Мирный договор между Израилем и Египтом
июнь 1982 г.	После совершенного палестинскими боевиками покушения на посла Израиля в Великобритании Ш. Аргова Израиль начинает войну с целью выбить силы ФАТХа с территории Ливана (война продолжается три года и заканчивается частичным выводом израильских войск в 1985 году; отряды ФАТХа во главе с Я. Арафатом покидают Ливан, перебираясь в Тунис; подписанный в мае 1983 году ливано-израильский мирный договор не был ратифицирован и реализован)

февраль 1985 г.	Амманское соглашение между руководителями Иордании и ООП
апрель 1987 г.	Лондонское соглашение между королем Иордании Хусейном и министром иностранных дел Израиля Шимоном Пересом (не реализовано)
декабрь 1987 г.	Начало первой интифады
декабрь 1987 г.	Создание в Газе исламистского движения ХАМАС во главе с шейхом Ахмедом Ясином (убит израильскими спецслужбами в марте 2004 года)
июль 1988 г.	Король Иордании Хусейн объявляет об отказе от претензий на Западный берег
ноябрь 1988 г.	Внеочередной съезд Национального совета Палестины принимает решение о готовности ООП начать мирные переговоры
декабрь 1988 г.	ООП и США начинают прямые переговоры
октябрь 1991 г.	Мадридская конференция; палестинцы с Западного берега и сектора Газы включены в делегацию, возглавляемую премьер-министром Иордании, в то время как руководители ООП исключены из переговорного процесса
январь 1993 г.	Начало секретных переговоров между представителями ООП и Израиля в Осло
сентябрь 1993 г.	Подписание руководителями Израиля и ООП Декларации принципов палестино-израильского урегулирования; рукопожатие И. Рабина и Я. Арафата
май 1994 г.	Подписание в Каире соглашения о создании ПНА на территории сектора Газа и в Иерихонском анклаве

август 1994 г.	Подписание соглашения «О передаче полномочий на Западном берегу», значительно расширившего сферу ответственности ПНА
октябрь 1994 г.	Мирный договор между Израилем и Иорданией
сентябрь 1995 г.	Израиль и ООП подписывают соглашение Осло–2 о передаче контроля над всеми населенными арабами городами на территориях Западного берега под контроль ПНА
октябрь 1995 г.	Выработаны Основные положения заключения соглашения об окончательном урегулировании между Израилем и ООП (план Бейлина–Абу Мазена, не подписан)
январь 1996 г.	Первые выборы главы ПНА и Законодательного совета ПНА
сентябрь 1996 г.	Масштабные волнения в Иерусалиме и на контролируемых территориях после открытия второго выхода из туннеля Хасмонеев. Саммит в Вашингтоне с участием премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, главы ПНА Я. Арафата, президента США Б. Клинтона и короля Иордании Хусейна
январь 1997 г.	Б. Нетаньяху и Я. Арафатом подписано соглашение, по которому под контроль ПНА были переданы почти все районы города Хеврон
октябрь 1998 г.	Б. Нетаньяху и Я. Арафатом подписано Соглашение Уай-плантейшн, по которому площадь территории, подконтрольной ПНА, увеличилась в несколько раз
сентябрь 1999 г.	Э. Барак и Я. Арафат провели переговоры в Шарм-аль-Шейхе, подписав меморандум о готовности в ускоренном темпе перейти к переговорам об окончательном урегулировании конфликта

июль 2000 г.	Переговоры в Кемп-Дэвиде израильской и палестинской делегаций во главе с Э. Бараком и Я. Арафатом при посредничестве Б. Клинтона заканчиваются без подписания какого-либо соглашения
сентябрь 2000 г.	Начало второй интифады («интифады Аль-Акса»)
январь 2001 г.	Крахом заканчиваются переговоры израильской и палестинской делегаций в Табе
март 2002 г.	Саммит Лиги арабских государств в Бейруте принимает Саудовскую инициативу об условиях комплексного арабо-израильского урегулирования
апрель 2003 г.	От имени «квартета» международных посредников (ООН, Евросоюз, США и Российская Федерация) обнародована «Дорожная карта» урегулирования палестино-израильского конфликта, практически не реализованная
октябрь 2003 г.	Обнародована «Женевская инициатива» — проект полномасштабного мирного договора между Израилем и ПНА (план не реализован)
ноябрь 2004 г.	Смерть главы ФАТХа, ООП и ПНА Ясира Арафата
январь 2005 г.	Избрание Махмуда Аббаса (Абу Мазена) главой ПНА
февраль 2005 г.	Премьер-министр Израиля Ариэль Шарон и глава ПНА Махмуд Аббас договариваются о прекращении огня на саммите в Шарм-аль-Шейхе (Египет). Формальное окончание второй интифады
август 2005 г.	Правительство А. Шарона реализует программу т.н. «одностороннего размежевания» в Газе и Северной Самарии

январь 2006 г.	ХАМАС выигрывает выборы в Законодательный совет ПНА, после чего формирует правительство во главе с И. Ханией
март 2006 г.	Новый премьер-министр Израиля Э. Ольмерт обнародует программу «консолидации» (не реализована)
июль–август 2006 г.	Вторая ливанская война
июнь 2007 г.	ХАМАС захватывает всю полноту власти в Газе. Формирование двух обособленных палестинских правительств: во главе с С. Файядом — на Западном берегу и во главе с И. Ханией — в Газе
ноябрь 2007 г.	Переговоры премьер-министра Израиля Э. Ольмерта и главы ПНА М. Аббаса под патронажем президента США Дж. Буша в Аннаполисе (фактически ни к чему не привели)
декабрь 2008 — январь 2009 г.	Израильская война против ХАМАСа в секторе Газа (операция «Литой свинец»)

Глава I

СКОЛЬКО ГОСУДАРСТВ ДЛЯ СКОЛЬКИХ НАРОДОВ? ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА

С приходом к власти в США нового президента Барака Обамы, как это обычно бывает, начался новый раунд «войны за мир на Ближнем Востоке». За пять дней до инаугурации новоизбранный президент США Барак Обама в телевизионном интервью компании CBS заявил, что намерен приложить «усилия для воцарения мира и спокойствия на Ближнем Востоке с первого дня пребывания на президентском посту»[1]. Еще раньше в интервью телекомпании ABC Б. Обама заявил, что на Ближнем Востоке необходим «справедливый и авторитетный посредник, который пользуется безоговорочным доверием воюющих сторон и расценивается ими как беспристрастный участник мирного процесса, помогающий искать выход из сложившейся ситуации». Ни о каком новом после́днике президент США, однако, не говорил; с его точки зрения, задача состояла (и состоит) в том, чтобы реконструировать имидж США как наиболее беспристрастного и эффективного третейского судьи. Несмотря на громкие заявления о новых подходах к урегулированию одного из наиболее застарелых мировых конфликтов, на ключевые позиции были назначены люди, уже

много лет достаточно безуспешно пробующие свои силы на этой ниве. 22 января 2009 года специальным посланником президента США на Ближнем Востоке был назначен бывший сенатор Джордж Митчелл, уже возглавлявший комиссию, созданную с целью поиска выхода из тупика, ставшего результатом краха переговоров в Кемп-Дэвиде и начала второй интифады в 2000 году. Комиссия Митчелла представила свой отчет 30 апреля 2001 года, и этот документ не имел никакого реального позитивного влияния на направления региональной политики. 25 июня 2009 года специальным помощником президента Б. Обамы и ответственным за регион Ближнего и Среднего Востока в Совете национальной безопасности США стал Деннис Росс, бывший директором отдела планирования в Госдепартаменте США в период правления президента Дж. Буша-старшего и специальным посланником по Ближнему Востоку при президенте Б. Клинтоне, в том числе и во время подготовки и проведения провалившегося саммита в Кемп-Дэвиде. Иными словами, «перезагрузку» американской политики на Ближнем Востоке поручено осуществлять людям, деятельность которых, какими бы светлыми ни были их изначальные намерения, не привела к прорыву в процессе мирного урегулирования в те годы, когда они непосредственно занимались данным кругом вопросов. Выходит, что и сегодня американская (и шире — международная) дипломатия руководствуется в ближневосточной политике подходами, сформировавшимися еще в период процесса Осло, одними из вдохновителей и центральных действующих лиц которого были нынешний президент Израиля Шимон Перес и глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас. Процесс Осло закончился сокрушительным фиаско саммита в Кемп-Дэвиде (где израильскую делегацию воз-

главлял нынешний вице-премьер и министр обороны Эхуд Барак), и об этом написана уже полка книг; при этом люди, игравшие ключевую роль в палестино-израильских отношениях тогда, играют ее и сейчас. Можно ли говорить о том, что из недавнего прошлого извлечены адекватные уроки? Насколько дипломаты и специалисты, задействованные в политических процессах в ближневосточном регионе, понимают причины, по которым мирные переговоры не привели к миру, обернувшись новыми витками эскалации: второй интифадой, захватом ХАМАСом власти в Газе, обстрелами израильской территории ракетами и минометными снарядами, широкомасштабной военной операцией «Литой свинец» против различных целей в Газе? Попытке суммировать шестнадцатилетний опыт (начиная с 1993 года) палестино-израильских отношений в контексте региональной и международной политики и посвящена настоящая монография.

И соглашения Осло, и обнародованная спустя десять лет, 30 апреля 2003 года, «Дорожная карта» урегулирования основного ближневосточного конфликта рассматривали палестино-израильский политический процесс как «поступательный», то есть выполнение каждого из перечисленных шагов будет условием для начала выполнения следующего. При этом в обоих документах не были прописаны временные рамки окончательного урегулирования, хотя был предопределен его формат (в соглашениях Осло завуалированно, в «Дорожной карте» — прямо): два государства для двух народов. При этом ни в соглашениях Осло, ни в «Дорожной карте» от палестинцев не требовалось признать Израиль в качестве еврейского государства, это условие фактически было впервые выдвинуто Биньямином Нетаньяху в его программном выступлении в Университете Бар-Илан 14 июня 2009 года. Слова Б. Нетаньяху

о том, что «фундаментальной предпосылкой для завершения конфликта должно стать публичное, обязывающее и недвусмысленное признание палестинцами Израиля как государства еврейского народа»[2], стали, пожалуй, первым индикатором того, каким будет одно из тех двух государств, о которых можно помыслить в контексте парадигмы «двух государств для двух народов».

При этом следует помнить, что в тот самый момент, когда Б. Нетаньяху произносил эти слова, численность арабов, друзов и бедуинов в «государстве еврейского народа» достигла полутора миллионов человек, превысив 20% населения страны, и хорошо бы понимать, как глава правительства Израиля видит их место на будущей карте «двух государств для двух народов». На сегодняшний день этот вопрос содержательно практически не обсуждается, разговоры если и ведутся, то лишь о проблеме еврейских поселений, существующих на территории, на которой может быть создано Палестинское государство, но о полутора миллионах арабоязычных граждан Израиля в контексте парадигмы «двух государств для двух народов» практически не упоминается. Эта тема рассматривается в ином контексте, а именно в связи с требованиями гражданского равноправия всех жителей Израиля вне зависимости от их этнической, национальной и/или конфессиональной идентичности, и потрясающим образом эти два дискурса — о мирном урегулировании конфликта (и тогда, коли для двух народов — два государства, Израиль таки да государство именно еврейского народа) и об обеспечении гражданского равенства (и тогда Израиль оказывается государством всех своих граждан, лишенным четко выраженного национального характера), — дискурсы эти почти не пересекаются, как будто речь идет о явлениях, меж собой никак не связанных.

Кроме того, остро встает и вопрос о том, насколько разумно и в принципе возможно объединять в единое палестинское государство два анклава — сектор Газа и Западный берег Иордана, которые в прошлом находились под управлением разных государств (соответственно Египта и Иордании), а ныне управляются двумя никак не взаимодействующими между собой правительствами во главе с соответственно Исмаилом Ханией и Саламом Файядом. Международные посредники механически требуют от правительства Израиля согласиться на создание палестинского государства, едва ли осознавая, что создать одно палестинское государство, управляемое едиными органами власти, сегодня практически невозможно совершенно безотносительно к тому, согласно или нет на это израильское руководство.

Историческая преемственность, проявлявшаяся в соглашениях Осло-1 (1993) и Осло-2 (1995), в «параметрах Клинтона» (2000), «Дорожной карте» (2003), Аннаполисских договоренностях (2007), очень существенна, и можно даже утверждать, что до тех пор, пока стороны и заинтересованные наблюдатели не изменят свое отношение к самому процессу урегулирования этого конфликта, последующие миротворческие инициативы, вероятнее всего, будут основаны на тех же принципах, что и предыдущие, в результате оказываясь столь же непродуктивными. Эта отмеченная преемственность требует пересмотра основополагающих предпосылок переговорного процесса, касающегося решения палестинской проблемы, а также всего наследия миротворческого процесса в рамках арабо-израильского конфликта, поскольку это наследие обусловило появление многочисленных миротворческих инициатив, создав определенные ожидания касательно природы израильско-палестинского конфликта, возможностей его мирного урегулирования, а

также роли наблюдателей и посредников извне. Начать надо с самых фундаментальных вопросов — действительно ли переговоры, направленные на урегулирование палестинской проблемы, должны вестись исключительно представителями Израиля и Палестинской администрации, либо же эта проблема не имеет решения в двустороннем формате, без участия арабских стран, контролировавших сектор Газа и Западный берег в 1949–1967 гг., — Египта и Иордании соответственно. Кроме того, имеет смысл задуматься над тем, можно ли в нынешних условиях рассчитывать на то, что какие-либо соглашения, заключенные с администрацией М. Аббаса будут признаны правительством ХАМАСа в секторе Газа, члены которого, несмотря на масштабное более чем трехлетнее израильское и международное давление, так и не сформулировали каких-либо внятных условий, на которых они готовы признать Израиль и вести переговоры с его полномочными руководителями.

Палестино-израильский конфликт, являясь, разумеется, частью арабо-израильского противостояния, по многим характеристикам является уникальным. Палестинцы имеют два анклава, обладающих квазигосударственным статусом, при этом израильская армия и силы безопасности делают в каждом из них что хотят и когда хотят. В отличие от «непризнанных государств», таких как Приднестровская Молдавская республика, Нагорный Карабах, Южная Осетия или Абхазия, нынешнюю территорию Палестины практически невозможно внятно очертить на карте, и у ее властей (что на Западном берегу, что в Газе) совершенно точно нет возможностей защитить свою безопасность и территориальную целостность. Палестинцы на Западном берегу и в Газе знают, что израильские власти могут в любой момент инициировать любые меры, ущемляющие их права, будь то

начало более или менее масштабной военной операции, в том числе и в густонаселенных центральных районах больших городов; закрытие всех или части КПП между этими территориями и пограничными странами, а также между различными городами и деревнями, расположенными на самих этих территориях; введение режима блокады, при котором жителям этих территорий запрещен въезд в Израиль, причем применительно к Газе блокада может быть (и есть) не только сухопутной, но и морской и воздушной и т.д. Палестина — уникальное политико-географическое формирование, которое имеет два независимых (в том числе и друг от друга) правительства, но при этом члены которого могут быть в любой момент задержаны, арестованы и даже убиты израильскими силовыми структурами. Однако и Израиль является достаточно уникальным политико-географическим образованием, так как вот уже более сорока лет он не имеет четко очерченных границ, и сотни тысяч его граждан при более или менее активной поддержке органов власти поселились и живут на территориях, которые не только с точки зрения международного права, но и с точки зрения собственно израильского законодательства не являются частью государства. Таким образом, палестино-израильский конфликт представляет собой противостояние «больше чем государства» с двумя «меньше чем государствами», причем каждый пятый гражданин первого с национальной, языковой, культурной и, как правило, конфессиональной точек зрения является частью некоей арабо-мусульманской палестинской общности, к которой принадлежат и жители обоих «меньше чем государств». Это положение вещей достаточно наглядно демонстрирует, насколько мало связанной с реальностью является борьба за «два государства для двух народов».

В отличие от конфликтов между государствами участники межгрупповых конфликтов не постоянны и не имеют ни независимости, ни четкого территориального определения[3]. Как следствие, лидеры таких групп, во-первых, не обладают ни монополией на применение силы (ярким свидетельством чего стали многочисленные террористические акты, проведенные всевозможными «фронтами» и «бригадами», мало (если вообще) контролировавшимися официальными руководителями органов власти Западного берега и Газы: покойным Я. Арафатом, М. Аббасом или И. Ханией), ни достаточными гарантиями на одобрение со стороны их избирателей (свидетельством чего стали выборы, проигранные возглавлявшимся М. Аббасом ФАТХом в 2006 году, равно как и выборы в Израиле, проигранные «левыми» правительственными коалициями после подписания и реализации соглашений Осло и после провала переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе соответственно в 1996 и 2001 г.). Во-вторых, в отличие от государств, которые защищены от исчезновения нормами международного права, группы сталкиваются с угрозой «этнической чистки» и ее радикальной формы — геноцида; подобный страх довлеет как над палестинскими арабами (особенно в свете Накбы 1948 года), так и над евреями-израильтянами (прежде всего в свете Холокоста)[4]. Межгрупповые конфликты, таким образом, отличают ярко выраженный характер острого противоборства, беспорядочность и склонность к анархии; они пробуждают в участниках радикальное понимание собственного своеобразия и готовности к самым крайним мерам во имя обеспечения безопасности; различия между участниками вооруженного конфликта с обеих сторон и гражданским населением расплывчаты. Учитывая, что служба в армии в Израиле — обязательная и мужчины призываются на порой весьма продолжительные

резервистские сборы и в 25, и в 35, и в 45 лет, можно и в самом деле прийти к выводу, сделанному бывшим начальником Генерального штаба ЦАХАЛа И. Ядином: «Каждый гражданин страны — это солдат, находящийся в одиннадцатимесячной увольнительной»[5]; при таком подходе где же найти в стране собственно гражданское население? Аналогичным образом существует очевидная проблема разделения между «боевиками» и «гражданским населением» в палестинском социуме, причем насколько верно утверждение о том, что большинство палестинцев в террористических актах непосредственно не участвует, настолько же верно и то, что это большинство террор не осуждает, а скорее, напротив, видит во взрывающихся в автобусах самоубийцах и ракетчиках, запускающих свои изделия (зачастую кустарного производства) по израильским домам, промышленным объектам и учебным заведениям, национальных героев, о которых нужно рассказывать в школах и даже детских садах. Национальный милитаризм отличает палестинцев в едва ли не большей степени, чем израильтян, логика гражданского демократического государства, в котором бы соблюдались права меньшинств, в целом чужда им, и это бессмысленно отрицать. Лозунг ООП о создании на территории Палестины единого светского демократического государства (естественно, с арабским большинством) имел сугубо утилитарные цели, будучи обращенным к западной аудитории, восприимчивой к подобной риторике[6]. В самом палестинском социуме куда большим спросом пользуется лозунг «Огнем и кровью освободим тебя, Эль-Кудс» [Иерусалим] и ему подобные. Ни израильтяне, ни палестинцы не стремятся к созданию гражданских государств; скорее напротив, в восприятии обоих народов критически важно избежать развития событий по такому сценарию, сохраняя верность куда более

«значимым» ценностям: земле Палестины/Эрец-Исраэль, «праву на возвращение», Иерусалиму как столице и т.д.

Научно-теоретическая база, применявшаяся в прошлом для изучения палестино-израильского конфликта, слишком часто строилась на наследии миротворческого процесса в рамках арабо-израильского урегулирования, являющегося межгосударственным, тогда как палестино-израильский конфликт — это, по существу, конфликт межобщинный[7]. Применимость теорий мирного урегулирования межгосударственных конфликтов к сфере конфликтов межобщинных была поставлена под сомнение отдельными экспертами еще во времена «холодной войны», а позднее открыто оспорена в период, когда было достигнуто то или иное урегулирование между противоборствующими группами в Южной Африке, Ливане и Северной Ирландии. Однако до сих пор в том, что касается палестино-израильского конфликта, доминирует именно подход межгосударственного урегулирования, который становится с годами всё менее и менее адекватным изменяющимся обстоятельствам. Представляется, что имеет смысл представить вкратце, какое место занимала «палестинская проблема» и попытки ее хотя бы частичного разрешения в общем комплексе вопросов, касавшихся арабо-израильского урегулирования. История не начинается сегодня, и невозможно конструктивно выдвигать и обсуждать никакие новые идеи, не попытавшись понять, что и почему «не сработало» в предшествующие десятилетия.

Глава II

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Любая попытка объяснить провал мирного процесса Осло должна учитывать наследие миротворческого процесса в рамках арабо-израильского конфликта, поскольку палестино-израильский конфликт в целом сложился как один из аспектов более широкой мозаики региональных противостояний. Именно это обстоятельство повлияло на формирование ожиданий в отношении процесса Осло и последовавших за ним миротворческих инициатив.

В ноябре 1947 года Генеральной Ассамблеей ООН было принято решение о разделе Палестины/Эрец-Исраэль на два государства для двух соперничавших национальных общин — евреев и палестинских арабов. Первые были главным образом иммигрантами, бежавшими от преследований и заселявшими страну, которую они расценивали как свою историческую родину; вторые являлись на этой территории местными жителями, хотя и в этом случае немалая часть прироста населения объясняется иммиграцией. Хотя те, кто инициировал и принимал решение о разделе, надеялись таким образом мирно завершить тридцатилетнее британское мандатное правление, его результатом явилось обострение

конфликта между двумя общинами, который начал вызревать с того момента, как еврейские иммигранты впервые переселились в Палестину в конце XIX века. Сразу после принятого решения о разделе Палестины/Эрец-Исраэль на два государства — еврейское и арабское — начался достаточно массовый исход арабских жителей из Хайфы и других районов, где планировалось создание будущего еврейского государства. В стране фактически началась гражданская война между еврейской и арабской общинами.

В мае 1948 года после провозглашения независимости Государства Израиль на его территорию вторглись армии соседних арабских стран, и конфликт между двумя общинами превратился в войну с участием нескольких государств. Эта война закончилась в 1949 году подписанием на острове Родос соглашений о прекращении огня между Израилем с одной стороны и Египтом, Ливаном, Иорданией и Сирией с другой. Важно отметить, что палестинские арабы, большинство из которых в результате военных действий покинули места своего проживания (часть была изгнана, часть бежала сама, эта тема подробно изучена и описана[8]), не стали одной из сторон в этих переговорах. Хотя арабские страны вступили в войну с Израилем, аргументируя ее риторикой борьбы за интересы палестинских арабов, а египтяне даже сформировали в Газе т.н. «палестинское правительство» во главе с иерусалимским муфтием Х.А. аль-Хусейни, ни одна из этих стран не настаивала на участии палестинской делегации в переговорах или хотя бы на участии представителей местного арабского населения в качестве наблюдателей. Таким образом, возник прецедент, на основе которого впоследствии проблемы между арабами и израильтянами решались исключительно на межгосударственном уровне.

При этом, вопреки надеждам тогдашнего министра иностранных дел Израиля Моше Шарета, за Родосскими соглашениями о прекращении огня и разъединении войск не последовало заключения полноценных мирных договоров[9]. На несколько десятилетий в отношениях Израиля с его соседями воцарилась ситуация «ни мира, ни войны», причем даже и вспышки военных действий (весьма короткие, но имевшие большие последствия для всего региона) в 1956, 1967 и 1973 годах не приводили к смене парадигмы: от своей подписи под Родосскими соглашениями о прекращении огня ни одна из сторон формально не отказывалась, но и первый мирный договор между Израилем и одной из граничащих с ним стран был заключен только в самом конце 1970-х годов.

Уже в начале 1950-х годов, после убийства короля Иордании Абдаллы, более остальных готового к ведению переговоров с еврейским государством, в Израиле сложился внутриполитический консенсус относительно практической недостижимости мирного урегулирования в связи с отказом арабских лидеров пойти на прямые переговоры с Д. Бен-Гурионом или уполномоченными им лицами. Именно отказ Г.А. Насера от прямых переговоров с израильскими официальными лицами в середине 1950-х годов подтолкнул Д. Бен-Гуриона к решению о неизбежности войны с Египтом, которая и произошла в конце октября — начале ноября 1956 года[10].

Однако после Шестидневной войны в связи с получением Израилем контроля над Синайским полуостровом, сектором Газа, Западным берегом реки Иордан и Голанскими высотами в руководстве страны стали вызревать идеи о возможностях заключения мирных соглашений в обмен на все завоеванные территории или их большую или меньшую часть[11]. Обсуждение данного вопроса вылилось в многолет-

нюю политическую дискуссию между сторонниками мирного урегулирования, разделявшими принцип «мы за ценой не постоим», и теми, кто полагал, что Израиль, будучи странной, выигравшей войну, вправе диктовать свои условия.

Дискуссия между теми, кого было принято называть «ястребы», и теми, кого называли «голуби», касалась в основном именно максимально приемлемой для Израиля цены мирных соглашений. Участники дебатов рассуждали об историко-религиозной значимости тех или иных занятых территорий и об их важности в контексте обеспечения безопасности страны. Так, если Синайский полуостров и Голанские высоты расценивались как стратегически важные территории, то Западный берег реки Иордан (Иудея и Самария) воспринимался прежде всего как неотъемлемая часть того великого прошлого, ради воссоединения с которым сионистское движение и предпочло Палестину/Эрец-Исраэль Аргентине, Уганде или Биробиджану. Ценность мира противопоставлялась другим ценностям: территориальным, стратегическим, идеологическим, религиозным и т.д. При этом многие считали, что само сравнение некорректно: территории — реальная, осязаемая ценность, в то время как «мир» — абстрактная, неопределенная и неконтролируемая величина, зависящая от дальнейшего развития отношений между сторонами. Вопрос состоял в поиске разумных и приемлемых условий, способных уравновесить осязаемые ценности и значимость «мира». При этом в израильском руководстве были как сторонники урегулирования палестинской проблемы в рамках прямых контактов с собственно местными палестинскими арабскими лидерами, так и противники отхода от парадигмы межгосударственных отношений, считавшие, что Израиль должен вести переговоры с теми странами, во владении или под контролем ко-

торых эти территории находились накануне Шестидневной войны. Пожалуй, наиболее активными сторонниками «палестинской опции» были видный дипломат и член правительства Элияху Сассон и его сын, также видный дипломат, Моше Сассон, добившиеся поддержки премьер-министра Леви Эшколя, в то время как в лагере их противников выделялись братья Хаим и Яаков Герцоги, старший из которых был первым военным комендантом Западного берега, а в 1983 году стал президентом Израиля, а младший возглавлял администрацию премьер-министра. Возможность того или иного сепаратного соглашения с палестинскими представителями в отрыве от какого-либо межгосударственного соглашения между Израилем и арабскими государствами рассматривалась, и весьма серьезно, однако реализована она так и не была — ни в период правления Л. Эшколя, ни после его неожиданной кончины в конце февраля 1969 года[12].

Итоги победной Шестидневной войны отчетливо показали израильскому руководству, что оно само весьма и весьма ограничено в маневрах относительно возможностей отказаться от «плодов победы». Любая миротворческая деятельность, связанная с территориальными уступками, должна была рассматриваться как составляющая не только внешней, но и внутренней политики, причем она могла породить немалые проблемы для правительственной коалиции, свидетельством чего стал уход в оппозицию представителей правого блока партии «Херут» и либералов 6 августа 1970 года, когда кабинет Голды Меир выразил теоретическую готовность согласиться с мирной инициативой, выдвинутой госсекретарем США У. Роджерсом. Хотя в результате этот план реализован не был, правительственная коалиция успела распасться. Когда же урегулирование конфликта, пусть и частичное, стало практически осуществимым, взаимосвязь

между внешней и внутренней политикой превратилась в реальную проблему. Не всегда было понятно, с кем правительству сложнее договориться — с арабами или же с политическими противниками внутри самого Государства Израиль.

Израильский руководитель, готовый пойти на уступки значительно большие, чем это кажется оправданным большинству сограждан, играет ва-банк: он может подписать мирный договор, получить Нобелевскую премию и войти в историю (приведем в качестве примера Менахема Бегина), но может и получить в ответ на свои предложения по подписанию мирного соглашения новый виток террора и насилия, который будет стоить ему поста и карьеры (как это случилось, например, с Эхудом Бараком после неудач переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе). В конце концов, Ицхака Рабина — единственного премьер-министра Израиля, погибшего насильственной смертью, убили никак не арабы, не говоря уже о том, что каждое обострение конфликта приводило в последние тридцать лет к существенным изменениям политической конфигурации в стране.

В 1979 году был подписан первый мирный договор между Израилем и Египетом под покровительством президента США Дж. Картера. Это событие стало важной вехой в истории конфликта, и его значение для последующих миротворческих усилий трудно переоценить. Приблизительно за полтора года до этого египетский президент Анвар Садат прибыл в Иерусалим, совершив «бесстрашный, оригинальный, яркий, беспрецедентный и вдохновенный поступок»[13]. Этим неожиданным порывом А. Садат стремился разрушить «психологический барьер», мешавший мирному урегулированию конфликта между двумя государствами. Кроме того, нанеся визит в Израиль, и, в конечном счете, возвратив себе вплоть до последнего сантиметра Синайский полуостров, А. Са-

дат не только укрепил точку зрения на арабо-израильский конфликт как на конфликт межгосударственный, но также задал модель для будущих миротворческих усилий: по мере того как лидеры арабских государств будут признавать Государство Израиль, оно будет возвращать все территории, занятые им в 1967 году. При этом, хотя израильско-египетские переговоры затрагивали целый ряд вопросов, касавшихся «палестинской проблемы», они обсуждались представителями двух стран с участием американских дипломатов, но вновь, как и на Родосе за три десятилетия до этого, без участия самих палестинцев. Израиль официально согласился на создание палестинской автономии на территории Западного берега и сектора Газа (в тот период эта часть соглашения так и не была реализована), однако сделано это было не в рамках палестино-израильских двусторонних или палестино-израильско-египетских трехсторонних, а исключительно в контексте израильско-египетских сепаратных переговоров. Палестинский вопрос стал разменной картой, которую и Израиль, и арабские страны использовали в своих интересах, не привлекая при этом самих палестинских представителей к обсуждению судьбы их народа. Показательно, что сама по себе институционализация палестинского национального движения здесь никакой роли не играла, и подобно тому, как представители Общепалестинского правительства в Газе не были приглашены для участия в Родосских переговорах 1949 года, тридцать лет спустя признанная к тому моменту легитимным представителем всего палестинского народа ООП никак не была задействована в израильско-египетских двусторонних переговорах, пусть даже одной из их центральных тем было формирование палестинского самоуправления на контролировавшихся Израилем территориях.

Вторым прецедентом, повлиявшим на развитие арабо-израильских отношений, была так называемая «алжирская модель». После неудачной попытки подавить восстание в Алжире президент Шарль де Голль кардинально изменил политику Франции по отношению к непокорной колонии, кульминацией чего стал полный уход французских сил из Алжира и провозглашение его независимости. Для начинавших в те годы свой путь в политике палестинских деятелей сопротивления борьба Алжира за независимость во многом была моделью для подражания.

Одновременно алжирский опыт продемонстрировал, что именно политик-«силовик» с генеральскими погонами может стать тем человеком, который будет готов к решительным шагам в направлении мирного урегулирования застарелого конфликта, будучи готовым к значительным уступкам в направлении деколонизации и ухода с занятых в прошлом территорий. Показательно, что подобным образом события трижды развивались впоследствии и в Израиле, *каждый раз*, когда к власти приходили кадровые военные: генералы армии в отставке Ицхак Рабин и Эхуд Барак и генерал в отставке Ариэль Шарон, предпринимались решительные шаги в направлении размежевания с палестинскими арабами. Во время правления И. Рабина были подписаны соглашения Осло-1 (1993) и Осло-2 (1995) и создана Палестинская национальная администрация (1994). В период правления Э. Барака на переговорах с Я. Арафатом и его соратниками в Кемп-Дэвиде (2000) и Табе (2001) израильские официальные лица выразили готовность к масштабным уступкам в беспрецедентных размерах как по поводу отступления почти со всей территории Западного берега (Иудеи и Самарии), так и относительно возможного раздела Иерусалима. А. Шарон, будучи премьер-министром, после тридцати

восьми лет военного и гражданского присутствия вывел все израильские поселения и силы из сектора Газа и Северной Самарии (2005). То есть именно люди, всю жизнь занимавшиеся ведением боевых действий и антитеррористических кампаний, в том числе и прежде всего против палестинских арабов, оказавшись во главе пирамиды гражданской власти, делали наиболее решительные шаги в направлении прекращения израильского контроля над жизнью палестинцев.

Арабо-израильские отношения долгие годы характеризовались достаточно симметричными взаимными ожиданиями сторон: тогда как многие израильтяне ждали арабского лидера (условного «Садата»), который протянет руку мира еврейскому государству, положив конец многим десятилетиям вражды, многие арабы (равно как и немалое число израильтян) ждали израильского лидера — условного «де Голля», который сможет дать арабским жителям занятых в ходе Шестидневной войны территорий возможность самим решать свою судьбу.

Исследователи, занимающиеся теорией конфликта и мира, долго восхищались способностью Ш. де Голля и А. Садата изменить направление затянувшегося конфликта и достигнуть его успешного завершения. Однако мирный процесс между Израилем и Египтом, как и борьба Алжира за свою независимость, представляют собой принципиально иные по характеру феномены, чем попытка разрешить палестинскую проблему. Конфликт между Египтом и Израилем был с самого начала конфликтом между двумя государствами. Панарабская риторика Г.А. Насера переводила конфликт с Израилем в региональное и даже цивилизационное русло, однако после распада Объединенной Арабской Республики, кончины Г.А. Насера и прихода к власти А. Садата противостояние между странами вернулось в билатеральный формат.

Обращаясь к опыту Франции в Алжире, можно утверждать, что этот конфликт, хотя и был частью общего процесса деколонизации, происходившего во многих странах третьего мира, разумеется, имел прежде всего межгосударственное измерение. В тот период Франция уже обладала устоявшимися государственными институтами и двухвековой демократической традицией, позволившей ей провести в Алжире референдум о независимости и безоговорочно признать его итоги.

В отличие от израильско-египетского конфликта конфликт между израильтянами и палестинцами никогда не был межгосударственным; в отличие от борьбы между Францией и Алжиром, в центре его находится не только судьба спорной территории, но и вопросы, связанные с идентичностью, безопасностью и хозяйственными системами обеих групп населения. Французы не определяли свою идентичность через призму конфликта в Алжире, это не был структурообразующий компонент их национального и гражданского самосознания, борцы за независимость Алжира не претендовали над контроль над какими-либо местами, являющимися сакральными для французов. Ситуация в отношениях между палестинскими арабами и евреями-израильтянами принципиально иная: обе общины претендуют на контроль над одними и теми же территориями, на которых расположены объекты, имеющие наивысшую историко-религиозную значимость для обоих народов, через призму которых эти народы конструируют свое не только конфессиональное, но даже и национально-гражданское самосознание, будь то Стена Плача и Храмовая гора в Иерусалиме, могила праотцев в Хевроне или могила в Шхеме, которая является местом захоронения то ли праотца Иосифа, то ли шейха Юсуфа аль-Двейка. Следует подчеркнуть,

что в основе конфликта между евреями-израильтянами и палестинскими арабами — противостояние двух народов в борьбе за одну и ту же землю, здесь практически невозможно провести пограничные линии. Более того: в этой борьбе выкристаллизовались израильское и палестинское самосознание как таковые, взаимная ненависть между двумя народами фактически сформировала их. Как ни грустно это признать, но именно ненависть к евреям отличает палестинцев от других арабских народов, и именно убежденность в том, что все арабы — враги, отличает израильтян от других евреев планеты. Этот конфликт очень далек от той стадии, на которой его можно было бы перевести в межгосударственное измерение.

Некоторые обозреватели считают, что палестино-израильский конфликт начался в конце 1880-х годов, когда первые еврейские поселенцы стали прибывать в подконтрольную Османской империи Палестину. Другие же полагают, что отправной точкой стало установление мандатного правления Великобритании над Палестиной сразу после обнародования ею 2 ноября 1917 года просионистской Декларации Бальфура. Однако наиболее распространенной (при этом на самом деле неверной) датировкой является 1948 год — год основания Государства Израиль. Израиль сразу же после провозглашения независимости подвергся нападению со стороны окружающих его арабских стран, которые в течение десятилетий публично отрицали его право на существование, хотя тайная дипломатия между сторонами имела место быть на протяжении десятилетий.

Для палестинцев поражение арабских стран в начатой ими сразу после провозглашения независимости Государства Израиль войне стало национальной катастрофой: 80% арабского населения бежало или было вытеснено с тех зе-

мель, которые в результате итогов войны были объявлены суверенной территорией Израиля; многие из этих людей и их потомков до сих пор живут в лагерях беженцев. Между 1949 и 1967 годом контроль, причем весьма эффективный, над Западным берегом осуществляла Иордания, которая распространила на эти территорию свою юрисдикцию, Газу же оккупировал, но не аннексировал Египет. После 1967 года Западный берег и сектор Газа перешли под израильский контроль, при этом Израиль, подобно Египту, не включил эти территории (за исключением Восточного Иерусалима) в границы своего суверенитета. До создания ПНА в 1994 году палестинские жители Газы на протяжении сорока шести лет жили в статусе жителей оккупированных территорий, не имея какого-либо гражданства.

Трансформация палестино-израильского конфликта происходила постепенно, но центральным событием на этом пути стало взаимное признание ООП и Израиля в рамках подписания Декларации принципов (так называемое соглашение Осло-1) в сентябре 1993 года. Декларация принципов стала результатом целого ряда тайных встреч между высшими руководителями Государства Израиль и ООП, которые последовали вслед за аналогичными встречами неофициальных представителей Израиля и палестинцев[14]. Декларация принципов и последующие соглашения, заключенные в 1994–1995 годах, привели к созданию ПНА и проведению выборов на Западном берегу и в секторе Газа. ПНА получила контроль сначала над сектором Газа и над Иерихоном, а затем над всеми остальными арабскими городами Западного берега. Согласно соглашению от 1995 года было выделено три зоны: в зоне «А», включавшей шесть городов — Дженин, Шхем (Наблус), Тулькарем, Калькилию, Рамаллу, Бейт-Лехем (Вифлеем) и, с оговорками, Хеврон, —

палестинские власти были полностью ответственны за внутренние дела и безопасность; в зоне «B» палестинские власти были ответственны за внутренние дела, а Израиль — за вопросы безопасности; в зоне «C», включавшей еврейские поселения на Западном берегу, стратегически важные магистрали, район Иорданской долины и незаселенные территории, Израиль сохранил полный контроль. Реализация этих соглашений шла медленно и зачастую отставала от графика, намеченного в ходе переговоров, но все же шла, несмотря на терроризм и другие акты насилия.

Убийство Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года и взрывы, устроенные палестинскими террористами-смертниками в автобусах Иерусалима и Тель-Авива в феврале–марте 1996 года, привели к смене правительства в Израиле. В мае 1996 года премьер-министром в ходе прямых выборов был избран Б. Нетаньяху, после чего была сформирована правящая коалиция во главе с правоцентристской партией «Ликуд». Хотя изначально Б. Нетаньяху не планировал продолжать переговоры с Я. Арафатом, как минимум — в формате процесса Осло, инициированные палестинским лидером в сентябре 1996 года масштабные волнения, поводом для которых было объявлено открытие Израилем второго выхода в «туннеле Хасмонеев» (участка древнего водовода и улицы хасмонейско-иродианского периода, проходящих от площади у Стены Плача до Виа Долороза), показали, насколько ограничены возможности для маневра и как немного на самом деле может сделать премьер-министр Израиля, пусть даже и имеющий значительный кредит доверия в связи с победой на всеобщих выборах. Я. Арафат заявил, что израильтяне хотят с помощью туннеля подрыть фундамент мечети Аль-Акса и таким образом разрушить ее, освободив место для строительства своего Храма. Несмотря на очевидный

абсурд этого заявления, в Иерусалиме и в некоторых районах на контролируемых территориях произошли серьезные беспорядки и вооруженные столкновения; впервые палестинская полиция применила оружие против израильских сил безопасности; погибло 15 израильтян и 52 палестинских араба. Дело дошло до того, что арабы с Храмовой горы бросали камни на молящихся у Стены Плача евреев. Чтобы остановить волну насилия, президент США Б. Клинтон в авральном порядке пригласил к себе премьер-министра Б. Нетаньяху и главу ООП Я. Арафата, а также руководителей Иордании и Египта. Таким образом Я. Арафату удалось добиться возвращения палестинской проблемы в повестку дня наиболее влиятельных мировых лидеров. Вместе с тем вся логика его действий отчетливо характеризовала его не как государственного, а как революционного общинного лидера, который планирует свои шаги в расчете на скорое вмешательство извне со стороны других государств или международных организаций. Логика Осло строилась на том, что все возникающие между ними проблемы стороны будут обсуждать и урегулировать в ходе прямых контактов между собой. Положение, сложившееся в конце сентября 1996 года, свидетельствовало о значительном откате назад: стороны сами не смогли договориться, а вспышка насилия заставила вмешаться более «политически зрелых» и ответственных посредников, выступивших гарантами достигнутых соглашений.

В этом формате контакты между представителями сторон продолжались и дальше: центральную роль в переговорах играли не столько сами израильтяне и палестинцы, сколько посредники, которые определяли время проведения переговоров, их тематику и даже те границы, в рамках которых обсуждение считалось легитимным; они же пред-

ставляли сторонам свои «компромиссные» предложения, когда переговоры раз за разом заходили в тупик. Это имело как свои плюсы, так и минусы: представители сторон, в особенности палестинские лидеры, взяли за правило при каждом удобном случае «возвращать мяч» американским дипломатам, надеясь, что те, надавив на членов израильской делегации, добьются для них лучших условий соглашения. Раз за разом «сдавая» очередную «красную черту», израильские представители обнаруживали, что палестинские партнеры по переговорам инициировали очередной «кризис мирного процесса», вынуждая американских посредников вмешаться, призывая израильтян «проявить гибкость» и «продемонстрировать творческий подход» — оба эти эвфемизма традиционно означают, что от Израиля ожидаются новые уступки.

Нужно сказать, что в целом подобная ситуация вполне устраивала американцев, так как превращала их в незаменимых ключевых игроков ближневосточной политики, без которых никакие позитивные сдвиги невозможны в принципе; в конце концов, именно на достижение подобного положения была направлена вся челночная дипломатия Генри Киссинджера[15]. Однако эта стратегия устраивала американцев тогда, когда она заканчивалась успехом, как это и было в ходе израильско-египетских переговоров 1970-х годов. Информация о кризисах в мирном процессе регулярно публиковалась в прессе, и тот факт, что сначала были подписаны два соглашения о разъединении войск (в 1974 и 1975 году), затем — рамочное соглашение о мире на Ближнем Востоке (в 1978 году), а в завершение — полноценный мирный договор между двумя странами (в 1979 году), в глазах мирового общественного мнения превращал американских посредников в кудесников. Однако важно понимать, что американцы

на самом деле не сколько посредничали между израильтянами и египтянами, сколько навязывали обеим сторонам *свои* условия, пытаясь доказать им — и прежде всего только вышедшим из-под советской опеки египтянам, — что американское посредничество позволит им заключить более выгодный договор. Эта стратегия никак не могла привести к успеху в иной ситуации, когда одна из сторон в переговорах по тем или иным причинам заинтересована в участии в «мирном процессе», но не стремится при этом к заключению обязывающего соглашения: именно такой была ситуация в ходе саммита в Кемп-Дэвиде в 2000 году, в котором участвовали и госсекретарь Мадлен Олбрайт, и президент Билл Клинтон, не говоря уже о государственных деятелях и дипломатах не столь высокого ранга, однако никто из них не смог убедить Ясира Арафата подписать итоговое соглашение, предусматривающее, в частности, декларацию о завершении конфликта и отказе от взаимных претензий. Будучи по натуре лидером национально-освободительного движения, а не государственным деятелем, Я. Арафат не смог закончить стадию «борьбы», в результате чего переговоры закончились крахом, а американские посредники выглядели, прямо скажем, не лучшим образом. Тогдашний министр иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами справедливо констатировал: «Арафат — не лидер, он весь находится в плену мифов. … Лидер принимает решения, которые порой возмущают людей, оказавших ему поддержку, и тогда он расплачивается за это ценой своей собственной карьеры. Бен-Гурион, Садат, Бегин, Рабин, де Голль, решая проблему Алжира, Никсон, начавший процесс нормализации отношений с Китаем, де Клерк в Южно-Африканской Республике были такими лидерами. Арафат же не является лидером, который встречается лицом к лицу с общественными по-

трясениями, напротив, он скорее избегает их»[16]. Эти черты личности Я. Арафата американцы изменить не смогли, а именно эти характеристики в критический момент и оказались решающими.

В результате, добившись статуса единственной мировой сверхдержавы и став фактически единственным посредником в арабо-израильском переговорном процессе, США оказались и основным виновником провалов в региональном миротворчестве. Так, израильский политолог Рон Пундак, бывший одним из архитекторов соглашений Осло, описывая неудачу саммита в Кемп-Дэвиде, констатировал: «Можно сказать, что мир между израильтянами и палестинцами просто невозможен. Или можно предположить, что мир возможен, но обе стороны пока не признали его как единственную жизнеспособную альтернативу и поэтому пока не готовы пойти на тяжело дающиеся, но необходимые, уступки. Однако факты указывают на третье объяснение: в действительности возможность достичь мирного соглашения существовала, но она оказалась упущена в результате просчетов и неправильного руководства всем переговорным процессом»[17].

Палестинский исследователь Хусейн Агха также был склонен обвинять американцев, утверждая, что Кемп-Дэвидский саммит 2000 года, в котором приняли участие Э. Барак, Я. Арафат и Б. Клинтон, — «воссозданный» саммит 1978 года между М. Бегином, А. Садатом, и Дж. Картером — был проведен неудачно и не вовремя. США играли в переговорах несколько различных ролей: роль «главного гаранта» предполагаемого мирного соглашения; роль защитника мирного процесса; роль стратегического союзника Израиля, его политического и культурного партнера. Эти роли были внутренне противоречивыми, преуспеть в каждой из них

одновременно было заведомо невозможно, — утверждает Х. Агха. Почти во всех действиях Э. Барака Я. Арафат усматривал цель либо заставить его «проглотить» навязываемую ему сделку, либо мобилизовать мировое общественное мнение на изоляцию и ослабление палестинцев, если они откажутся дать на эту сделку согласие. Х. Агха отмечает: «То, что США направили приглашения сторонам участвовать в Кемп-Дэвидском саммите, несмотря на отказ Израиля выполнить ранее принятые на себя обязательства, усилило подозрения Я. Арафата о существовании американо-израильского сговора»[18]. Подчеркнем: ни Рон Пундак, ни Хусейн Агха не принадлежат к числу «радикалов», «экстремистов» или «религиозных фундаменталистов», оба они как раз относятся к тем (прямо скажем, достаточно немногим) общественным деятелям, искренне стремящимся к миру между Израилем и палестинцами, и при этом оба они пришли к выводу, что значительная часть ответственности за провал переговоров лежит на посредниках.

Неудача переговоров в Кемп-Дэвиде ознаменовала собой фактическое окончание процесса Осло, основной идеей которого был принцип поэтапного промежуточного урегулирования, которое должно было сопровождаться созданием атмосферы взаимного доверия, призванной подготовить стороны к ведению конструктивных переговоров об окончательном разрешении конфликта. Вместо этого в сентябре 2000 года началась вторая интифада, и израильтяне и палестинцы оказались ввергнуты в новый круговорот насилия, в то время как перспективы мирного урегулирования становились все более призрачными.

Глава III

ПЕРЕГОВОРЫ О ПРОМЕЖУТОЧНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ: ПРОЦЕСС ОСЛО

Процесс Осло начался с секретных встреч между израильскими и палестинскими представителями, после того как переговоры, начатые на Мадридской конференции, зашли в тупик. Бывший в 1986–1992 годах главой правительства Израиля лидер партии «Ликуд» Ицхак Шамир был втянут в переговорный процесс госсекретарем США Джеймсом Бейкером вопреки своей воле, от этого «процесса» он ничего не ждал и участвовал в нем исключительно потому, что не мог отказать американской администрации. Принимая во внимание подобную позицию израильского руководства, не приходится удивляться, что Мадридская конференция ни к чему не привела. Вместе с тем два достижения И. Шамира должны быть отмечены особо: палестинская группа участвовала в составе делегации, ключевую роль в которой играли представители Иордании (причем это случилось спустя три года после того, как король Хусейн как будто отказался от своих претензий на Западный берег), сама же палестинская группа включала исключительно жителей Западного берега (включая Восточный Иерусалим) и Газы, но не палестинцев диаспоры. Верно, что возглавлявший

палестинскую группу доктор Хейдар абд-аль-Шафи был одним из основателей ООП и авторов Палестинской хартии 1968 года, однако он прожил жизнь в секторе Газа и не принадлежал к той гвардии, которая вместе с Я. Арафатом перемещалась из Иордании в Ливан (после «черного сентября» 1970 года), а из Ливана — в Тунис (после израильского вторжения в 1982 году).

Однако невозможно игнорировать и обратную сторону медали. С тех пор прошло почти двадцать лет, и сейчас очевидно, что Ицхак Шамир совершил, вероятно, самую большую ошибку в дипломатической истории Израиля, сорвав так называемое Лондонское соглашение, детали которого были обговорены бывшим тогда министром иностранных дел Израиля Шимоном Пересом и королем Иордании Хусейном. Ш. Перес был во многом прав, когда писал: «Какая злая ирония истории! Не было бы нужды ни в мадридском процессе, ни в переговорах с такой неуступчивой в своих требованиях палестинской делегацией, если бы в свое время лидеры блока «Ликуд» не упорствовали в отказе от достигнутого в Лондоне в 1987 г. соглашения с королем Хусейном о начале прямых переговоров под эгидой международной конференции. Весь процесс пошел бы уже много лет назад, до того, как вообще началась интифада, и палестинцев могла бы представлять объединенная иорданско-палестинская делегация. Шансы достичь мира и добиться желаемых результатов были бы более благоприятными. Мы могли бы избежать необходимости вести переговоры с делегацией палестинцев, представлявшей только руководство ООП, если бы лидеры блока «Ликуд» не были ослеплены несбыточными мечтами и немыслимыми политическими идеалами, во имя которых они были готовы свести на нет самый значительный прорыв со времени визита Садата в Иерусалим. Упрям-

ство и недальновидность руководства блока «Ликуд» привели к серьезным осложнениям, а интифада поставила Армию обороны Израиля в невыразимо трудные условия»[19].

Повторим: какой бы справедливой ни была критика в адрес Ицхака Шамира, отказавшегося от попытки выработать взаимоприемлемое мирное соглашение между Израилем и Иорданией в 1987 году, четыре года спустя ему удалось добиться вполне разумного формата переговоров, который, к сожалению, был выброшен на свалку истории членами команды Ш. Переса, ставшего министром иностранных дел и в правительстве И. Рабина, в 1993 году. Заместитель министра иностранных дел д-р Йоси Бейлин, генеральный директор министерства Ури Савир, юридический советник МИДа Йоэль Зингер, привлеченные эксперты из академического сообщества д-р Рон Пундак и д-р Яир Хиршфельд взяли на вооружение совершенно другую парадигму, основным стержнем которой была идея «размежевания» между палестинцами и «иорданской опцией». Соглашения, детали которых согласовывались в Осло, не предполагали никакого сколько-нибудь значимого участия Иордании (или любой другой арабской страны) в разрешении палестинской проблемы, речь шла сугубо о сепаратных переговорах Израиля и ООП, и в этом смысле можно сказать, что два десятилетия спустя после саммита Лиги арабских государств в Рабате израильское руководство признало его итоги. Применительно к Ш. Пересу речь шла о кардинальном изменении позиции — человек, в 1987 году отстаивавший модель израильско-иорданского урегулирования без участия ООП (или, если точнее, вопрос участия ООП был сугубо иорданской проблемой, во многом решенной подписанием королем Хусейном и Я. Арафатам 11 февраля 1985 года так называемого «Амманского соглашения»[20]), шесть

лет спустя возглавлял группу дипломатов, работавших над достижением соглашения с ООП без какого-либо участия представителей Хашимитской династии, при этом в обоих случаях он занимал один и тот же пост — главы Министерства иностранных дел. Нет сомнений, что за эти годы ситуация изменилась, однако главные факторы перемен — начало интифады (1987) и отказ короля Хусейна от претензий на Западный берег (1988) — случились до Мадридской конференции (1991), в ходе которой палестинская проблема была возвращена в формат иордано-израильских, по сути своей, переговоров. Представляется, что первой фундаментальной ошибкой процесса Осло была именно эта смена парадигмы, отделившая переговоры о решении палестинской проблемы от переговоров Израиля с сопредельными арабскими государствами.

Изначально позиции, занятые палестинцами и израильтянами, казались непримиримыми: первые требовали только государственности, в то время как вторые предлагали ограничиться автономией. Утечка информации в прессу также не способствовала успеху переговоров, так как каждая из сторон боялась, что обнародование факта ее готовности к тем или иным уступкам будет воспринято широкими слоями общества как предательство.

В такой ситуации начались тайные переговоры, в которых на первом этапе ключевую роль играли Яир Хиршфельд с израильской стороны и Ахмед Куреи (Абу Ала) с палестинской. По некоторым сведениям, еще за несколько месяцев до этого с инициативой о создании прямого палестино-израильского канала тайных переговоров выступил Фейсал Хусейни — представитель одной из самых знатных арабских семей Иерусалима, входивший в состав палестинской группы на Мадридской конференции; эта инициатива, однако,

поддержана не была[21]. Первая встреча между Я. Хиршфельдом и А. Куреи состоялась в Лондоне в декабре 1992 года. Она была организована норвежским социологом, активистом местной Рабочей партии Терье Рёд-Ларсеном (позднее он работал в МИДе Норвегии, короткое время входил в состав правительства страны, в 1999–2004 годах был спецпредставителем Генерального секретаря ООН Бутроса Гали на территории ПНА, а в июле–августе 2006 года — спецпредставителем Генерального секретаря ООН Кофи Аннана по ливано-израильскому урегулированию). Предварительные согласования, которые провел Я. Хиршфельд с Й. Бейлином, а через него — с Ш. Пересом (премьер-министру И. Рабину на этом этапе ничего не докладывалось), позволяли надеяться, что встреча будет успешной. Вскоре норвежское правительство организовало ряд встреч Я. Хиршфельда и Р. Пундака с тремя полномочными представителями ООП: А. Куреи, Х. Асфуром и М. аль-Курдом[22]. Норвежцы предоставляли сторонам место для встреч в благоприятных условиях, сохраняя при этом всё происходящее в тайне. Израильтяне посылали отчеты об этих встречах Й. Бейлину, который, однако, сам не принимал участия в переговорах. Сложилась достаточно странная, чтобы не сказать больше, ситуация, когда важнейшие переговоры, касавшиеся самых центральных вопросов будущего Израиля, вели два никем не избранных интеллектуала, весь мандат которых исчерпывался тем, что заместитель министра иностранных дел не возражал против их деятельности. Ни правительство, ни кнессет не были информированы об этой деятельности; ни на каком официальном уровне не обсуждались и не принимались никакие программные документы, касавшиеся желаемых параметров урегулирования или «красных черт» израильских уступок. На вопрос проф. Раймона Коэна о том,

какими стратегиями ведения переговоров он руководствовался, д-р Я. Хиршфельд ответил, что эту тему он никогда не изучал, а в ходе переговоров был движим в основном «здравым смыслом»[23]. Учитывая, что понимание «здравого смысла» у разных людей сильно различается между собой, нет никаких оснований предполагать, что любая другая группа переговорщиков вела бы себя так же, как вели себя Я. Хиршфельд и Р. Пундак, отстаивая те же (или примерно те же) позиции. Самые судьбоносные переговоры в истории палестино-израильского конфликта вела очень небольшая группа людей, причем если с палестинской стороны речь шла об одном из высших лидеров ООП (в 1996 году А. Куреи возглавил Законодательный совет ПНА, а в октябре 2003 года — палестинское правительство), то с израильской стороны ключевые роли играли люди, которые как тогда, так и позднее остались совершенно неизвестными широкой общественности: ни Я. Хиршфельд, ни Р. Пундак никогда не входили ни в состав правительства, ни в число членов кнессета.

Участники встреч пришли к идее подписания совместной Декларации принципов мирного урегулирования, которая бы предусматривала проведение свободных выборов на контролируемых территориях и постепенное создание Палестинской национальной администрации в неких границах, которые, как было согласовано, будут уточняться позднее. Й. Бейлин проинформировал об этом Ш. Переса и И. Рабина, которые по-разному восприняли это сообщение: Ш. Перес — с энтузиазмом, а И. Рабин — скорее скептически, хотя и дал согласие на начало переговоров.

В мае 1993 года к переговорам присоединились генеральный директор Министерства иностранных дел Израиля Ури Савир и юридический советник МИДа Йоэль Зингер. Ито-

гом этой стадии переговоров стала Декларация принципов, в целом проработанная к 20 августа 1993 года. Начав с предварительных тайных переговоров, Израиль и палестинцы добились невмешательства международного сообщества вплоть до последнего момента, когда договоренности уже были достигнуты. Важно подчеркнуть: переговоры были успешными во многом именно потому, что проходили без посредников от «великих держав» или международных организаций, которые обычно не столько ищут компромисс между сторонами, сколько ведут каждый свою игру. Участие норвежской стороны было продуктивным как раз вследствие того, что у Норвегии нет никаких особых интересов в регионе, и ее дипломатам было глубоко безразлично, на каких условиях договорятся между собой израильтяне и палестинцы — лишь бы договорились. Этот подход и привел к успеху переговоров. Это отмечал и Шимон Перес: «Место для проведения переговоров было идеальным. В Норвегии никто не гонялся за сенсациями. Даже во время моей последней поездки в Осло ни один репортер не попросился сопровождать меня. Правительственные средства массовой информации Израиля считали эти переговоры заурядным событием. Зачем отправлять в Норвегию группу для освещения визита? Что интересного может там произойти? И именно из-за того, что переговоры в Осло, в отличие от переговоров в Вашингтоне, были изолированы от средств массовой информации, мы могли вести их месяцами. Стороны прямо, с глазу на глаз обсуждали свои проблемы, а не ораторствовали напоказ»[24]. Еще одной «площадкой переговоров» стал Египет, причем в тайну проведения переговоров были посвящены высшие руководители страны: президент Хосни Мубарак, министр иностранных дел Амр Муса и крайне влиятельный советник президента Усама аль-Бааз.

Параллельно с этим 7–9 июня в Лондоне состоялась серия встреч между министром здравоохранения Израиля Эфраимом Снэ и одним из лидеров ООП Набилем Шаатом, впоследствии ставшим министром иностранных дел ПНА, а на короткое время в 2005 году — и главой кабинета.

23 июня 1993 года Шимон Перес получил удивительное письмо, написанное на английском языке от руки 47-летним на тот момент Бассамом Абу Шарифом. От этого человека — одного из самых известных террористов Народного фронта освобождения Палестины, которого в 1972 году израильские спецслужбы пытались уничтожить (он потерял один глаз и четыре пальца, а также оглох на одно ухо, но выжил) — менее всего можно было ожидать миротворческих инициатив. Однако письмо Б. Абу Шарифа было удивительным призывом к тому, чтобы, оставив распри прошлого позади, израильтяне и палестинские арабы двигались навстречу друг другу.

Это письмо заслуживает того, чтобы быть приведенным целиком:

Уважаемый господин Перес!

Я очень взволнован тем, что имею возможность написать Вам и быть уверенным, что это письмо будет передано Вам лично. Я решил написать его от руки, а не печатать, так как полагаю, что это даст Вам представление о тех чувствах, которые я испытываю, думая о мирном будущем и о той жизни, за которую мы боремся.

Уважаемый господин Перес, я уверен, что израильтянам нужен мир так же, как он нужен и палестинцам. Экстремисты с обеих сторон отступят, как только смелые и мужественные люди сделают шаг навстречу друг другу, с тем чтобы преодолеть лежащую между ними пропасть и уничтожить барьеры взаимного страха и недоверия. Сейчас израильтяне и пале-

стинцы имеют шанс это сделать. Но израильтяне, как и палестинцы, нуждаются в настоящих людях наверху, чтобы начать этот процесс.

Будет не просто жаль, если мы упустим этот шанс. Это будет несчастьем и катастрофой для всех нас. Вот почему мы упорно, денно и нощно работаем, стремясь ускорить этот процесс. Но позвольте мне быть с Вами предельно откровенным. Палестинцы считают невозможным (практически) добиться прогресса в данном направлении, если прямые контакты между правительством Израиля и руководством ООП останутся «нежелательными». Нужен прорыв вперед. Такой, который может дать новый импульс мирному процессу.

Я полагаю, что современная международная обстановка и состояние межарабских отношений позволяют осуществить меры по созыву встречи на высшем уровне. Это обязательно повлечет за собой позитивную цепную реакцию, которая поможет быстро растопить лед.

Мы ценим в Вас ясное видение будущего, Ваше умение осознать новые веяния в этом мире и Ваши смелые идеи, направленные на создание нового Ближнего Востока. В этом мы с Вами солидарны.

Когда мы тщательно изучаем позиции израильских министров, то выделяем среди них Вас как человека, обладающего качествами исторической личности, способной проложить путь к лучшему будущему.

Мы надеемся, что Вы сумеете использовать все превосходные качества, которыми обладаете, на благо создания лучшего будущего. Мы готовы помочь Вам и соединить свои руки с Вашими, чтобы построить прочное и процветающее общество для ваших и наших будущих поколений.

Я готов откликнуться на любую инициативу в этом направлении; остаюсь верен делу мира между арабами и израильтянами.

Искренне Ваш
Бассам Абу Шариф.

Понятно, что письма подобного рода вселяли эйфорию в сердца тех, кому доводилось их читать, преодолевая понятное желание рассказать об этом граду и миру. Но до начала осени 1993 года все контакты между сторонами держались в глубокой тайне.

В заявлениях, сделанных 9 сентября 1993 года, Израиль признавал ООП в качестве официального представителя палестинского народа, а ООП признавала за Израилем право на мирное и безопасное существование. Декларация принципов была подписана в Вашингтоне 13 сентября 1993 года Шимоном Пересом с израильской стороны и Махмудом Аббасом — с палестинской, в присутствии госсекретаря США Уоррена Кристофера и министра иностранных дел России Андрея Козырева, после чего И. Рабин и Я. Арафат пожали друг другу руки перед многочисленными телекамерами.

Взаимное признание и рукопожатие наряду с подписанием Декларации принципов означало хотя бы частичное забвение взаимных обид. Палестинцы почувствовали, что евреи наконец-то признали их существование как народа, а евреи почувствовали, что палестинцы наконец-то признали Израиль. Тогда казалось очевидным, что признание Израиля автоматически подразумевает его признание в качестве государства еврейского народа (ибо именно в таком качестве оно было провозглашено и существует), однако дальнейшие события показали, что до этого еще идти и идти, и, с палестинской точки зрения, вопрос этот остается открытым до сих пор. Официально декларируемая позиция руководителей ФАТХа состоит в том, что они признают Израиль как государство, но его характер в настоящем и будущем должен являться предметом переговоров; переводя это на практический уровень — надеются на то, что высокая рождаемость в арабском секторе превратит арабскую общину в

демографическое большинство не только в ПНА или будущем Палестинском государстве, но и в Израиле. Впрочем, эйфория «мира на расстоянии вытянутой руки» в 1993 году была сильнее любых сомнений. Участникам переговоров (как минимум с израильской стороны) казалось, что, хотя многие вопросы остались нерешенными, самым важным является то, что стороны признали друг за другом право на существование, и сформировавшаяся динамика сама собой будет подталкивать их к взаимоприемлемым компромиссам, что, в свою очередь, превратит мирный процесс в необратимый.

Утверждается, что в процессе переговоров Осло обе стороны пошли на значительные уступки. Это верно, но лишь отчасти, и опыт, накопленный за последовавшие с тех пор полтора десятилетия, отчетливо свидетельствует об этом. Израиль шел на реальные уступки, и хотя сегодня, после весьма успешной, с военной точки зрения, операции в Газе в декабре 2008 — январе 2009 года, очевидно, что они в принципе обратимы, их невозможно сравнивать с уступками, на которые пошли палестинцы, в случае которых речь шла об «откладывании требований» на более поздние этапы переговоров. В ходе процесса Осло палестинцы не отказались ни от одной из своих претензий, будь то проблема беженцев 1948 года и их потомков, вопрос о статусе Иерусалима или будущее еврейских поселений на контролируемых территориях, единственная уступка состояла в согласии отложить обсуждение этих тем «на потом». Когда же это «потом» наступило (а случилось это на саммите в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года), всё и рухнуло.

Согласно подписанному 4 мая 1994 года соглашению, за время переходного периода продолжительностью в пять лет должна была возникнуть самоуправляемая Палестин-

ская администрация на Западном берегу и в секторе Газа; на первом этапе предусматривалось, что под ее контроль будут переданы большая часть территории сектора Газа и небольшой анклав площадью шестьдесят квадратных километров в районе города Иерихона на Западном берегу Иордана. Переговоры об окончательном статусе должны были начаться не позднее чем на третий год после подписания Газа–Иерихонского соглашения (то есть не позднее 4 мая 1997 года) и завершиться не позднее чем через пять лет, т.е. к 4 мая 1999 года. В ходе этих переговоров и должны были обсуждаться центральные проблемы конфликта: о статусе Иерусалима; о судьбе палестинских беженцев 1948 года и их потомков; о будущем израильских поселений на контролируемых территориях; об окончательных границах; а также о политическом статусе ПНА.

Декларация принципов была встречена бурей эмоций с обеих сторон. Многие израильтяне и палестинцы искренне радовались. Появление Я. Арафата в Газе также было встречено палестинцами с воодушевлением, а его политика получила значительную поддержку и среди населения Газы, и среди жителей Западного берега. Однако в то же время многие палестинцы, преимущественно живущие вне контролируемых территорий, выражали недовольство подписанным соглашением и отказывались признавать его, называя его «предательским». Они обвиняли Я. Арафата в коллаборационизме с «сионистским врагом», в подавлении палестинской оппозиции, в предательстве интересов палестинцев диаспоры. Группировки, отвергавшие соглашение Осло, стремились подорвать его, зачастую совершая акты насилия против израильских граждан. Среди израильтян и евреев диаспоры отношение к подписанному соглашению также было далеко не однозначным, а присуждение Я. Арафату (вместе с И. Ра-

бином и Ш. Пересом) Нобелевской премии мира воспринималось едва ли не большинством жителей страны как издевка. Недовольство «чрезмерными» уступками палестинцам росло, дойдя до «точки кипения» 4 ноября 1995 года, когда был убит премьер-министр Израиля Ицхак Рабин. Та самая секретность, которая способствовала заключению соглашения, теперь вредила, подрывая его легитимность. Круг лиц, задействованных в переговорах, был очень узок, и многие израильтяне чувствовали, что подписание столь судьбоносных документов без глубокого обсуждения в обществе и без проведения референдума не соответствует минимальным требованиям демократического правления. Никем не оспаривался тот факт, что правительство И. Рабина — Ш. Переса было легитимным, сформированным после победы социал-демократов на парламентских выборах 1992 года, однако в ходе предвыборной кампании лидеры Партии труда ни полунамеком не говорили о том, что в их планы входят переговоры с Я. Арафатом и Организацией освобождения Палестины, и тем более — о передаче под ее контроль каких бы то ни было из контролировавшихся Израилем территорий. Таким образом, многие израильтяне не воспринимали формальный статус законно избранного правительства как достаточную причину для столь радикальной смены курса, противоречившей всем аксиомам израильской политики по палестинской проблеме в предшествовавшие десятилетия.

Шимон Перес и многие другие утверждали, что подобный резкий поворот уже был совершен в израильской истории Менахемом Бегином, подписавшим в 1979 году без какого-либо референдума соглашение о полной передаче Синайского полуострова под контроль Египта, хотя ни о чем подобном в предвыборной программе возглавляемого им блока «Ликуд» перед выборами 1977 года не говорилось

и полунамеком — напротив, всячески подчеркивалась важность дальнейшего укрепления и расширения поселенческой деятельности. Однако комбинация внешних и внутренних условий, лежавших в основе мирного процесса между Израилем и палестинским движением сопротивления, по ряду существенных признаков отличалась от процесса урегулирования между Израилем и Египтом[25].

Во-первых, миротворческий процесс осуществлялся левоцентристским правительством однородного состава и был утвержден минимальным большинством голосов в кнессете. Из 120 членов кнессета соглашение Осло–1 поддерживал только 61 человек, при этом пять из них представляли арабские партии; 50 проголосовали против, еще 9 воздержались или не участвовали в голосовании. Каирское соглашение о создании ПНА в секторе Газа и районе Иерихона было поддержано 52 членами кнессета; оппозиция бойкотировала голосование, чтобы показать, что поддержавшие соглашение остались в меньшинстве. Договор Осло–2 вообще был утвержден в 1995 году 61 голосом «за» при 59 «против», при этом двое из поддержавших соглашение были перебежчиками, избранными в кнессет от правой партии «Цомет», но вступившими в правительственную коалицию, польстившись на портфели министра энергетики (Гонен Сегев) и заместителя министра строительства (Алекс Гольдфарб). Да, в условиях демократии и большинство в один голос — тоже большинство, однако едва ли возможно достичь национального согласия на такой шаткой основе, особенно принимая во внимание тот факт, что это большинство зависело от голосов арабских депутатов, поддерживавших коалицию извне. Тот факт, что Гонен Сегев, голос которого склонил чашу весов в поддержку соглашения Осло–2, впоследствии был осужден за ввоз в Израиль наркотиков в особо круп-

ных размерах по поддельному дипломатическому паспорту, окончательно превратил историю утверждения этого договора в одну из самых позорных страниц израильского парламентаризма. Напротив, мирный договор с Египтом был утвержден в кнессете 22 марта 1979 года со значительным перевесом: 95 проголосовавших «за» при 18 «против», двух воздержавшихся и трех демонстративно не участвовавших в голосовании[26], практически никакой влиятельной оппозиции не было.

Во-вторых, хотя Анвар Садат был тем человеком, который начал 6 октября 1973 года самую тяжелую из всех войн, которую Израилю довелось вести после 1949 года, его решительные жесты — предложение заключения мирного договора, прибытие в Иерусалим, выступление в кнессете — подкупили многих жителей еврейского государства, поверивших в то, что отношение А. Садата к Израилю изменилось кардинальным образом. Подобного консенсуса относительно Я. Арафата не было и в помине, большинство граждан Израиля ни на каком этапе не верили в то, что он стремится к миру, а волна террористических актов в Иерусалиме и Тель-Авиве в феврале–марте 1996 года окончательно подорвала его статус в глазах подавляющего большинства израильтян. Иными словами, если в ментальный переход А. Садата от «эпохи войны» к «эпохе мира» израильтяне в целом поверили, то в такой переход Я. Арафата — нет.

В-третьих, несмотря на то что с Египтом Израиль воевал пять раз (в 1948, 1956, 1967, в ходе Войны на истощение 1967–1970 и в 1973 году), а с Организацией освобождения Палестины — только один (речь идет о Первой ливанской войне 1982–1985 годов, начатой после того, как боевиками ООП был тяжело ранен израильский посол в Лондоне Шломо Аргов), ООП считалась куда более опасным политиче-

ским и идеологическим противником Государства Израиль. Хотя на фронтах израильско-египетских войн погибло куда больше людей, чем стали жертвами террористической деятельности ООП, общество традиционно относится к тому, что люди гибнут в войнах, с куда большим пониманием, чем к тому, что люди гибнут в террористических актах. ООП на протяжении многих лет объединяла организации, совершившие наибольшее количество терактов против Израиля и израильтян, в т.ч. и за пределами страны: ФАТХ, Народный фронт освобождения Палестины, Демократический фронт освобождения Палестины… Соответственно отношение к ней было не как к политической организации, борющейся за национальную независимость своего народа, а как к террористической банде. Имеет смысл напомнить, что в то время, когда в Осло велись тайные переговоры, сам факт контактов с представителями ООП являлся противоправным деянием по действовавшему в стране законодательству.

В-четвертых, подписание мирного договора с Египтом предусматривало отступление хоть и с очень большого, по израильским меркам, Синайского полуострова (его площадь почти втрое превышает суверенную территорию Государства Израиль в пределах «зеленой черты»), но речь не шла о земле, являющейся частью «исторической Эрец-Исраэль», — в соглашениях Осло речь как раз шла о районах, имеющих важнейшее историко-религиозное значение для иудаизма и еврейского народа: городах Хевроне, Шхеме, Иерихоне, Вифлееме... Кроме того, если считать «план Алона»[27] де-факто основным документом, долгие годы определявшим израильскую политику по вопросу о границах, то разница между Синаем, с одной стороны, и отдельными районами Иудеи, Самарии, Иорданской долины и Газы, с другой, становится очевидной: соглашения Осло требовали от Израиля отказаться

от ряда территорий, имеющих, согласно распространенному мнению, чрезвычайно большое оборонное значение, в то время как реализация договора с Египтом требовала менее болезненных территориальных уступок.

В-пятых, процесс Осло открывал совершенно другую страницу истории, чем мирный договор с Египтом. Соглашение М. Бегина и А. Садата возвращало два государства к ситуации, существовавшей в период с 1957 по 1967 год, с относительно небольшими отличиями: между государствами заключался договор, ознаменовавший начало «холодного мира» (за тридцать лет, прошедших после подписания мирного соглашения, президент Египта лишь однажды посетил Израиль — после убийства И. Рабина в 1995 году), а сектор Газа не передавался под контроль Египта. Однако и в 1957–1967 годах (до начала Шестидневной войны) между Израилем и Египтом де-факто было состояние «холодного мира». Соглашение Осло, напротив, открывало новую эпоху, которую было не с чем сравнить, и потому любые, даже самые апокалипсические прогнозы не казались заведомо невозможными. Нужно прямо сказать, что жизнеутверждающие мечты многих израильских левых о «новом Ближнем Востоке» не сбылись ни с какой стороны, но равным образом не реализовались и душераздирающие прогнозы правых о палестинских силовых структурах, под управлением лично Ясира Арафата идущих с оружием в руках на штурм Иерусалима (Эль-Кудса). В последующие годы ситуация развивалась много хуже, чем прогнозировали идеологи процесса Осло, но все же несколько лучше, чем предрекали критики из праворадикальных кругов. Факт, однако, состоит в том, что из всех миротворческих инициатив Израиля данный процесс оказался наиболее зависимым от внутренних противоречий, что в итоге привело к убийству И. Рабина. Взаи-

модействие между внутренними и внешними факторами, среди которых надо выделить многочисленные террористические акты, привело к поражению Шимона Переса на первых в истории Израиля прямых выборах премьер-министра в 1996 году.

Нужно отметить, что инициатива данного мирного процесса исходила непосредственно от израильтян и палестинцев, а не от Соединенных Штатов, Российской Федерации, Великобритании или любой другой внешней стороны. Впервые в истории миротворческой политики Израиля США принимали столь незначительное участие в переговорном процессе. Тот факт, что стороны оказались предоставлены сами себе, имел крайне благотворное влияние на ход переговоров, так как превращал любые «инициируемые кризисы» в заведомо бессмысленные: не было никакого третьего участника, от которого можно было ожидать давления в адрес «излишне упорствующей» стороны. Стороны осознавали, что в случае чего их некому мирить, дорожа поэтому каждой достигнутой договоренностью.

Тупиковая ситуация в переговорах в рамках Мадридского процесса, ни шатко ни валко шедших в Вашингтоне, разумеется, оказывала влияние на членов команды Ш. Переса–Й. Бейлина, видевших свою главною задачу в «продвижении на пути к миру». Довольно шаткое положение Организации освобождения Палестины представляло другую угрозу, так как ей на смену могли прийти радикальные исламистские движения. Израильской армии и силам безопасности на протяжении пяти с лишним лет не удавалось сломить палестинскую интифаду, вследствие чего и в руководстве вооруженных сил, и в правительстве усиливалось мнение о необходимости поиска политического решения проблемы. Генерал армии Дан Шомрон, который был начальником Ге-

нерального штаба во время первой интифады, заявил, что выполнить требование о силовом искоренении интифады означало бы пойти вразрез с нормами и ценностями, по которым живет гражданское общество, и что поэтому армия может подавлять и сдерживать интифаду, но не может положить ей конец[28]. Как следствие, усиливалось желание «выйти» из противостояния с палестинскими арабами, передав всю полноту ответственности за происходящее на территории какой-либо силе, которая будет эту ответственность нести. Члены команды Ш. Переса–Й. Бейлина считали Организацию освобождения Палестины наименьшим из возможных зол в этой связи.

Ицхак Рабин, как и семь лет спустя Эхуд Барак, колебался между продвижением в «палестинском направлении» и попыткой заключить мир с Сирией. Во многом решение И. Рабина о вступлении в переговоры с Организацией освобождения Палестины было связано с отсутствием практически осуществимых инициатив в отношении Сирии. Хотя для И. Рабина мирное урегулирование с Сирией было предпочтительнее, он понимал, что данный путь сопряжен со значительными сложностями. Во-первых, по причинам правового характера: ни на какую из территорий Западного берега и Газы, за исключением Восточного Иерусалима, так и не было распространено израильское законодательство (ни по состоянию на 1993 год, ни сейчас), поэтому территориальные уступки были, с юридической точки зрения, осуществимы с большей простотой в Газе и в районе Иерихона, чем на Голанских высотах, на которые в 1981 году было распространено израильское законодательство. Во-вторых, по соображениям демографии: учитывая, что на Голанах арабское население крайне незначительно (2700 алавитов по данным на май 2008 года), в то время как большинство

составляют евреи (19 500 человек) и друзы (18 500 человек), стремление израильского еврейского социума к размежеванию с арабами никоим образом не формировало желание уйти с Голан, однако в значительной мере способствовало поддержке идеи ухода из густонаселенного палестинцами сектора Газа. Эта логика, которую можно суммировать в виде доктрины «территории в обмен на демографию»[29], на полтора десятилетия стала краеугольной основой израильской доктрины в области внешней и оборонной политики, предопределив готовность к одностороннему выводу войск из Южного Ливана (в мае 2000 года) и сектора Газа (в 2005) без подписания каких-либо политических соглашений, при неготовности уйти с Голан даже в обмен на полноценный мирный договор с Сирией[30]. Мирное соглашение с Сирией подразумевало (да и сейчас подразумевает) неизбежную ликвидацию созданных там Израилем поселений, в то время как в рамках процесса Осло в 1990-е годы ни одно еврейское поселение не было разрушено, и не было бы разрушено и впоследствии, если бы Ариэль Шарон не принял — вне рамок какого-либо «мирного процесса»! — такого решения в 2003–2005 годах. Поэтому на тот момент курс в направлении интенсивных переговоров с палестинцами казался более привлекательным[31].

Однородная структура правительства, включавшего, после выхода партии ШАС из коалиции, только Партию труда и левый блок МЕРЕЦ (который добился на выборах 1992 года двенадцати мандатов, но впоследствии всё скукоживался и скукоживался, сократившись ныне до фракции из трех депутатов), способствовала ратификации соглашений Осло; только два министра воздержались от голосования, остальные проголосовали «за». Однако оппозиционные партии и группы внепарламентской оппозиции категорически

не одобряли соглашения. И. Рабин и Ш. Перес осознавали, что любые переговоры с ООП могут привести к вспышке внутренних противоречий в израильском обществе, так как такая политика неминуемо воспринималась большинством, а правыми партиями и группами, в особенности, как измена национальным интересам Израиля и подрыв национального единства. И. Рабин и Ш. Перес знали, что партии оппозиции и правые общественные организации, включая религиозно-сионистское поселенческое движение, будут активно противостоять их политике на «палестинском направлении», хотя очевидно, что они недооценили силу и мощь оппозиции. И. Рабин, конечно, никак не думал, что договора, подписываемые им с Я. Арафатом, будут стоить ему жизни.

В октябре 1995 года почти никто не знал о том, что стороны не только начали, но и практически закончили обсуждение соглашения об окончательном урегулировании. Детали этого документа (получившего название Соглашения Бейлина–Абу Мазена) были согласованы 29 октября, менее чем за неделю до убийства И. Рабина, и именно из-за этого убийства фактически готовый договор об окончательном урегулировании палестино-израильского конфликта не только не был реализован, но даже и не был обнародован: первые сведения о нем были опубликованы только в сентябре 2000 года.

Согласно Соглашению Бейлина–Абу Мазена, правительство Государства Израиль и Организация освобождения Палестины, «подтверждая свою приверженность обязательствам, изложенным в Декларации о принципах, подписанной в Вашингтоне 13 сентября 1993 года, Каирском соглашении от 4 мая 1994 года и Промежуточном соглашении от 28 сентября 1995 года … желая достичь полного согласия по всем нерешенным вопросам окончательного урегулирова-

ния как можно скорее и не позже 5 мая 1999 года, как это определено в Декларации о принципах», договаривались о создании Государства Палестина в согласованных и безопасных границах со столицей Эль-Кудс. Одновременно с этим Государство Палестина признавало Государство Израиль в согласованных и безопасных границах со столицей Йерушалаим. В Соглашении, в частности, говорилось:

> Государство Израиль и Государство Палестина подтвердят взаимное признание своих прав жить в мире и безопасности во взаимно признанных границах... В частности, Стороны должны:

а. Признать и уважать суверенитет друг друга, территориальную целостность, а также политическую и экономическую независимость.

б. Отказаться как от использования силы, так и от угрозы ее использования в качестве средств ведения политики и обязаться мирно решать все конфликты между ними.

в. Отказаться от организации, поддержки, подстрекательства, помощи и участия в актах насилия, переворота или терроризма против другой Стороны.

г. Принять эффективные меры для того, чтобы акты или угрозы насилия не исходили и не использовали подконтрольные им территории, включая их воздушное пространство и территориальные воды, а также принять эффективные меры против тех, кто осуществляет такие акты.

д. Принять на себя обязательство не присоединяться, не помогать и не сотрудничать с какой-либо военной или оборонной коалицией, организацией или союзом, враждебными одной из Сторон.

е. Принять меры по укреплению мира между сторонами, которые будут определены в Соглашении об окончательном урегулировании[32].

Очень важным было то что в седьмой главе Соглашения палестинцы недвусмысленно отказывались от претензий на возвращение на территорию Государства Израиль палестинских беженцев и их потомков:

1. Хотя палестинская сторона считает, что право палестинских беженцев на возвращение домой гарантируется международным законом и естественной справедливостью, она признает, что предпосылки новой эры мира и сосуществования, а также настоящее положение, создавшееся с 1948 года, делают осуществление этого права невыполнимым. Таким образом, палестинская сторона заявляет о своей готовности принять беженцев и осуществить все меры, которые в дальнейшем обеспечат благосостояние и благополучие этих беженцев, насколько это возможно.
2. Израильская сторона признает моральный и материальный ущерб, причиненный палестинскому народу в результате войны 1947–1949 годов, а также признает право палестинских беженцев на возвращение в палестинское государство и их право на реабилитацию и компенсацию морального и материального ущерба[33].

В ходе последующих переговоров (в том числе в Кемп-Дэвиде в 2000 году и в Табе в 2001) палестинские представители неизменно поднимали требования о возвращении беженцев 1948 года и их потомков во всех поколениях; члены команды Э. Барака были готовы пойти на сравнительно небольшие, но все же принципиально значимые уступки в этом направлении. Возможность возвращения в Израиль ограниченного числа беженцев и их потомков упоминается и в обнародованных в декабре 2000 года «параметрах Клинтона». Нереализованное Соглашение Бейлина–Абу Мазена 1995 года было много более благоприятным для Израиля в этой связи.

Крайне интересной представляется статья 1 (в) первой главы этого документа, в которой говорится: «Обе стороны благосклонно отнесутся к возможности создания иорданско-палестинской конфедерации на условиях, которые будут оговоренных между Государством Палестина и Хашимитским Королевством Иордания». То есть речь шла о двухступенчатом процессе урегулирования: на первом этапе создается Государство Палестина, и оно подписывает мирный договор с Израилем, а затем это государство входит в альянс с Иорданией. Это представляется крайне важным: еще в середине 1990-х годов, задолго до смерти Я. Арафата и захвата ХАМАСом власти в Газе, ведущим лидерам ФАТХа (соглашение с палестинской стороны, повторим, визировал нынешний глава ПНА Махмуд Аббас) было очевидно, что Палестина в качестве самостоятельного государства нежизнеспособна и что решение палестинской проблемы возможно лишь в рамках союза с Иорданией. Учитывая, что детали Соглашения Бейлина–Абу Мазена были обнародованы уже после провала саммита в Кемп-Дэвиде, оно никакой конструктивной роли в ближневосточном переговорном процессе не сыграло, и об этом можно лишь горько сожалеть.

В самом Израиле на протяжении 1993–1996 годов оппозиционно настроенные организации гражданского общества отстаивали точку зрения о легальности, но нелегитимности утверждения столь важных соглашений минимальным большинством голосов, в особенности если часть голосов была получена за счет арабских партий, не признающих ценности и устремления сионизма. По мнению оппозиции, вопросы, столь значимые для еврейского народа, необходимо было решать квалифицированным большинством голосов (что позволило бы нейтрализовать голоса арабских партий

в кнессете), либо путем референдума, который бы отразил подлинную волю израильских граждан. Оппозиция считала, что вопрос о ратификации соглашений могут разрешить и новые выборы (так как перед выборами 1992 года ни о каких соглашениях, подобных договорам Осло, Партия труда и ее лидеры и не заикались). Отдельные группы и лица не только называли политику правительства «актом государственной измены», но и объявили И. Рабина и Ш. Переса «предателями», раздающими «святыни Родины» «убийцам, руки которых по локоть в еврейской крови». Религиозные круги, связанные с партией МАФДАЛ и движением ХАБАД, высказывали мнение, что правительство не имело права отчуждать часть «завещанной Всевышним народу Израиля» территории Эрец-Исраэль, даже если такое решение утверждено кнессетом. С этой точки зрения, ни национальный референдум, ни выборы не могли узаконить действия по передаче под чей бы то ни было контроль «священной земли Эрец-Исраэль».

Израильское общество было расколото. По результатам опроса общественного мнения, проведенного в конце августа 1993 года, 53% населения поддержали соглашение Осло–1, 45% высказались против, 2% не смогли определиться в данном вопросе. Соглашение Осло-2 поддержали 51% опрошенных, 47% высказались против и 2% не имели определенного мнения[34]. Непрекращающиеся террористические акты, проводимые палестинцами, даже если согласиться с тем, что за большинством из них стояли организации, не входившие в состав ООП, агрессивные заявления Я. Арафата, в том числе призывы к джихаду, а также безуспешность попыток исключить из Палестинской национальной хартии разделы, призывающие к уничтожению Израиля (такие обязательства были взяты Я. Арафатом в соответствии с соглашени-

ем Осло), — все вышеперечисленные факторы оказывали сильное давление на правительство, так как они свидетельствовали о том, что руководство страны не смогло адекватно оценить обстановку, неверно истолковывая намерения своих «партнеров по мирному урегулированию». Особое значение имел тот факт, что несмотря на формальное прекращение палестинским руководством интифады террор не прекратился, а даже усилился: за семь лет, с момента окончания первой волны интифады в сентябре 1993 года до начала второй интифады в сентябре 2000 года, в проведенных палестинцами терактах погибли 256 израильтян, в то время как за пятнадцать предшествующих лет, с 1978 по сентябрь 1993 года, жертвами арабского террора стали 254 гражданина Израиля. Всё это привело к поражению Шимона Переса на первых всеобщих выборах главы правительства, прошедших в мае 1996 года. С небольшим перевесом, набрав 50,4% голосов избирателей, премьер-министром был избран лидер блока «Ликуд» Биньямин Нетаньяху. Хотя фракция Партии труда (34 мандата) оказалась крупнее фракции «Ликуда» (32 мандата), она осталась в оппозиции.

Изначально политическая программа Б. Нетаньяху была построена на идее «мир в обмен на безопасность»: «Правительство Израиля продолжит мирные переговоры с Палестинской национальной администрацией для достижения постоянного мирного соглашения при условии соблюдения палестинской стороной всех своих обязательств». Многие в Израиле ожидали, что победа Биньямина Нетаньяху приведет к ревизии соглашений Осло и фактическому отказу Израиля от дальнейших переговоров с лидерами ООП. На первых порах новый премьер-министр действительно воздерживался от контактов с Ясиром Арафатом, но в сентябре 1996 года ситуация изменилась. Палестинцы отреагирова-

ли на открытие второго выхода из Хасмонейского туннеля, подземного археологического комплекса в Старом городе Иерусалима, организованным выступлением своих боевых отрядов против израильской армии. Левые партии обвинили премьер-министра в том, что санкционированные им действия (открытие туннеля) и, главное, его уклонение от встречи с палестинским лидером привели к бессмысленному кровопролитию. Президент США Б. Клинтон в авральном порядке пригласил Б. Нетаньяху и Я. Арафата в Вашингтон; туда же прибыли король Иордании Хусейн и министр иностранных дел Египта (приглашение было отправлено президенту Х. Мубараку, но он ограничился делегированием главы МИДа)[35]. Так впервые встретились Б. Нетаньяху и Я. Арафат: под давлением извне, не имея ни малейшего желания к встречному движению, исключительно чтобы «удовлетворить» американскую администрацию. Так началось движение под откос, которое и привело к краху Кемп-Дэвидского саммита летом 2000 года.

На первых порах казалось, что американское давление приносит плоды. Уже 17 января 1997 года Б. Нетаньяху подписал протокол, на основе которого большая часть города Хеврон, за исключением пещеры Махпела, где находятся могилы библейских патриархов, и ряда кварталов, в которых имеются еврейские поселенческие комплексы, была отдана под контроль Палестинской администрации. Таким образом, лидер правого блока, выступавший в период своей оппозиционной активности как принципиальный противник соглашений Осло, продемонстрировал, что он не только не находит возможности денонсировать их, но даже готов к расширению сфер и территорий их применения.

Как и многие противники соглашений Осло, Б. Нетаньяху считал, что сама схема промежуточного урегулирования, в

рамках которой Израиль уступает палестинцам территории и политические полномочия, не зная, приведет ли все это к реальному завершению конфликта, представляет собой опаснейшую ловушку для еврейского государства. По этой причине он предложил отказаться от новых этапов передислокации израильских войск на Западном берегу Иордана (в Иудее и Самарии), немедленно приступив к переговорам о постоянном урегулировании. Палестинские лидеры, знавшие, какие преимущества заключены для них в поэтапной реализации соглашений Осло, категорически отвергли это предложение Б. Нетаньяху.

Перспектива дальнейших переговоров с Я. Арафатом не прельщала Б. Нетаньяху. Следуя примеру И. Рабина, он решил, что сначала следует попытаться договориться с президентом Сирии Х. Асадом. Возможная логика такого решения состояла в следующем: если бы соглашение с Сирией было подписано, палестинцы остались бы в одиночестве, и Израиль мог бы рассчитывать на то, что это ослабит их позиции в ходе последующих переговоров. Так или иначе, Б. Нетаньяху обратился к Х. Асаду через посредника, американского миллиардера Рона Лаудера, который в 1997–1998 годах несколько раз побывал в Дамаске по его поручению. Сирии были предложены от имени Б. Нетаньяху щедрые израильские уступки на Голанских высотах. Премьер-министр понимал, что возглавляемая им правоцентристская коалиция не одобрит соглашение, предусматривавшее уход Израиля почти со всего Голанского плато, но спор велся почти исключительно о контроле над узкой прибрежной полосой к востоку от Кинерета[36]. По этой причине Б. Нетаньяху вступил в тайные переговоры с новым лидером оппозиции Эхудом Бараком, председателем Партии труда. Целью переговоров было создание правительства национального единства,

в котором Э. Барак должен был занять один из ведущих постов, однако Б. Нетаньяху оставался бы главой правительства (такое правительство было создано, но только весной 2009 года). Базой взаимопонимания между участниками тайных встреч, проводившихся в штаб-квартире Моссада, явилось совпадение позиций по сирийскому вопросу.

Летом 1998 года сведения о попытках создания правительства национального единства просочились в прессу, и это привело к прекращению переговоров Б. Нетаньяху и Э. Барака. Примерно тогда же премьер-министру стало ясно, что переговорный процесс с Сирией не сулит скорых и приемлемых для него результатов. Находя «политический вакуум», то есть отсутствие сдвигов на обоих маршрутах урегулирования, проблематичным для своей репутации в глазах американской администрации, Б. Нетаньяху решил тогда возобновить интенсивный диалог с ПНА. Под давлением президента Б. Клинтона он 23 октября 1998 года подписал новое соглашение с Я. Арафатом. Этот документ (известный как соглашение «Уай-плантэйшн») определил шестикратное увеличение территории, находящейся под полным контролем Палестинской администрации (зоны «А»), — с 3 до 18,1% территории Западного берега (Иудеи и Самарии). В целом же территория, находящаяся под полным или частичным палестинским контролем (зоны «А» и «В»), увеличивалась на 13%. Это означало, что с реализацией соглашения «Уай» площадь, контролируемая ПНА, должна была составить около 42% от общей площади Западного берега (Иудеи и Самарии), причем многие из расположенных там еврейских поселений оказывались почти изолированными.

Правительство Б. Нетаньяху немедленно приступило к реализации соглашений, подписанных в Уай-плантэйшн, но оно лишилось теперь поддержки правого крыла коали-

ции, и депутаты кнессета большинством голосов проголосовали за самороспуск и проведение досрочных выборов. В этой новой ситуации дальнейшая передача территорий под контроль Палестинской администрации была приостановлена премьер-министром — со ссылкой на необходимость дождаться выборов и на несоблюдение палестинцами «принципа взаимности», то есть на невыполнение ими взятых на себя обязательств. Б. Нетаньяху рассчитывал, что правый лагерь снова, как в 1996 году, мобилизует все свои силы, чтобы помочь ему одержать победу. По мере приближения выборов поддержка главы правительства правыми партиями действительно возросла, но она так и не достигла уровня, отмеченного за три года до этого, когда голосование за Б. Нетаньяху воспринималось как вотум недоверия политике Осло. На состоявшихся в мае 1999 года выборах со значительным отрывом (56,1% против 43,9%, поддержавших Б. Нетаньяху) победил лидер Партии труда Э. Барак. Соглашение «Уай-плантэйшн» так и не было реализовано в полном объеме.

Придя к власти, Э. Барак начал с того, что заявил о своем намерении вывести израильские войска из Ливана — в рамках соглашения с Сирией или же в одностороннем порядке, в случае если такого соглашения не удастся достигнуть. Удержание приграничной зоны безопасности на юге Ливана казалось к тому времени неоправданным значительной части населения страны. Зона безопасности была ареной постоянных столкновений сил Армии обороны Израиля и произраильской Армии Южного Ливана с боевиками шиитской организации «Хезболла» и давно уже не обеспечивала надежной защиты северной границы. О том, что Израилю следует вывести войска из Ливана в одностороннем порядке, говорил и Б. Нетаньяху, но он не решился действовать в

указанном направлении, поскольку его предложение было встречено в штыки израильским генералитетом. В военных кругах полагали, что в отсутствие соглашения с Сирией покидать приграничную зону безопасности слишком рискованно. С такими же возражениями столкнулся и Э. Барак, но, как бывший начальник Генерального штаба, он смог подчинить своей воле вчерашних коллег. Им было объявлено, что израильские войска в любом случае покинут Южный Ливан до июля 2000 года.

При этом Э. Барак вовсе не отказывался от переговоров с Х. Асадом. Напротив, он проявил максимальную заинтересованность в том, чтобы они возобновились как можно скорее. В январе 2000 года израильская и сирийская делегации провели серию встреч в Шепердстауне (США). Еще через два месяца в Женеве состоялась беседа американского президента Б. Клинтона с Х. Асадом, на которой от имени Э. Барака были сделаны предложения, означавшие, что, заключив соглашение с Израилем, Сирия вернет себе всю территорию Голанских высот. Но Х. Асад, как и в ходе переговоров с Р. Лаудером, настаивал на предоставлении Сирии доступа к водам озера Кинерет, в результате чего переговоры снова зашли в тупик.

Э. Барак выполнил свое обещание, и в мае 2000 года израильские войска в одностороннем порядке покинули территорию Южного Ливана. Вслед за тем премьер-министр изложил свои соображения по поводу дальнейшего развития переговоров с палестинцами. Он фактически отказался от третьего этапа передислокации израильских войск в Иудее и Самарии, заявив, что полагает необходимым немедленно приступить к обсуждению постоянного урегулирования. Израиль, по его словам, будет готов на этих переговорах к кардинальным уступкам, но в обмен на полное прекраще-

ние конфликта и отказ палестинской стороны от выдвижения дополнительных претензий к Израилю в будущем.

Я. Арафат снова, как и в тот раз, когда такое же предложение было выдвинуто Б. Нетаньяху, реагировал негативно. Ему хотелось извлечь из процесса Осло максимум израильских уступок — еще до того, как станет ясно, готов ли он подписать соглашение о полном прекращении конфликта. Но теперь, под давлением Б. Клинтона, палестинский лидер был вынужден согласиться на переход к переговорам о постоянном урегулировании. С этой целью в июле 2000 года в Кемп-Дэвиде (США) был созван трехсторонний американо-израильско-палестинский саммит при участии Б. Клинтона, Э. Барака и Я. Арафата. Вновь посредники навязали сторонам сроки и формат переговоров, надеясь своим давлением привести стороны к подписанию соглашения. Но то, что еще как-то работало на стадии «тушения пожаров» (примером чего был саммит в Вашингтоне 30 сентября–2 октября 1996 года), не сработало, когда нужно было выработать и согласовать соглашение об окончательном урегулировании конфликта. Длившиеся более двух недель переговоры показали, что даже в обмен на полное израильское отступление к границе 1967 года (с минимальным ее изменением и соответствующей компенсацией палестинцам) Я. Арафат не готов подписать соглашение о полном прекращении конфликта. Главными пунктами преткновения стали вопросы о палестинских беженцах и суверенитете над Храмовой горой в Иерусалиме. Переговорный процесс Осло завершился в 2000–2001 годах провалом саммита в Кемп-Дэвиде (июль 2000 года), началом второй интифады в конце сентября 2000 года и провалом переговоров в Табе в январе 2001 года.

Израильское и палестинское видение процесса Осло

Для многих израильтян, особенно тех, кто поддерживал идею переговоров в Осло до начала второй интифады, логика процесса мирного урегулирования основывалась на условии постепенного предоставления палестинцам прав и политической самостоятельности на территориях Западного берега и Газы в обмен если не на мир, то хотя бы на безопасность. Ожидалось, что палестинское руководство во главе с Ясиром Арафатом подготовит свой народ к мирному сосуществованию с Израилем, приняв логику разделения территории исторической Палестины между евреями и арабами. Большинство израильтян были готовы отказаться от контроля над территориями, только если будущее палестинское государство станет мирным и дружественным соседом Израиля.

Между вашингтонским рукопожатием И. Рабина и Я. Арафата и крахом переговоров Э. Барака и Я. Арафата в Кемп-Дэвиде, т.е. с сентября 1993 до июля 2000 года, многие израильтяне верили и надеялись, что мирное урегулирование конфликта достижимо, возможно и будет достигнуто в самом скором будущем. Как подчеркивали израильские представители, после постепенного отвода сил ЦАХАЛа ПНА управляла существенной частью территории и повседневной жизнью 98% палестинского населения на Западном берегу и в секторе Газа. К концу правления Б. Нетаньяху ПНА контролировала примерно 75–80% территории сектора Газы и около 42% Западного берега, включая 17% квазисуверенных территорий под полным палестинским контролем. С точки зрения большинства израильтян, это означало фактическое завершение оккупации и более не рассматривалось как причина для конфронтации.

Безопасность была и остается основной ценностью для израильтян. В подписанных соглашениях ООП и ПНА обязались остановить насилие, арестовать террористов, уничтожить террористическую инфраструктуру на подконтрольных территориях, конфисковать незаконные оружие и боеприпасы, прекратить подстрекательство к насилию. Израильское правительство утверждало, что «ООП нарушила свои официально данные обещания, продолжая использовать насилие в политических целях»[37]. Таким образом, когда Израиль отложил выполнение своих обязательств и нарушил сроки выполнения условий соглашения, он объяснял свои собственные нарушения как следствие повторяющихся нарушений со стороны палестинцев. При этом Израиль отказывался признать связь между продолжением строительства поселений на контролируемых территориях и будущими переговорами об их постоянном статусе, что вызывало возмущение палестинцев, утверждавших, что параллельно с переговорами Израиль совершает необратимые шаги на территориях, статус которых и является предметом этих переговоров.

С палестинской точки зрения, соглашения в Осло провозглашали признание палестинцами суверенитета Израиля над 77% «их» земель (имея в виду всю территорию исторической Палестины времен британского мандата 1922–1948 годов) и основывались на предположении, что палестинцам удастся получить суверенитет над оставшимися 23% [38]. С точки зрения палестинских лидеров, переговоры в Осло не были результатом «внезапно проявившейся» доброй воли Израиля, а отражали понимание невозможности силового подавления первой интифады; иными словами, Израиль подчинился «давлению силы». (Этот мотив повторит «Хезболла» после вывода израильских войск с территории

Ливана в 2000 году, а затем ХАМАС после ухода израильтян из Газы в 2005 году.) При этом Я. Арафат и другие руководители ООП не сомневались, что в конечном итоге переговоры могли иметь только один конец: они должны были привести к созданию жизнеспособного независимого палестинского государства на всей территории Западного берега и сектора Газа, включая Восточный Иерусалим, а также к признанию права на возвращение палестинских беженцев, покинувших свои земли с 1947 по 1949 год, а также их потомков. Палестинские лидеры считали, что лимит их уступок исчерпывается фактом признания легитимности существования Государства Израиль в границах «зеленой черты», которое, в свою очередь, и должно пойти на все остальные уступки.

Процесс Осло был длинным и сложным для всех вовлеченных в него сторон. По мере его развития реальность и ее интерпретации приобрели горький привкус для палестинцев. Временное разделение Западного берега на зоны «A», «B» и «C» было воспринято палестинцами как «система апартеида», заточившая палестинское население в тринадцати разделенных и изолированных друг от друга областях[39]. Когда, начиная с прихода Б. Нетаньяху к власти, процесс мирных переговоров значительно замедлился, политика конфискации палестинских земель получила дальнейшее распространение, продолжился рост количества еврейских поселений, а также строительство в поселениях, созданных в предшествующие десятилетия; одновременно ухудшилось экономическое положение на контролируемых территориях и резко возрос уровень безработицы. В связи с этим поддержка мирных переговоров среди палестинского населения резко снизилась.

Палестинцы воспринимали постоянное присутствие израильтян, как военных, так и гражданских лиц, а также

разделение территорий дорогами и КПП, находившимися под контролем ЦАХАЛа, как наглядные свидетельства намерений Израиля удержаться на «их» территориях любыми средствами. Политика Израиля, согласно которой принимались решения об отступлении только из густонаселенных городов, при сохранении под израильским контролем максимума незастроенных земель, вызывало негодование руководства ПНА. В ответ на израильские обвинения в нарушении палестинцами договоренностей Осло они предъявляли свой длинный список нарушений с израильской стороны: поселения на контролируемых территориях продолжали строиться и расширяться, тысячи палестинских заключенных оставались в израильских тюрьмах, «безопасный переход» из сектора Газа на Западный берег не был открыт.

Оглядываясь назад, можно сказать, что израильское и палестинское видения переговорного процесса в Осло отражали симметрично глубокое разочарование действиями другой стороны, которая не оправдала ожиданий, связанных с мирными соглашениями[40]. Поступательный характер мирного процесса был направлен на установление атмосферы доверия, тогда как решение наиболее острых вопросов (в частности, вопроса о статусе Иерусалима и судьбе беженцев 1948 года и их потомков) было отложено на завершающую стадию урегулирования. На практике результат был прямо противоположным: доверие между сторонами уменьшалось. Формула обеспечения мира и безопасности для израильтян в обмен на территории, свободу и независимость для палестинцев выглядела привлекательно, но ни одна из сторон не получила того, на что она рассчитывала. Палестинцы не пришли к тому, что хотя бы отдаленно напоминало независимое государство, а начавший переговоры с израильтянами ФАТХ потерял доверие большинства арабских жителей

контролируемых территорий, поддержавших на выборах 2006 года исламистов. Надежда отдельных израильских политиков на то, что Я. Арафат и его сторонники установят на переданных под их контроль территориях закон и порядок, результатом чего станет искоренение террора, также не сбылась. Начавшая процесс Осло Партия труда проиграла с тех пор пять из шести электоральных кампаний (1996, 2001, 2003, 2006 и 2009), лишь однажды — в 1999 году — получив возможность сформировать правительство. Тогда-то и была сделана попытка добиться нового мирного прорыва.

Глава IV

ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ И ИХ КРАХ: КЕМП-ДЭВИД И ТАБА, 2000–2001 ГОДЫ

Несмотря на отсутствие доверия между палестинцами и израильтянами (в январе 2000 года около 75% палестинцев выразили сомнение в том, что израильский премьер согласится на договор, отвечающий их чаяниям[41]), Эхуд Барак сделал ставку на то, чтобы разрубить тугой узел противоречий одним ударом. Идея проведения одного саммита, где планировалось обсуждение сразу всех спорных вопросов, свидетельствовала о твердом стремлении к мирному урегулированию.

Согласно «официальной» точке зрения Израиля, история переговоров в Кемп-Дэвиде проста, если не трагически печальна: Израиль изъявил желание пойти на долгосрочные и беспрецедентные компромиссы, чтобы достичь действенного и прочного соглашения, в то время как лидеры ПНА, в свою очередь, предпочли сорвать переговоры, не внеся никаких встречных предложений. Более того, вместо того чтобы продолжить мирные переговоры, Я. Арафат и другие руководители ПНА решили развязать против Израиля террористическую войну спустя два месяца после окончания саммита.

Каковы были израильские предложения в Кемп-Дэвиде? Бывший премьер-министр Израиля Эхуд Барак рассказывал: «Предложения [от 18 июля 2000 года] включали создание демилитаризованного палестинского государства на почти 92% территории Западного берега и 100% сектора Газа с некоторой территориальной компенсацией [1%] палестинцам из земель, входивших в территорию Израиля до 1967 года; снос большинства поселений и сосредоточение основной массы поселенцев на 8% территории Западного берега, которые будут аннексированы Израилем; учреждение палестинской столицы в Восточном Иерусалиме, некоторые арабские районы которого станут независимыми палестинскими территориями, а остальные обретут функциональную автономию»[42].

Более того, предложения Э. Барака включали палестинское «опекунство» над Храмовой горой и потенциальное использование права на возвращение трех из четырех миллионов палестинских беженцев в их собственное будущее палестинское государство, но не в сам Израиль. По словам Э. Барака, Я. Арафат сказал «нет» в ответ на эти беспрецедентные предложения Израиля, не выдвинув никаких встречных идей[43]. В то время как Израиль был готов предложить «болезненный компромисс», Я. Арафат не был готов к уступкам ни в вопросе о статусе Иерусалима, ни о праве на возвращение для палестинских беженцев и их потомков. По словам Э. Барака, «Арафат боялся принять необходимое историческое решение, чтобы положить конец конфликту».

В соответствии с этим «официальным» израильским видением объяснение иррационального поведения палестинского руководства однозначно. Э. Барак предложил Я. Арафату в Кемп-Дэвиде справедливый и всеобъемлющий договор, но Я. Арафат решил отвергнуть его, начав

против Израиля террористическую войну[44]. Провал переговоров в Кемп-Дэвиде может быть до известной степени отнесен к отказу палестинской стороны заключить мир, завершить конфликт и признать Израиль как еврейское государство. Я. Арафат, как утверждается, был заинтересован не в мире, а в новых и новых уступках Израиля, действовавшего в соответствии с тактикой поэтапного вывода войск с контролируемых территорий. Как опасались многие в Израиле, далее исчезновение еврейского государства с карты мира произошло бы через переселение миллионов палестинских беженцев. Более того, эксцентричное отношение Я. Арафата к переговорам в Кемп-Дэвиде было продемонстрировано его безапелляционным заявлением о том, что на Храмовой горе в Иерусалиме никогда не было еврейского Храма, и его двусмысленной позицией относительно завершения конфликта и статуса палестинских беженцев. В этом смысле прав был министр Дан Меридор: «Барак опробовал теорию [израильских] левых на практике, и она не сработала. Он решил испытать Арафата — и проиграл»[45].

Обе стороны подошли к переговорам в не самом лучшем расположении духа. Среди факторов, «напрягавших» палестинцев, можно отметить следующие:

1. Последовательность действий (тот факт, что израильско-сирийские переговоры предшествовали переговорам между Израилем и ПНА, и лишь после провала попыток договориться с Х. Асадом Э. Барак переключился на «палестинское» направление).
2. Полный вывод израильских войск из Ливана в преддверии саммита в Кемп-Дэвиде ставил ООП в очень уязвимое положение (любое достижение в ходе переговоров меньшее, чем полный уход с контролируемых террито-

рий, воспринималось бы как поражение ФАТХа в соперничестве с добившейся большего «Хезболлой»).

3. Интенсификация переговоров об окончательном урегулировании шла за счет частичного отказа от выполнения прошлых соглашений, при этом было очевидно, что если новые переговоры не приведут к достижению взаимоприемлемых результатов, то и уже подписанные выполняться не будут.
4. Продолжение Израилем поселенческой деятельности на территориях, контроль над которыми палестинцы рассчитывали получить в результате переговоров.

Ряд факторов вызывал недовольство израильтян:

1. Последовательное категорическое непризнание палестинскими лидерами исторической связи еврейского народа с Эрец-Исраэль.
2. Продолжение палестинцами террористической деятельности параллельно с ведением переговоров.
3. Искажение палестинскими лидерами сути израильских предложений в глазах египтян, американцев и других представителей извне.

Трудно сказать, насколько в иных обстоятельствах переговоры об окончательном урегулировании могли привести к успеху, но в июле 2000 года сопутствующие факторы имели крайне негативное значение, во много предопределив провал саммита в Кемп-Дэвиде даже безотносительно позиций сторон по поводу проблемы беженцев или статуса Иерусалима[46].

После переговоров в Кемп-Дэвиде начало второй интифады привело к интенсивным дипломатическим попыткам положить конец насилию и продолжить политические кон-

такты между сторонами, в результате чего 23 декабря 2000 года президент Б. Клинтон составил проект «комплексного соглашения», которое требовало от Израиля значительно больших уступок, чем те, на которые готовы были пойти члены команды Э. Барака в Кемп-Дэвиде. В соответствии с «параметрами Клинтона» под палестинский контроль планировалось передать 94–95% территорий Западного берега, а также 1–3% суверенной территории Израиля (предусматривалось, что под контроль ПНА будут переданы незаселенные районы, примыкающие к сектору Газа); предусматривался палестинский суверенитет над Храмовой горой; тщательно разрабатывалась схема помощи палестинским беженцам[47]. Израильское правительство в целом приняло план Клинтона. Что же до палестинцев, то премьер-министр Э. Барак обобщил их позицию (с израильской точки зрения) следующим образом: «Если бы палестинцы, даже так поздно, согласились, у нас бы уже был мирный договор. Но Я. Арафат тянул время две недели, а затем ответил на предложение Клинтона «да, но», что, с его многочисленными возражениями и оговорками, могло быть расценено как решительное «нет»[48].

Несмотря на очевидную двусмысленность палестинской позиции в отношении «параметров Клинтона», 21 января 2001 года, на следующий день после того, как в должность вступил новый президент США Джордж Буш-младший, в Табе начался раунд переговоров между израильтянами и палестинцами; на этот раз американские посредники в переговорах не участвовали. Казалось, что стороны подошли очень близко к заключению соглашения по ряду вопросов, включая статус Иерусалима и вопрос о будущих границах между двумя государствами, и даже приступили к прагматичной дискуссии о том, как разрешить проблему беженцев. Однако как по причине нехватки времени (из-за распада правитель-

ственной коалиции Э. Барака на 6 февраля 2001 года были назначены досрочные выборы премьер-министра, выигранные А. Шароном), так и в связи с нежеланием Я. Арафата согласиться на какое-либо соглашение, которое бы ознаменовало собой окончание палестино-израильского конфликта, и эти переговоры ни к чему не привели[49].

Провал переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе и отказ палестинской стороны принять «параметры Клинтона» подтолкнул многих израильтян к мысли о том, что реальной целью палестинцев (или, по крайней мере, их руководства — подчеркнем, речь идет об эпохе до появления ХАМАСа в качестве ведущей силы на Западном берегу и в Газе!) было и остается создание своего государства на всей территории Палестины/Эрец-Исраэль, не рядом с Израилем, но вместо него. Израильские лидеры прошли длинный путь интеллектуальных трансформаций, и если Голда Меир, бывшая министром иностранных дел, а затем премьер-министром в 1960-е — первой половине 1970-х годов, говорила, что «нет такого народа, как палестинцы», то Эхуд Барак, также бывший министром иностранных дел, а затем премьер-министром, возглавляя, как и Г. Меир, Партию труда, говорил Б. Моррису: «Мы понимаем как само собой разумеющееся необходимость наличия двух государств для двух народов [израильтян и палестинцев]»[50]. При этом большинство израильских руководителей как от правых, так и от левоцентристских партий считали, что палестинские лидеры подобный путь смены парадигмы не прошли, рассматривая переговоры с Израилем как стадию в борьбе за его окончательное уничтожение.

Если израильтяне считали предложения, сделанные ими в Кемп-Дэвиде, беспрецедентно щедрыми, то Я. Арафат и остальные палестинские руководители критиковали их как

«неадекватные», «снисходительные» и «далекие от реальности», так как они предусматривали передачу под полный контроль ПНА не всех территорий Западного берега и Газы, не говоря уже о том, что в них не содержалось никакого обязательства о гарантиях права палестинских беженцев и их потомков на возвращение в те находящиеся ныне на территории Израиля города и деревни, откуда родом они или их предки (по палестинским подсчетам, если бы израильские предложения были приняты и реализованы, вернуться смогли бы лишь около 1% тех, кого они считают беженцами). Палестинцы же настаивали на необходимости признания Израилем ответственности за проблему беженцев и ее разрешение[51]. По мнению палестинской стороны, Израиль отказывал палестинцам в возможности контролировать границы их создававшегося государства, нарушая тем самым их суверенитет. Как уже упоминалось выше, палестинские лидеры выходили из себя каждый раз, когда они узнавали о создании Израилем новых еврейских поселений в Иудее, Самарии и Иорданской долине или о строительстве в поселениях (палестинцы называли и называют их «колониями») уже существующих. Палестинцы считали неприемлемым как сохранение израильского контроля над созданными после 1967 года еврейскими районами Восточного Иерусалима, так и настойчивое требование Израиля о продолжении военного присутствия на достаточно длительный срок в новом палестинском государстве.

Кроме того, согласно израильским предложениям, сделанным в Кемп-Дэвиде, Западный берег разделялся на три не соприкасавшихся друг с другом кантона, окруженных со всех сторон израильской территорией. Учитывая находящийся в отдалении сектор Газа, Государство Палестина оказывалось скроенным из четырех обособленных «лоскут-

ков». Справедливость требует отметить, что в ходе последующих переговоров Израиль согласился на дополнительные территориальные уступки, и в «параметрах Клинтона» Западный берег, который почти полностью планировалось передать под палестинский контроль, обладает территориальной целостностью.

Палестинцы выражали недовольство и касательно процедуры переговоров: по их мнению, Израиль не столько выдвигал свои предложения, сколько «доносил» их до палестинцев в форме ультиматума, который предусматривал только два варианта ответа: «да» или «нет». В итоге в понимании палестинцев Кемп-Дэвид стал «ничем иным, как попыткой Израиля применить силовые методы в переговорном процессе»[52].

Палестинцы считали, что могут согласиться на аннексию Израилем каких бы то ни было частей Западного берега исключительно на условиях паритетного обмена территориями в равном объеме, причем саму свою готовность обсуждать обмен они уже считали уступкой. Во-вторых, палестинские лидеры считали своей важной уступкой готовность признать суверенитет Израиля над Стеной Плача, Еврейским кварталом Старого города, а также еврейскими кварталами в Восточном Иерусалиме, построенными после 1967 года, полагая это более чем достаточным.

С точки зрения палестинцев, «параметры Клинтона» декабря 2000 года, а также переговоры в Табе были шагами в верном направлении, хотя серьезные проблемы по-прежнему существовали и по поводу будущего статуса Иерусалима, и в особенности по вопросу палестинских беженцев. Однако Я. Арафат и члены его команды недооценили, насколько время, имеющееся в их распоряжении, небезгранично. Четыре года переговоров под неусыпным оком

Б. Клинтона, М. Олбрайт, Д. Росса и их сотрудников создали у палестинских руководителей ложное ощущение, что их проблемы будут все время находиться в центре внимания президента США и высокопоставленных сотрудников Госдепартамента. Проработав за девять лет от Мадрида до Табы с пятью израильскими премьер-министрами (И. Шамиром, И. Рабином, Ш. Пересом, Б. Нетаньяху и Э. Бараком), палестинские лидеры пришли к верному лишь отчасти выводу, что смогут сработаться со всеми, а если нет — сравнительно небольшой всплеск контролируемого насилия гарантирует им немедленное международное вмешательство во имя защиты их интересов. Однако в январе–феврале 2001 года ситуация изменилась кардинально: приход к власти Джорджа Буша-младшего в США и Ариэля Шарона в Израиле создал совершенно новую ситуацию. А. Шарон, как и Б. Нетаньяху за пять лет до этого, не желал иметь никаких дел с Я. Арафатом, но, в отличие от Б. Клинтона, Дж. Буш-младший как по идеологическим причинам, так и помня негативный опыт своего столь немного добившегося на фронте ближневосточной дипломатии предшественника, не счел нужным давить на израильских руководителей. Я. Арафат прожил до ноября 2004 года, все это время А. Шарон оставался премьер-министром, но он так и не согласился начать новый раунд переговоров с руководителями ООП и ПНА. В ретроспективе очевидно, что именно с приходом к власти А. Шарона сразу после переговоров в Табе (они завершились 27 января 2001 года) и закончился процесс Осло.

Глава V

ПАЛИТРА ОТНОШЕНИЙ В АРАБСКОМ МИРЕ К ИЗРАИЛЮ В ПЕРИОД ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА 1990-х ГОДОВ

Уже к моменту созыва конференции в Мадриде в конце 1991 года арабские интеллектуалы признавали, что после окончания «холодной войны» и войны в Персидском заливе в мире произошли глубокие изменения и что необходимо понять их значение для будущего Ближнего Востока. На повестке дня оказались и вопросы о природе отношений между арабскими государствами и Израилем.

Дискуссия арабской интеллигенции об Израиле и об отношениях с ним в 1990-е годы характеризовалась возрастающим разнообразием. Различалось не только отношение разных кругов к Израилю, но и он сам казался участникам обсуждения все менее и менее монолитным образованием, поскольку все сильнее подчеркивались увеличивающиеся различия между его главными политическими движениями — Партией труда и блоком «Ликуд» — и их отношением к арабским соседям.

С точки зрения хронологии можно поделить восьмилетний период (от церемонии рукопожатия И. Рабина и Я. Арафата в Вашингтоне 13 сентября 1993 года и до краха переговоров в Табе в конце января 2001 года) на четыре периода.

А. Период «начала» процесса Осло, с сентября 1993 по начало 1996 года, характеризовавшийся расширением круга арабских государств, устанавливавших те или иные формы дипломатических и/или экономических отношений с Израилем, и, с противоположной стороны, возрастающими опасениями реакционеров — представителей исламистских движений, а также интеллектуалов с националистическими взглядами.

Б. Период правительства Б. Нетаньяху, с весны 1996 по конец мая 1999 года, начавшийся с созыва саммита арабских государств в Каире, пытавшихся заставить правительство Израиля не отступать от процесса Осло и продвигаться к достижению урегулирования также и с Сирией. Хотя на конференции провозглашалось, что мир — это «стратегический выбор» всех арабских государств, выделялось требование представителей Сирии, настаивавших на том, что при отсутствии прогресса в урегулировании арабским странам следует оказывать давление на Израиль путем замораживания процесса нормализации отношений с ним. Этот период характеризовался значительным снижением порога опасений в консервативных кругах, как исламистских, так и националистических. Вместе с тем арабы, настроенные оптимистично и продолжавшие поддерживать переговорный процесс с Израилем, были в абсолютном меньшинстве в своих социумах.

В. Период правительства Э. Барака, который начался в мае 1999 года с напряженного ожидания возобновления диалога и возвращения той степени взаимного доверия, которая была характерна для правительства И. Рабина–Ш. Переса, а окончился вспышкой новой интифады в конце сентября 2000 года. Среди палестинцев, в особенности в первые месяцы, было заметно острое разочарование политикой

Э. Барака из-за непоследовательности и жесткости считавшегося «левым» премьер-министра. Эхуд Барак не способствовал ожидавшемуся от него восстановлению утраченных доверительных отношений с Палестинской администрацией, которая воспринимала его политику как попытку «навязать соглашение» любой ценой.

Г. Период интифады Аль-Акса, начавшейся в октябре 2000 года. Интифада сплотила ряды палестинцев, по мере того как обострялась конфронтация с Израилем. В арабских государствах, напротив, продолжавшееся насилие привело к откату процесса нормализации назад, наиболее очевидным выражением чего стал отзыв из Израиля послов Египта и Иордании, разрыв отношений с Марокко и Тунисом и резкое ухудшение отношений с Катаром и Оманом. Мавритания осталась единственной мусульманской страной, и в дни второй интифады поддерживавшей полные дипломатические отношения с Израилем на уровне посольств.

Урегулирование с Израилем в контексте системы отношений внутри арабских обществ

Обсуждение мирного процесса арабскими интеллектуалами является частью дискурса, выражающего соотношение социальных и политических сил, в котором процесс перехода от военного положения к сосуществованию, перемирию или состоянию мира переплетается с социальными, культурными и политическими проблемами, находящимися на повестке дня[53]. Другими словами, ожидание изменений в отношениях с Израилем от знакомого и удобного (в понимании соответствия идеям, господствующим у арабов и в мире ислама) состояния войны само собой усилило

существующее напряжение между традиционалистами и светскими, богатыми и бедными, религиозной и светской оппозицией и правящей элитой, ответственной за политику поддержания мирного процесса.

Обсуждение арабским обществом отношения к Израилю и к мирному процессу во многом является внутренней проблемой. Это часто становится средством выражения разочарования и социального, культурного и политического напряжения внутри отдельных государств и на межарабском уровне. Поскольку между двумя мировыми войнами сионистско-арабский конфликт превратился в фактор общественной жизни арабских государств и выполнял важную роль в формировании политического единства их населения, кристаллизации коллективной идентичности арабов и образовании региональной межарабской системы отношений, в период процесса Осло эти общества были вынуждены бороться с изменением ценностей и содержания их коллективной идентификации, неизбежным при переходе от враждебности к сосуществованию и миру в отношениях с Израилем.

Культурные и политические трудности, с которыми сталкиваются арабские общества в условиях мирного процесса, были вызваны необходимостью отказаться от «другого» Израиля как врага, что являлось жизненно важным фактором в формировании коллективной идентификации арабов и их национальной доктрины. Более того, наличие культурного фактора представляет собой формулу концепции «игры с нулевой суммой» и препятствует любым попыткам определить мирный процесс с Израилем как выгодный всем его участникам.

Конкретное воплощение характера обсуждения арабами мирного процесса было получено в ходе масштабного опро-

са общественного мнения, проведенного в феврале–марте 1999 года под руководством профессора Хилаля Хашана из Американского университета в Бейруте[54]. В опросе участвовало 1600 арабов из Сирии, Ливана, Иордании и с территорий, подконтрольных Палестинской администрации. Вот какие безрадостные результаты были получены:

- 87% всей выборки поддерживают войну против Израиля;
- 82% полагают, что еще не пришло время забыть разногласия прошлого и открыть новую страницу в отношениях с Израилем;
- 77% выступают против экономического или иного сотрудничества с Израилем; такой же процент опрошенных уверен, что у подобного сотрудничества нет перспективы;
- 76% видят в Израиле государство, стремящееся расширить свои территории за их счет и проводящее расистскую по своей сути политику;
- 70% вообще не желают мира с Израилем, независимо от условий;
- 54% убеждены, что Израиль в обозримом будущем прекратит свое существование как независимое суверенное государство;
- 45% полагают, что Катастрофы европейского еврейства на самом деле не было; 82% опрошенных не испытывают никакого сочувствия к жертвам Катастрофы.

Результаты опроса обнаруживают корреляцию между принадлежностью к группе с высоким экономическим статусом и проявлением поддержки идеи мира с Израилем (69% сторонников против 5% среди людей в группе с самым

низким экономическим статусом), та же зависимость существует между вероисповеданием и противостоянием миру с Израилем (81% крайне религиозных людей выступают против мира по сравнению с 45% светских, поддерживающих его). О том, насколько арабская позиция по вопросу о мире с Израилем обусловлена реальностью и своим развитием, а не является только проблемой мировоззрения, могут свидетельствовать данные, согласно которым 58% респондентов готовы пересмотреть свою позицию, если состояние мира принесет им личную выгоду.

В своем исследовании Х. Хашан делает предположение, что в арабском мире существует тесная связь между недовольством правительством и элитами (84 и 89% соответственно), неприятием процесса глобализации (70%) и отрицанием существования Израиля и противостоянием мирным отношениям с ним. Не стоит удивляться, что призыв Израиля к региональному сотрудничеству (во время проведения опроса) был истолкован как уловка для установления господства в регионе, а не как желание интегрироваться в него.

Следует подчеркнуть, что и единственное мирное соглашение, существовавшее между Израилем и арабским государством до соглашений Осло, не пользовалось широкой поддержкой у египетской интеллигенции (не говоря уже об остальных). Подпись Я. Арафата под Газа–Иерихонским соглашением воспринималась арабскими националистами и исламистами как отказ от борьбы за всю территорию Палестины, а установление Израилем дипломатических отношений с Иорданией, арабскими государствами Северной Африки и Персидского залива — как раскол арабского единства.

Подписанная в Осло Декларация о принципах палестино-израильского урегулирования ознаменовала начало изменений в отношении к Израилю, равно как и обострение обще-

ственной дискуссии вокруг него. Однако, по мнению многих интеллектуалов, Каирское соглашение 1994 года более всего отражало способность Израиля навязывать арабам и окружающему миру в целом свои условия и позиции. При этом заключение Израилем и ООП серии соглашений освободило ряд арабских государств, в основном удаленных от Израиля, из пут приверженности воинственной позиции в отношениях с Израилем для выражения солидарности всех арабов с палестинцами.

Подписание соглашений Осло позволило арабским правящим элитам дать волю желаниям, сдерживаемым долгие годы из-за необходимости, во-первых, считаться с общественным мнением в своих странах, а во-вторых, вносить свой вклад в поддержание арабского единства как региональной системы политических отношений. Эти элиты рассматривали соглашения Осло между Израилем и ООП как начало всеобщего мирного процесса между арабским миром и Израилем и поспешили воспользоваться его плодами после долгих лет ожидания, вызванного идеологическим и политическим застоем. В целом политические и экономические элиты демонстрировали достаточно прагматичный подход, в то время как исламисты и интеллигенция заняли в большинстве случаев враждебную позицию по отношению к Израилю и мирному процессу с ним. При этом, хотя исламская оппозиция формулирует свои доводы на языке религии, используя аргументы и прецеденты ислама и параграфы из религиозного законодательства, ее основным аргументом в обоснование собственной позиции является вполне прагматичное предположение, что при существующей расстановке региональных и международных сил любое соглашение с Израилем может послужить основанием для его утверждения в качестве региональной державы за

счет арабов. Если соглашения с ООП и Иорданией воспринимались как пробоина в стене арабского единства, то продолжавшееся установление дипломатических связей между рядом арабских стран и Израилем пробудило серьезные опасения за судьбу обладающих большой мощью понятий культурной и социальной идентичности, во главе которых стоит концепция «арабской нации». В глазах радикальных исламских движений развитие отношений Израиля и арабского мира выглядело угрожающим: помимо того, что это могло укрепить оппозиционные исламистам правящие элиты, нормализация отношений с Израилем понималась как реальная и осязаемая угроза исламу и укоренившимся социальным и культурным традициям.

Арабские националисты, в свою очередь, утверждали, что конфликт сможет окончиться лишь тогда, когда Израиль окончательно «растворится» на Ближнем Востоке, утратив свой сионистский характер. Отсюда делался вывод о том, что прекращение вооруженного противостояния не сможет само по себе привести к установлению полного мира с Израилем. В рамках общественной полемики в этом контексте были подняты на поверхность знакомые образы Израиля 1950–1960-х годов:

А. Израиль — плацдарм империализма, нацеленного на то, чтобы разрушить единство арабов как единой нации и истощить их экономически.

Б. Израиль — проводник идеологии глобализации в регионе, который разрушит культурное и религиозное наследие арабов.

В. Израиль представляет опасность как сила, способная экономическим путем подчинить себе арабские государства Ближнего Востока. Экономическая гегемония Из-

раиля казалась реально возможной особенно в первые годы процесса Осло, когда Израиль воспринимался как вершина израильско-иордано-палестинского треугольника, общая экономическая мощь которого и его проникновение на арабские рынки служили бы для того, чтобы Израиль получил первенство в регионе. Даже осторожные сторонники мирного процесса, такие как представители египетской политической элиты во главе с президентом Х. Мубараком, враждебно относились к разговорам о «ближневосточном общем рынке», что выглядело как рецепт эксплуатации дешевой арабской рабочей силы Израилем, установления его экономического господства на арабском Востоке и размывания арабской идентичности. Даже использование термина «Ближний Восток» трактовалось как отрицание основ национального и религиозного самосознания арабов, так как этот регион — арабский и в нем нет места никому и ничему чужому. По мнению арабских националистов, само выражение «Ближний Восток» — это иностранное понятие, навязанное Западом для того, чтобы позволить Израилю интегрироваться в чуждый для него регион.

Боязнь установления экономической гегемонии Израиля в регионе получила выражение в резких заявлениях, особенно после экономической конференции государств Ближнего Востока и Северной Африки, прошедшей в Касабланке в октябре 1994 года, — в заявлениях, которые снизили практическое значение последующих ежегодных встреч в Аммане, Каире и Дохе. Националисты и исламисты в один голос утверждали, что на этих конференциях была предпринята попытка предоставить Израилю легитимность в регионе и свободный экономический доступ в арабские страны еще до того, как он выполнит требования, на которых настаивали последние.

Сторонники переговорного процесса в арабском мире придерживались противоположной точки зрения, согласно которой установление мира приведет к уходу Израиля с оккупированных им территорий, признанию права палестинцев на создание собственного государства и, в сущности, к уменьшению израильской угрозы арабским странам, так как Израиль станет территориально меньшим и более уязвимым. Арабские экономисты, занявшие положительную позицию по отношению к мирному процессу, утверждали, что в рыночной экономике в период мира чистые экономические принципы необязательно будут в пользу Израиля, ведь если арабские государства предоставят удобные условия для иностранных инвестиций, они могут стать более привлекательными, чем Израиль. К тому же, — продолжали они, — отказ установить экономические связи с Израилем подкрепляет утверждения Израиля, что нет арабов, желающих мира, и дает ему повод продолжать оккупацию, гнет и экспансию.

Убийство Рабина как поворотный момент

Отсутствие единства в арабском мире по отношению к мирному процессу отчетливо проявилось в реакции на убийство главы правительства Израиля Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года[55]. Совет сотрудничества государств Персидского залива выразил официальные соболезнования по поводу убийства, аналогичным образом поступили и некоторые другие правительства арабских стран. Отдельные арабские лидеры присутствовали на похоронах, помимо прочего, и из-за присутствия на них ведущих политических лидеров со всего мира.

При этом реакция арабов на убийство Рабина колебалась между опасениями сторонников политического процесса за его судьбу и облегчением, а также радостью, в основном среди исламистов (не только палестинских), которые считали Рабина «костоломом» периода интифады и ответственным за убийство лидера «Исламского джихада» Фатхи Шикаки, уничтоженного агентами Моссада на Мальте 29 октября 1995 года, за считанные дни до гибели самого И. Рабина. Так, Фронт исламского действия в Иордании — стране, уже имевшей на тот момент официальный мирный договор с Израилем, — выразил удовлетворение убийством И. Рабина.

Студенты Каирского университета митинговали три дня подряд против присутствия Х. Мубарака на похоронах И. Рабина в Иерусалиме (кстати, это был первый и до настоящее времени единственный визит Х. Мубарака в Израиль). В то же время они протестовали против планов Вашингтона перевести посольство США в Израиле в Иерусалим, а также осудили привлечение гражданских лиц к суду военных трибуналов в самом Египте, равно как и введенные правительством ограничения свободы прессы и профессиональных объединений и запрет на политическую деятельность в университетских кампусах.

Неординарность убийства И. Рабина и масштаб потрясения, которое оно вызвало в Израиле и во всем регионе, послужили причиной ожидания, что вследствие этого лагерь сторонников мира усилится. После того как король Хусейн и глава Палестинской администрации Ясир Арафат принесли соболезнования вдове погибшего израильского премьера Лее Рабин, ожидалось, что сожаление выразит и президент Сирии Хафез Асад, чего, однако, так и не произошло.

В арабской прессе, в особенности в газетах Иордании и стран Персидского залива, равно как и публикуемых в

Лондоне, разные авторы выражали тревогу за судьбу мирного процесса после убийства И. Рабина, опасаясь, что оно, возможно, приведет к остановке процесса и вместе с этим к прекращению демократизации арабских стран. Эта точка зрения основывалась на мнении, разделяемом многими, что конфликт с Израилем использовался арабскими правителями как основной предлог и механизм предотвращения демократизации и ограничения гражданских прав в арабских государствах. В этом смысле представители наиболее либеральных кругов в арабских странах воспринимали мирный процесс как источник надежды на политические изменения в своих государствах.

Убийство И. Рабина воспринималось как свидетельство силы правых радикалов в Израиле и существования антидемократических кругов в израильском обществе, в противовес существовавшему прежде образу государства, объединенного вокруг своих демократических институтов. Именно поэтому многие арабские политики и интеллектуалы надеялись, что убийство И. Рабина подвигнет израильское правительство во главе с Шимоном Пересом к консолидации лагеря сторонников мира и подавлению крайне правых, в основном поселенцев, которые воспринимались арабами как самое большое препятствие миру. Утверждалось, что убийство И. Рабина праворадикальным религиозным израильтянином является ясным доказательством того, что вести переговоры о мире, одновременно с этим не отмежевавшись от правых и религиозных кругов, невозможно.

Баланс надежд и разочарований арабского мира по отношению к процессу Осло — это нарастающее горькое разочарование характером ведения переговоров и их результатами. Даже в Иордании, несмотря на недвусмысленную поддержку правящей Хашимитской династией мирных от-

ношений с Израилем, разочарованы тем, что установление мира не принесло долгожданных плодов в виде «дождя» иностранных инвестиций и резкого роста темпов экономического развития в целом.

Нужно с сожалением признать, что немалая доля ответственности за это разочарование лежит на Израиле. Во всем, что касается повседневной жизни палестинского населения — передвижения, занятости, экономической деятельности, — ситуация в годы Осло практически не улучшилась, скорее напротив, вводимый Израилем после каждого теракта на недели, а порой и месяцы режим «блокады территорий» наносил значительный урон возможности поддерживать на Западном берегу и в Газе минимально приемлемый уровень жизни. Очень вредили коррупция и отсутствие прозрачности власти в Палестинской администрации, получавшей значительную финансовую помощь из-за рубежа, часто оседавшую на банковских счетах высших функционеров ПНА и не доходившую до страдающего от притеснений населения. Частая смена правительств в Израиле и следовавшее за этим раз за разом изменение политического курса стали причиной зигзагообразного движения, что вызывало осложнения в отношениях между сторонами. Эти отношения по многим причинам зашли в полный тупик, в результате чего в конце сентября 2000 года начался новый виток масштабного насилия.

Глава VI

ОТ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ — К НОВОМУ ВИТКУ ЭСКАЛАЦИИ (ВТОРАЯ ИНТИФАДА, 2000–2005 ГОДЫ)

Лидеры ООП утверждали, что вторая интифада началась как народное восстание, ставшее результатом скорее неудачи семилетнего промежуточного периода (1993–2000), нежели того факта, что Кемп-Дэвидские переговоры зашли в тупик. Ухудшение повседневной жизни палестинцев на территориях, сильно усугубленное разделением Западного берега на восемь «не соприкасающихся друг с другом гетто», в результате которого палестинские города превратились в «огромные тюрьмы под открытым небом» (цитата из официального документа ПНА[56]), — все это привело к нарастанию в среде палестинцев огорчения, гнева и отчаяния, готовых выйти на поверхность в любую минуту.

С точки зрения палестинского руководства, основной причиной второй интифады была продолжающаяся оккупация территорий. Именно оккупация стала причиной отчужденности, разочарования и ярости палестинцев в отношении Израиля. В качестве «скрытых причин» второй интифады лидеры ООП выдвигали те же аргументы, которые были использованы с целью объяснить провал переговоров в Осло: (1) удвоение числа поселенцев с 1993 по 2000 год (при

этом палестинцы включают в число поселенцев и жителей еврейских районов Восточного Иерусалима, где во второй половине 1990-х были построены два больших новых еврейских района: Хар-Хома и Рамот-Шломо); (2) ограничение свободы палестинцев посредством контрольно-пропускных пунктов и строительства объездных дорог; (3) конфискация палестинских земель и снос домов палестинцев; (4) отказ израильтян выполнить свои обязательства, в том числе уход с территорий и освобождение заключенных. К этому списку палестинцы добавляли недовольство стилем ведения переговоров со стороны Э. Барака и членов его команды в 1999–2000 годах (в частности, тем, как он, по их мнению, унижал избранного палестинского президента Я. Арафата), а также свою абсолютную неуверенность в конечных целях израильской стороны.

В качестве дополнения к упомянутым выше скрытым причинам палестинцы указывали на два факта, послуживших непосредственными катализаторами взрыва насилия: посещение Ариэлем Шароном Храмовой горы 28 сентября 2000 года, а также неоправданно жестокое применение силы израильской полицией при подавлении на начальном этапе, как утверждается, спонтанного взрыва негодования, инициированного невооруженными массами демонстрантов в первую неделю интифады. Лидеры ПНА утверждали, что широкие массы оказались вовлеченными в войну за национальное освобождение против израильской оккупации с решительным намерением достичь суверенитета над палестинскими землями[57].

Для палестинцев эскалация интифады после февраля 2001 года была напрямую связана с политикой израильского премьер-министра Ариэля Шарона, которая заключалась в неторопливом, но систематическом отходе от договоренно-

стей, достигнутых в Осло, уничтожении самой инфраструктуры палестинской государственности, в результате чего Я. Арафат и его приближенные все меньше контролировали происходящее на территориях, формально находившихся в их ведении. Палестинцы неоднократно заявляли, что интифада направлена не против Государства Израиль или его жителей, но против продолжающейся оккупации палестинских земель. По их словам, террористические акты, проводимые различными боевыми палестинскими группировками против израильтян, несоизмеримы по своему размаху и числу жертв с силовыми операциями, которые проводят против палестинских арабов израильская армия и спецслужбы. Как и израильтяне, палестинцы пришли к выводу, что на противоположной стороне не было ни одного партнера для переговоров и что, выражаясь словами М. Баргути, «интифада будет длиться столько, сколько будет длиться оккупация. Израильтяне же никогда никому ничего не отдают, если только их не заставляют сделать это силой»[58].

Израильское восприятие событий было, как и следовало ожидать, противоположным[59]. Принимая во внимание то, что премьер-министр Э. Барак во время переговоров в Кемп-Дэвиде подозревал палестинцев в коварных замыслах, официальное объяснение Израилем второй интифады однозначно заключается в следующем: интифада — это террористическая война, тщательно спланированная председателем ПНА Я. Арафатом, которая была частью палестинской стратегии насилия (а не стратегии мирных переговоров) как главного инструмента достижения политических целей. С израильской точки зрения, основные причины всплеска новой террористической войны, развязанной палестинцами, кроются в их отказе принять в Кемп-Дэвиде концепцию мирного урегулирования споров. С израильской точки зре-

ния, в сентябре 2000 года у палестинцев не было никакой логической причины для вспышки насилия, и со стороны Израиля не было никаких провокаций, которые могли бы ее хоть как-то оправдать. В конце концов, премьер-министр Э. Барак сделал палестинцам наиболее щедрые предложения из всех, которые они когда-либо слышали из уст израильских руководителей, а они «предали» его, ответив на мирные инициативы вспышкой насилия, что, в частности, стоило ему кресла премьер-министра.

Что касается подоплеки действий палестинцев, руководители израильских политических и силовых структур приводили два взаимодополняющих объяснения палестинской стратегии.

Во-первых, в ближайшей перспективе палестинцы желают заполучить независимое государство, оставив Израиль в границах, существовавших до 4 июня 1967 года, причем своей столицей они видят Восточный Иерусалим, право палестинских беженцев и их потомков на возвращение — не подлежащим сомнению. Вторая интифада, спланированная руководством ПНА, имела своей целью унести как можно больше жизней, перехватить инициативу и упрочить свои позиции для торга. Таким образом, палестинское руководство спровоцировало, срежиссировало и направило в нужное для себя русло терроризм и насилие, использовав их как стратегический инструмент (и действительно, «параметры Клинтона», обнародованные спустя два с половиной месяца после начала второй интифады, значительно более выгодны для палестинской стороны, чем предложения, выдвигавшиеся в Кемп-Дэвиде в июле, за два с половиной месяца до ее начала). За последние три года причастность палестинских политиков и силовиков к терактам получила широкую огласку и была документально засвидетельствована. Вторая ин-

тифада, таким образом, является заранее спланированной войной — стадией палестинской борьбы за независимость, ведущей к возникновению враждебного Израилю государства, для которого возвращение Израиля к границам 1967 года будет лишь переходным этапом и временной целью[60].

Во-вторых, израильские руководители всё больше склонялись к мысли о том, что в долгосрочной перспективе палестинцы хотят полностью уничтожить Израиль. В то время как еврейская община страны всегда была согласна на компромисс, начиная с раздела страны на собственно Палестину и Иорданию, созданную британцами в 1921 году; в ходе обсуждения в комиссии Пиля в 1937 году; при дебатах и принятии ООН Плана о разделе в 1947 году; на саммите в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года. — палестинские арабы постоянно отказывались признать легитимность еврейских притязаний на государственность в этом регионе Ближнего Востока. Как выразил эту мысль Э. Барак, «Арафат считает, что Израиль не имеет права существовать, и желает его уничтожить»[61].

Как следствие, большинство израильтян были уверены, что до кончины Я. Арафата в ноябре 2004 года палестинцы были крайне ненадежными партнерами на переговорах, поэтому начинать обсуждение с ними нового варианта соглашения не было смысла. Акцент, который палестинцы делали на праве беженцев вернуться в Израиль, и террор, к которому они обращались все чаще (особенно резонансными были взрывы террористов-смертников на территории Израиля) — 2001 год был рекордным за всю историю страны по числу жертв арабского террора, — убеждали израильтян в правоте скептицизма правой оппозиции. Это вылилось в безоговорочную победу премьер-министра А. Шарона и возглавлявшейся им тогда партии «Ликуд» на парламент-

ских выборах, прошедших 28 января 2003 года: за «Ликуд» проголосовали 925 279 граждан страны (38 мандатов), занявшую второе место Партию труда поддержали всего 455 183 избирателей (19 мандатов). С таким сокрушительным результатом, оторвавшись вдвое от ближайшего преследователя — социал-демократов, правый блок не выигрывал выборы никогда за всю историю Израиля.

В этих условиях в Израиле возобладала доктрина «отсутствия партнера», и инициированная преимущественно американской администрацией весной 2003 года так называемая «Дорожная карта» урегулирования палестино-израильского конфликта оказалась фактически мертворожденной. Во многом причина этого лежала в крайне контрпродуктивных посылах этого документа, повторявшего все основные ошибки модели Осло: был заранее обозначен срок действия плана, определена дата окончательного урегулирования конфликта, но не было даже начато обсуждение тех наиболее сложных проблем, из-за которых, собственно, все и пришло к краху во второй половине 2000 года. «Дорожной картой» предусматривалось «окончательное и всеобъемлющее урегулирование палестино-израильского конфликта до 2005 года». С формальной точки зрения срок действия «Дорожной карты» был ограничен периодом с мая 2003 года (первый этап) по конец 2005 года (третий этап). При этом «Дорожная карта» не предусматривала никакого решения (даже промежуточного) двух самых острых проблем палестино-израильских отношений — проблемы Иерусалима и проблемы беженцев[62]. Правительство А. Шарона формально согласилось принять «Дорожную карту» как руководство к действию, но оговорило это согласие четырнадцатью условиями, целый ряд из которых были для палестинцев совершенно неприемлемыми. В частности, израиль-

ское правительство настаивало на том, что «у временного палестинского государства … не будет постоянных границ, оно будет полностью демилитаризованным и лишенным права на заключение международных соглашений военно-политического характера. Израиль сохранит за собой контроль над воздушным пространством этого государства, его сухопутными и морскими границами». Другое требование гласило: «Палестинская сторона обязана признать за Израилем право на существование в качестве еврейского государства, с обязательным и публичным отказом от требования о возвращении арабских беженцев на его территорию». При этом израильское правительство настаивало на том, что «на стадии реализации плана «Дорожная карта» стороны не будут затрагивать проблемы постоянного урегулирования, включая вопрос о еврейских поселениях в Иудее, Самарии и Газе (за исключением «замораживания» строительства в них и ликвидации форпостов), деятельность палестинских учреждений в Иерусалиме и т.п.»[63] Я. Арафат не для того отказывался в декабре 2000 года от «параметров Клинтона», чтобы два с половиной года спустя принять этот документ, сформулированный в абсолютно неприемлемых для него терминах. По совокупности причин «Дорожная карта» не привела ни к какому прорыву в палестино-израильском переговорном процессе, став еще одной мертворожденной дипломатической инициативой.

В это время различные израильские политические деятели пытались найти выход из того тупика, в котором оказался процесс палестино-израильского урегулирования. Основных векторов движения было два: либо принималось за аксиому, что у Израиля нет партнера для переговоров, и, значит, Израилю нужно действовать в одностороннем порядке, превратив уход из Южного Ливана в мае 2000 года в

модель, применимую и на палестинском направлении, либо же утверждалось, что переговоры 2000 — начала 2001 года в целом были успешными и закончились крахом лишь потому, что сторонам просто не хватило времени, чтобы договориться. Вторую точку зрения наиболее активно отстаивал Йоси Бейлин, один из архитекторов процесса Осло, бывший министром юстиции в правительстве Эхуда Барака; к нему присоединились ряд политиков из левого лагеря, а также отставных военных, которые решили на свой страх и риск продолжить переговоры с умеренными палестинскими лидерами (ключевую роль играл Ясир Абед-Рабо, бывший в прошлом членом правительства ПНА) с той точки, на которой они были прерваны в Табе. В октябре 2003 года стороны обнародовали так называемое Женевское соглашение, которое представляет собой детально прописанный мирный договор между Израилем и ПНА[64]. На том этапе ни израильское, ни палестинское официальное руководство эту инициативу не поддержали, и хотя штаб в ее поддержку существует в Израиле до сих пор, в возможность ее реализации, по всей видимости, не верит и сам Й. Бейлин, в конце октября 2008 года объявивший о прекращении своей политической деятельности и уходе из кнессета.

Тогдашний премьер-министр Израиля А. Шарон был склонен мыслить совершенно иными категориями, принципиально не веря в возможность достижения какого-либо соглашения с Я. Арафатом, которого он объявил «нерелевантным» и с которым отказался даже встречаться. Я. Арафат оказался запертым в своей резиденции в Рамалле, и А. Шарон объявил, что он может выехать оттуда куда угодно, но ему не будет позволено вернуться. Я. Арафат оставался в Рамалле, лишенный реальных рычагов контроля над ситуацией, в то время как израильское руководство прово-

дило на Западном берегу и в секторе Газа те масштабные силовые операции, которые считало нужным проводить, совершенно не считаясь с тем, что речь идет о территориях, которые, согласно подписанным договорам, находятся под полным контролем ПНА. Так, в густонаселенных районах Шхема, Дженина и некоторых других районов Западного берега была проведена операция «Защитная стена» (29 марта–10 мая 2002 года), а в секторе Газа — операции «Радуга в облаках» (18–25 мая 2004 года), «Дни искупления» (30 сентября–15 октября 2004 года) и «Первый дождь» (23 сентября–1 октября 2005 года).

В декабре 2003 года Ариэль Шарон объявил о том, что Израиль выведет все свои войска и поселения из сектора Газа и из Северной Самарии, причем в одностороннем порядке, вне рамок каких-либо соглашений с ПНА[65]. Этот план был реализован в полном объеме в августе 2005 года. Представляется, что это была фатальная ошибка: 11 ноября 2004 года «неспособного к политическому урегулированию воина-революционера» Ясира Арафата не стало, и главой ПНА стал Махмуд Аббас (Абу Мазен), еще в 1995 году выработавший с Йоси Бейлином проект соглашения об окончательном урегулировании конфликта. Очевидно, что за девять лет, прошедших с 1995 по 2004 год, ситуация несколько изменилась, причем едва ли к лучшему, однако, принимая во внимание личность М. Аббаса, период его правления не было никаких причин априори считать периодом «отсутствующего партнера» по урегулированию: с ним как раз вполне можно было попробовать договориться. К сожалению, даже такой попытки сделано не было, и несмотря на кардинальное изменение ситуации, связанной с кончиной человека, более тридцати пяти лет возглавлявшего палестинское движение сопротивления, А. Шарон продолжал всеми правдами и не-

правдами двигаться к реализации своего плана, пафосно озаглавленного «Одностороннее размежевание», насмехаясь над принятыми в парламентской демократии нормами и процедурами. А. Шарон объявил о проведении внутрипартийного референдума по поводу своего плана, а затем, проиграв, он полностью проигнорировал его итоги; голосовавшие «против» министры увольнялись, дабы любой ценой обеспечить внушительное большинство на голосованиях в правительстве, и т.д. Избрание Абу Мазена на пост главы ПНА 9 января 2005 года могло изменить параметры израильско-палестинских отношений, поскольку новый лидер открыто осуждал насилие и терроризм и поддерживал идею возобновления дипломатических переговоров с Израилем по поводу окончательного мирного соглашения по плану, разработанному хорошо знакомыми ему Й. Бейлином и Я. Абед-Рабо во время неофициальных переговоров в Женеве в ноябре 2003 года. Однако А. Шарон продолжал на всех парах бороться за реализацию своего плана, даже не пытаясь толком понять, что ситуация изменилась, и не факт, что в новых условиях израильским интересам служит реализация столь странного плана, в рамках которого Израиль — впервые в своей истории — разрушает цветущие еврейские поселения, даже и не надеясь ни на какое подобие мира. В итоге победителем, изгнавшим израильских оккупантов, во многом справедливо объявило себя исламистское движение ХАМАС, что нанесло значительный ущерб и израильским интересам, и статусу руководства ПНА в глазах палестинского социума, что и привело в январе 2006 года к победе списка ХАМАСа на вторых выборах в Законодательный совет ПНА[66].

С самого начала второй интифады каждая из сторон постоянно обвиняла другую. Израильское правительство зая-

вило, что палестинцы пытались силой заставить израильтян отдать им то, что они не сумели получить в результате переговоров в Кемп-Дэвиде. Палестинцы же утверждали обратное: Э. Барак и А. Шарон сговорились помешать мирному процессу, как только они осознали, что палестинцы не были готовы принять Кемп-Дэвидский ультиматум израильтян. В то время как палестинцы настаивали на том, что Израиль непреклонен в вопросе сохранения за собой оккупированных территорий, израильская сторона, в свою очередь, утверждала, что целью палестинцев было не отстаивание своего суверенитета на тех или иных спорных территориях, а уничтожение Государства Израиль. Принимая во внимание все вышесказанное, можно согласиться с мнением посла США в Израиле Дана Курцера: «С осени 2000 года «каждая из сторон извращала позиции другой стороны, и это искажение ухудшало уже и без того тяжелую ситуацию»[67]. Таким образом, за пять первых лет XXI века израильтяне и палестинцы общими усилиями превратили ситуацию из сложной в едва ли не катастрофическую.

Глава VII

МИР ВО ИМЯ БЕЗОПАСНОСТИ? РОЛЬ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ СООБРАЖЕНИЙ В ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМ ПЕРЕГОВОРНОМ ПРОЦЕССЕ

Важно понимать, что палестинцы и израильтяне шли на переговоры с совершенно разными устремлениями. Палестинцы претендуют на свое государство, суверенитет в как минимум отдельных районах Иерусалима, включая части Старого города, а также на право на возвращение. Израильтянам на это претендовать нужды нет, так как они уже имеют свое государство, столицей которого является объединенный Иерусалим, а Закон о возвращении (который распространяется исключительно на евреев и членов их семей) был принят кнессетом еще в 1950 году. При этом израильтяне не идут на переговоры из соображений «исправления исторической несправедливости» по отношению к палестинцам, потому что в целом в большинстве своем не считают себя ни в чем виновными перед ними. Израильтяне надеются, что переговоры позволят прекратить войны и террор, обеспечить их стране мир и безопасность.

Это кардинальное различие в изначальных установках, когда стороны садятся за стол переговоров, стремясь достичь каждая совершенно разных целей, было и остается одним из тех подводных камней, которые очень затрудняют

поиск взаимоприемлемого мирного соглашения. В то время как ООП видит в переговорах путь к созданию независимого палестинского государства, Израиль идет на них прежде всего в интересах обеспечения безопасности[68]. Обеспечение «мира и безопасности», «безопасного мира» было нереализованным обязательством, которое брали на себя все израильские премьер-министры перед каждой электоральной кампанией. При этом именно в ходе процесса Осло израильские руководители впервые сделали акцент на стратегической важности достижения мира для обеспечения обороны страны[69].

Эфраим Снэ, бывший министром здравоохранения в правительствах И. Рабина и Ш. Переса и заместителем министра обороны в правительствах Э. Барака и Э. Ольмерта, так выразил эту мысль: «Историческая важность договора Осло такова, что в его рамках израильтяне и палестинцы — И. Рабин и Ш. Перес с одной стороны, Я. Арафат с другой — решили перенести конфликт между сторонами с поля боя за стол переговоров. …В основе договоров Осло лежала не формула «территории в обмен на мир», но «суверенитет в обмен на безопасность». Читая текст норвежских соглашений, сразу понимаешь, что в нем говорится о простой сделке: палестинцы получат государство (приблизительно в границах, существовавших до Шестидневной войны 1967 года), и за это они сами будут эффективно бороться с террором. …Только благодаря своему обещанию бороться с организациями радикальной оппозиции Арафат получил наше согласие на создание полицейских подразделений в размере десятков тысяч вооруженных людей»[70].

Задумаемся над сказанным. Учитывая, что акты антиизраильского террора осуществляли сами палестинцы, выходит, что, с точки зрения израильского правительства, успеш-

ное продвижение переговоров зависело от того, насколько эффективно силовые структуры ПНА борются с теми представителями своего народа, которые занимаются тем же самым, чем сами руководители этих структур занимались все предшествующие десятилетия, а именно — вооруженной борьбой против Израиля. Выходит, что Арафат получил согласие на создание силовых подразделений с целью ведения гражданской войны среди своего же народа! Можно ли было на самом деле надеяться на то, что Я. Арафат и его ближайшие приближенные не только в одночасье прекратят заниматься тем, чем они занимались большую часть жизни, но еще и будут применять силу против тех, кто «продолжает их дело», становясь, таким образом, гарантами обеспечения израильской безопасности от своих соплеменников и, в общем-то, единомышленников?!

На протяжении нескольких десятилетий израильская оборонная доктрина исходила из того, что главной угрозой безопасности страны является прорыв линии границы одной из соседних стран с использованием сухопутных сил и военной авиации. Однако справедливость требует отметить, что последний раз подобной атаке Израиль подвергся более трех с половиной десятилетий назад, в октябре 1973 года. Уже в 1970-е годы Израиль, с одной стороны, столкнулся с тяжелейшими терактами, самым известным из которых стал захват школы в городе Маалот на севере страны в 1974 году, а с другой — встал перед необходимостью принять решение о том, что делать, когда в какой-либо из арабских стран развивается программа создания атомного потенциала. В настоящее время существуют две главные угрозы безопасности Израиля: разработка и использование неконвенционального оружия его врагами, с одной стороны, и терроризм — с другой. Первая угроза никоим образом

не связана с собственно палестинской проблемой: развитие ядерного потенциала — сложнейший проект, требующий значительных средств и высочайшего профессионального уровня задействованных специалистов, с одной стороны, и возможности полностью контролировать территории, на которых находятся почти всегда засекреченные объекты атомной промышленности, — с другой, поэтому существование палестинской военной атомной программы выглядит невозможным в принципе. Израиль бомбил строившиеся ядерные реакторы на территории Ирака (в 1981 году) и Сирии (в 2007 году), на протяжении ряда лет взвешивая возможность проведения аналогичной операции против Ирана, но все эти угрозы не имеют ни прямого, ни косвенного отношения к конфликту или переговорному процессу с палестинцами. Что же касается второй угрозы безопасности Израиля — террористической, то здесь как раз именно палестинцы являются центральным фактором.

Первым израильским политиком, определившим терроризм как стратегическую угрозу, был премьер-министр И. Рабин. Он сделал это на заседании кабинета после террористического акта на перекрестке Бейт-Лид в январе 1995 года, когда было убито более двадцати израильских солдат[71]. Необходимо добавить, что еще в середине 1980-х годов Б. Нетаньяху, едва ли догадывавшийся о том, что ему будет суждено дважды стать премьер-министром Израиля, определил терроризм как стратегическую угрозу не только для Израиля, но и для всего свободного мира[72].

Начиная с первых дней своего существования Израиль пытался создать себе имидж государства, которое не может и не готово подвергать риску свою безопасность и будет прибегать к оружию во всех случаях, когда такой риск существует[73]. Однако репутация страны, отвечающей

ударом на любой удар, являющаяся необходимым условием стратегического сдерживания, пошатнулась из-за ограничений, наложенных на себя Израилем сначала во время войны в Персидском заливе[74], затем в годы процесса Осло и в последующий период. Война против «Хезболлы», известная как Вторая ливанская (2006), равно как и масштабная военная операция против ХАМАСа в секторе Газа (2008–2009) имели своей целью прежде всего именно восстановление баланса сдерживания против квазигосударственных организаций, использующих в том числе и террористические методы борьбы на северной и южной границах Израиля.

После начала первой интифады в Израиле все большее распространение получила концепция, согласно которой террор является следствием протеста палестинцев против продолжающейся оккупации территорий, и поэтому эта проблема в принципе не имеет силового решения, а только политическое. Израиль пошел на контакты с руководителями ООП потому, что надеялся путем переговоров добиться большей безопасности для граждан страны, страдавших от поддерживаемой ООП террористической деятельности.

Чтобы проиллюстрировать кардинальные перемены, вызванные изменением восприятия характера видения стоящих перед Израилем угроз, имеет смысл сравнить слова и идеи нынешнего президента Израиля Шимона Переса в бытность его министром обороны в первом правительстве И. Рабина в 1974–1977 годах и министром иностранных дел во втором правительстве И. Рабина в 1992–1995 годах, когда он был «локомотивом» процесса Осло и возлагал на него наибольшие надежды[75].

Главной угрозой безопасности Израиля в 1975 году Ш. Перес считал резкую диспропорцию сил между ним и

соседними странами с точки зрения совокупного военного потенциала, полезных ископаемых и численности населения. В 1993 году Ш. Перес полагал, что безопасности страны угрожало главным образом неконвенциональное оружие, которое было или могло быть разработано или приобретено ее врагами. Кроме того, в середине 1970-х годов Ш. Перес полагал, что терроризм, поддерживаемый и направляемый в основном спецслужбами Советского Союза, представляет собой одну из наиболее существенных опасностей. «Радикалы, включая различные террористические организации, поддерживаемые СССР и временами получающие помощь из Китая, стремятся уничтожить Израиль и пользуются поддержкой Сирии, Ирака, Южного Йемена, Ливии и, частично, Алжира», — отмечал Ш. Перес. В 1993 году он утверждал, что Израилю угрожает внутренний терроризм, опирающийся на экстремистскую идеологию, и что эта угроза носит стратегический характер. Он упоминал и опасность ракетных обстрелов израильской территории из Ирака (как это было в 1991 году), Ливана и других стран.

Сравнение высказываний Шимона Переса об оборонной политике демонстрирует, что если в середине 1970-х годов он придавал основное значение самодостаточности Израиля и его вооруженных сил, их способности самостоятельно отбить любую атаку, то в первой половине 1990-х он считал главным систему договоров по обеспечению региональной безопасности. В 1975 году он говорил: «Наша армия должна быть самодостаточна, Израиль не может надеяться на внешние гарантии или иностранные войска. Мы должны обеспечить существование единственного еврейского государства в мире в качестве демократии, способной защитить себя в основном своими собственными силами». Восемнадцать лет спустя Ш. Перес произносил совершенно иные слова по

букве и духу слова: «Национальные политические организации больше не могут служить цели, для которой они были созданы, т.е. удовлетворять основную потребность нации — потребность в безопасности». «В национальной обороне нет иных гарантий от ошибок, кроме широких региональных соглашений. Национальная безопасность основана на достигнутой таким образом региональной безопасности. В конце концов нам понадобится глобальная система обороны, — говорил Ш. Перес. — Мир — путь к безопасности. Ракетные атаки делают стратегическую глубину 30–50 км нерелевантной». Эта смена концепции представляет собой резкое отклонение от той доктрины безопасности, которой Израиль придерживался прежде.

Ш. Перес выражал мнение, что будущая структура безопасности ближневосточного региона должна основываться на двух типах взаимных обязательств: на межгосударственных обязательствах, включая двусторонние и многосторонние, и на обязательствах каждого государства перед всеми государствами региона в целом. В то время как прямые межгосударственные соглашения будут выполнять роль фактора, сдерживающего агрессию, обязательства перед региональной системой безопасности в целом будут способствовать укреплению мира, т.к. только в рамках региональной структуры могут быть созданы возможности для разоружения и согласования гарантий по нераспространению ядерного оружия. Ш. Перес утверждал, что как в экономических вопросах, так и в вопросах безопасности образцом для Ближнего Востока должно быть Европейское Сообщество (например, НАТО и ОБСЕ). Он говорил также о необходимости учреждения независимого органа контроля, функцией которого должно быть «раннее предостережение» против неожиданных нападений, и добавлял, что рутинное

наблюдение с регулярными отчетами сверхдержавам могло бы повысить надежность такого предостережения.

Вместе с тем Ш. Перес не забывал о преимуществах мира и, несомненно, предпочитал стремление к миру подготовке к войне. Это видно из слов Ш. Переса, сказанных им в 1975 году, о том, что Ближний Восток стоит у «скрещения дорог», и Израиль должен решить, «насколько далеко он может позволить себе продвинуться по пути к миру и насколько интенсивно он должен готовиться к войне». Другими словами, Ш. Перес, безусловно, хотел мира, но не считал его необходимым стратегическим компонентом. Однако в 1993 году он уже рассматривал мир как стратегически необходимое условие национальной безопасности. Чем дальше, тем больше Ш. Перес считал, что главная угроза Израилю и всему свободному миру исходит от Ирана — страны, являющейся частью мусульманского, но не являющейся частью арабского мира. При этом он полагал, что для того чтобы нейтрализовать эту угрозу, необходимо достичь полного мира в ближневосточном регионе раньше, чем у Ирана появится атомная бомба.

Премьер-министр И. Рабин также полагал, что перемены в мире и в регионе дают кратковременную возможность разрешить основные противоречия между Израилем и его арабскими соседями. Он чувствовал, что необходимо заключить мир как можно скорее, и, как и Ш. Перес, полагал, что это должно произойти прежде, чем арабские страны обретут ядерный потенциал: «…В последнее время некоторые страны нашего региона все более активно стремятся к разработке и производству ядерного оружия. Израиль негативно оценивает возможность появления ядерного оружия на Ближнем Востоке в ближайшие годы. Эта ситуация требует от нас осознания неотложной необходимости завершения

арабо-израильского конфликта и достижения мира с нашими арабскими соседями»[76]. Кроме того, И. Рабин указывал на чрезвычайную опасность, которую представляет собой исламский фундаментализм как генератор регионального террора. Задолго до 11 сентября 2001 года он сказал: «Израиль был первым государством, осознавшим ядерную угрозу со стороны Ирака, и теперь мы стоим первыми на линии огня со стороны исламского фундаментализма»[77]. По мнению И. Рабина, было необходимо заключить мир с ООП до того, как угроза со стороны ХАМАСа и «Исламского джихада» станет чрезвычайной. Из этих высказываний видно, что И. Рабин и Ш. Перес в одинаковой мере признавали стратегическую необходимость мира.

Обобщив эти точки зрения, можно сказать, что если в 1975 году Ш. Перес и И. Рабин считали, что Израиль нуждался в безопасности, чтобы достичь мира, то в 1993 году руководимый ими Израиль стремился к миру, чтобы обрести безопасность. Это отражает резкую смену концепции отношения к землям, когда признается, что практически никакая часть какой-либо территории не дает Израилю таких преимуществ, чтобы стоило удерживать ее ценой, не позволяющей добиться заключения мирного соглашения. Знаменитое высказывание Моше Даяна «Лучше Шарм аш-Шейх без мирного договора, чем мирный договор без Шарм-аш-Шейха» было де-факто дезавуировано не только на конкретном (это случилось при подписании соглашения с Египтом в 1979 году, в подготовке которого М. Даян участвовал в качестве министра иностранных дел), но и на обобщенном уровне. В соответствии с этим убеждением официальное мирное соглашение, подкрепленное международными гарантиями, демилитаризацией и специальными механизмами наблюдения, обеспечит безопасность

с большей вероятностью, чем, например, аннексия контролируемых территорий или их части.

Надежды, связывавшиеся с процессом Осло, к сожалению, по большей части не сбылись: терроризм не только не был искоренен, он даже не уменьшился. Мрачное свидетельство тому — число погибших: в течение двух с половиной лет после подписания Декларации о принципах в террористических актах было убито больше израильтян (213 человек), чем в предшествующие десять лет (с января 1983 по сентябрь 1993 года погибли 203 человека). За восемь лет, прошедших с момент подписания Декларации о принципах палестино-израильского урегулирования, численность погибших в терактах граждан Израиля превысила пятьсот человек, причем в период правления И. Рабина и Ш. Переса она превышала шестьдесят человек ежегодно, затем снизилась почти до нуля, когда главой правительства был Б. Нетаньяху, после чего взлетела до почти двухсот человек в первый год второй интифады (с сентября 2000 по сентябрь 2001 года). При этом за восемь лет после подписания Соглашения Осло–1 на суверенной территории Израиля (в пределах «зеленой черты») погибли 216 гражданских лиц, в то время как за восемь предшествующих лет (с января 1985 по сентябрь 1993 года) — только 59. Таким образом, процесс Осло, начатый с целью повысить безопасность граждан Израиля и снизить, как хотелось надеяться, до нуля число жертв террористических актов, на деле привел к резкому ухудшению ситуации и значительному увеличению числа погибших.

Политики, считавшие правильным продолжать переговорный процесс с ООП, оказавшись в столь неожиданной для них ситуации, выработали крайне оторванную от реального положения вещей доктрину, заключавшуюся в том, что

рост терактов является следствием отчаянной активизации попыток всевозможных «экстремистов» сорвать «мирный процесс». Это было необычайно удобно лидерам ПНА, так как оказывалось, что убийцы израильтян постфактум объявлялись не «врагами Израиля», а «врагами мирного процесса», вследствие чего руководство ПНА становилось как будто «жертвой» терактов в той же мере, что и Израиль, и не несло, таким образом, никакой ответственности за них. Это как будто давало легитимацию продолжать переговорный процесс, проводя новые и новые «передислокации» войск (слово «отступление» не использовалось), невзирая на рост террора, однако создавало у значительного числа израильтян ощущение своего вынужденного присутствия в сюрреалистической утопии.

Перспектива сосуществования с палестинским государством вызывала (и вызывает) ряд чрезвычайно серьезных вопросов. Каким оно будет? Каков будет характер террористических угроз Израилю с его стороны? Будет ли оно поддерживать террор или, напротив, будет заинтересовано в его предотвращении и даже, может, будет способно этого добиться? С точки зрения многих израильтян, интифада Аль-Акса, начатая палестинским руководством в сентябре 2000 года, стала грозным предостережением против создания такого государства.

Палестинское государство, заинтересованное в мире, могло бы сдерживать атаки на Израиль изнутри и поэтому не угрожало бы Израилю непосредственно. Однако государство с авантюрной политикой, подобное Ливии, Ирану или Ираку, поддерживающее антиизраильские акции или неспособное контролировать действия вооруженных формирований на своей территории (как это происходит в Ливане), будет представлять собой серьезнейшую опасность[78].

Критики справа считали, что создание палестинского государства на Западном берегу и в Газе угрожает безопасности Израиля на разных уровнях:

Военная опасность со стороны палестинского государства. Контроль над Западным берегом и Газой имеет для Израиля важное оборонное значение, — утверждали они, — так как является сдерживающим стратегическим фактором в отношении враждебных арабских стран. Гористая топография и малое количество дорог представляют собой естественное препятствие — местность, где в случае нападения извне Израиль сможет защититься от наступающих с востока вражеских танков. Территория Западного берега, составляющая 6500 кв. км и в основном гористая, может быть использована врагом как военный трамплин, что сделает Израиль весьма уязвимым. Если арабы, собрав коалицию, нападут на Израиль с востока, то в конвенциональной войне преимущество будет на их стороне[79]. До 1967 года ширина территории Израиля на прибрежной равнине в месте сужения составляла от 14 до 20 км. На этой узкой прибрежной полосе, которая тянется от Хайфы до Ашдода, проживают более ⅔ населения страны и находятся 80% ее промышленного потенциала. В Газе нет гор, и ее территория составляет лишь 360 кв. км. Однако она расположена близко к нескольким достаточно крупным израильским городам (первые два из которых являются портовыми): Ашдоду, Ашкелону и Беэр-Шеве. В январе 2009 года все эти города обстреливались палестинскими ракетами, а по Ашкелону и тем более по находящемуся на расстоянии нескольких километров от Газы Сдероту начиная с 2005 года (с момента вывода из сектора Газа израильских войск и поселенцев) были выпущены сотни ракет. Понятно, что скептики увидели в этом

горькую реализацию всех их многократно высказывавшихся опасений[80].

Раннее предупреждение агрессии. Ущерб, нанесенный израильской доктрине сдерживания, усилил важность раннего оповещения о надвигающейся опасности. Однако с тех пор как израильская армия покинула районы, переданные ПНА, возможность использовать источники, ранее находившиеся в распоряжении израильской разведки, становилась все более ограниченной. В целом способность Израиля заранее получать информацию о терактах уменьшилась.

Потенциальная стратегическая угроза, связанная с последствиями реализации «права на возвращение». Суть права на возвращение заключается в том, что 3,25 миллионам арабских беженцев (по данным на 1995 год, на конец 2008 года ООН насчитала их уже 4,67 миллиона[81]), покинувших подмандатную Палестину во время войны 1948 года, и/или их потомкам будет разрешено вернуться в места их прежнего проживания. Таким образом, они все окажутся в части территории Израиля, соответствующей границам 1949–1967 годов.

Согласно Декларации о принципах и Каирскому соглашению, этот вопрос, как и все остальные, Израиль и палестинское руководство договорились решить к маю 1999 года. Однако израильские правые, принципиально отказавшиеся контактировать с ООП, были убеждены, что эта проблема окажется непреодолимым препятствием на пути к окончательному урегулированию. Если право на возвращение будет реализовано в соответствии с требованиями палестинцев, кардинально изменится социально-демографический состав государства, в котором еврейское население переста-

нет быть большинством. Другими словами, в этой проблеме принципиально заключается угроза самому факту существования еврейского государства в Палестине/Эрец-Исраэль. Многие в Израиле обращали внимание на тот факт, что возвращение арабских беженцев в Израиль противоречило бы духу резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №181 от 29 ноября 1947 года, призывавшей к созданию в Палестине/Эрец-Исраэль двух государств, арабского и еврейского. Как известно, эта резолюция была принята тогдашним руководством еврейской общины страны, но по разным причинам отвергнута палестинскими лидерами того времени и руководителями соседних арабских государств, которые непосредственно в день ухода британских мандатных властей начали войну против провозгласившего свою независимость Государства Израиль. В Израиле убеждены, что та война была навязанной извне, и если бы ее не удалось выиграть, то неминуемо стали бы беженцами не арабы, а палестинские евреи. Позицию большинства израильтян можно суммировать одной фразой: «Мы не будем просить прощения за то, что выиграли начатую против нас войну, и не будем рассматривать никаких связанных с той победой претензий».

Призывая к возвращению палестинских беженцев на территорию Израиля, соответствующую границам, существовавшим до 1967 года, Я. Арафат, несомненно, надеялся на создание на Западном берегу и в Газе независимого палестинского государства, а также на то, что Израиль, абсорбировав вернувшихся беженцев, через десятилетие-другое станет двунациональным государством, уже не имеющим еврейского большинства. Если страна сохранит свой демократический характер, то общество, которое сформируется к тому времени, сделает невозможным существование Израиля как еврейского национального дома.

Израильские арабы и палестинское государство. Арабы составляют примерно пятую часть граждан Израиля. При столь значительном по численности меньшинстве любые процессы, в которых палестинские арабы являются равноправными участниками, их соплеменники по израильскую сторону «зеленой черты», отличающиеся от жителей территорий исключительно свой политической судьбой (а именно, находились ли они в июле и в октябре 1948 года с той стороны линии фронта, где стояли войска ЦАХАЛа, или с той стороны, где стояли силы Арабского легиона или египетской армии), но никак не с точки зрения языка, культуры и религиозных убеждений, будут воспринимать как модель для подражания. С началом процесса Осло, в особенности после начала второй интифады, среди израильских арабов развились сепаратистские тенденции, усилилось ощущение ими общности судьбы с палестинцами[82]. В связи с этим существуют обоснованные опасения, что создание палестинского государства вызовет ухудшение отношений между арабами и евреями внутри Израиля, как это было в 1947–1948 годах. Это может кончиться гражданской войной, в результате чего могут возникнуть де-факто самоуправляющиеся арабские анклавы в районах Галилеи и Негева (где арабы составляют примерно половину населения и даже больше), а может случиться, что после вооруженных столкновений внутри страны арабские государства нападут на Израиль, выступая в защиту местных арабов. Второй сценарий весьма похож на то, что имело место быть в 1948 году и обернулось массовым исходом примерно 80% местного палестинского арабского населения. Может ли кто-то гарантировать, что начало новой арабо-еврейской гражданской войны в Палестине/Государстве Израиль не приведет к подобным же катастрофическим последствиям?

Палестинское государство и исламский фундаментализм. На Западном берегу и в Газе происходит подъем исламского фундаментализма, причем победную поступь ХАМАСа не смогли остановить никакие силовые операции израильской армии и спецслужб, включая уничтожение весной 2004 года основателей и лидеров организации шейха Ахмеда Ясина и д-ра Абд-эль-Азиза аль-Рантиси. Еще в дни «эйфории Осло» высказывались опасения, что молодое палестинское государство, практически лишенное необходимых ему финансово-экономических ресурсов, едва ли сможет отклонить предложения помощи, исходящие от экстремистских арабо-мусульманских режимов или групп, в обмен на политическую, религиозную и военную активность, поддерживающую их фундаменталистские интересы. Тем более эти опасения усилились в последние годы, когда исламистский ХАМАС выиграл выборы в Законодательный совет ПНА и на Западном берегу, и в секторе Газы. Подобная активность на палестинской арене со стороны, например, Ирана может еще более дестабилизировать весь и без того напряженный ближневосточный регион.

Глава VIII

ПРОБЛЕМЫ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Каковы бы ни были позиции и взгляды государственных деятелей, они не могут вести общество туда, куда общество не хочет идти. Убийство премьер-министра Израиля Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года обнажило масштаб проблемы: большинство еврейского населения страны отвергало политику кабинета И. Рабина–Ш. Переса, и в этой обстановке едва ли удивительно, что нашелся тот, кто «взял закон в свои руки». Любое продвижение переговорного процесса с арабскими странами и/или палестинцами, сопровождающееся серьезными уступками со стороны Израиля, должно поддерживаться обществом: в отсутствие такой поддержки распад правительственной коалиции практически неминуем, а в системе парламентской демократии подобное развитие событий не позволит реализовать никакие планы, какими бы перспективными они ни казались участникам переговоров или посредникам. Поэтому изучение общественных настроений имеет решающее значение для понимания возможных перспектив любого плана урегулирования.

ГЛАВА VIII

Положение в сфере безопасности и готовность к отражению внешних угроз

Важный компонент общественного мнения — общее национальное настроение и превалирующий оптимистический или пессимистический настрой касательно будущего. Общее настроение и его перспективы на будущее отражают коллективное восприятие ситуации, сложившейся в сфере национальной безопасности, и являются хорошими индикаторами общественного поведения в будущем.

Согласно данным опросов, проведенных под руководством бывшего депутата кнессета, заместителя министра иностранных дел Иехуды Бен-Меира в 2004–2007 годах, израильтян отличает весьма пессимистичная оценка общего положения, в котором находится Государство Израиль: в разные годы в разных выборках лишь от 10 до 25% опрошенных оценили его как «хорошее» или «очень хорошее», против 37–61% опрошенных, оценивших его как «проблематичное» или «плохое»[83].

При этом оценка уровня личной безопасности человека — в настоящем, прошлом и будущем — значительно выше его оценки положения государства в вопросе безопасности в целом. Этот феномен повторяется из года в год и появляется в различных исследованиях, показывая, что люди склонны оценивать свое личное положение лучше положения страны в целом.

Для того чтобы оценить ощущения угрозы израильтян, респондентам был предложен список из восьми событий или ситуаций, и они должны были ответить на вопрос «может или нет Государство Израиль успешно справиться с каждым/каждой из них». Приводимая ниже таблица суммирует результаты ответов респондентов на этот вопрос за четырехлетний период.

Способность Израиля успешно справиться с угрозами в сфере безопасности (процент ответивших положительно)[84]

		2004	2005	2006	2007
1.	Полномасштабная война с арабскими странами	67	72	76	64
2.	Война, начатая Сирией против Израиля	96	96	96	90
3.	Возможное нападение на Израиль с применением биологического или химического оружия	70	78	79	74
4.	Возможное нападение на Израиль с применением ядерного оружия	52	65	66	55
5.	Продолжительная и существенная террористическая деятельность	84	87	88	86
6.	Восстание израильских арабов	52	88	89	90
7.	Внутренний раскол в обществе во взглядах относительно будущего территорий и мира	85	86	91	89
8.	Угроза атак Израиля ракетами класса «земля–земля»	86	92	93	90

Два интересных вывода следуют из данных, представленных в таблице. Во-первых, израильтяне, несмотря на пессимизм относительно состоянии, в котором пребывает страна в целом, обладают достаточно высоким чувством личной безопасности. Большинство еврейского населения уверено, что Израиль может удачно справиться с любой из стоящих перед страной угроз. За исключением двух угроз в 2004 году (ядерная атака и восстание израильских арабов) и двух угроз в 2007 году (ядерная атака и полномасштабная война с арабскими странами), больше 2/3 еврейского населения — во многих случаях, даже больше 80% — уверены, что Израиль способен успешно справиться со всеми вызовами в сфере безопасности.

Во-вторых, представляется поразительной стабильность ответов респондентов за четырехлетний период. Расстановка восьми угроз по степени их опасности практически одинакова в 2005, 2006 и 2007 году и довольно похожа в 2004-м. В целом самая серьезная угроза, которая выделяется на фоне других, — угроза ядерной атаки. Совершенно очевидно, что постоянно муссирующаяся в израильской прессе тема иранской ядерной программы, с одной стороны, и подготовленная и осуществленная в обстановке тотальной секретности бомбардировка сирийских ядерных объектов израильскими военно-воздушными силами в 2007 году, с другой, способствуют тому, что именно эта угроза воспринимается как наиболее судьбоносная.

Число израильтян, ставших жертвами террористических актов, снизилось с 451 в 2002 году до 210 в 2003, 117 — в 2004, 55 — в 2005 и 30 — в 2006 году, т.е. в пятнадцать раз за пять лет! При этом беспокойство и тревога по поводу личной безопасности и страх перед терроризмом остались на высоком уровне. С началом интифады в конце 2000 года 80% респондентов выражали обеспокоенность по поводу того, что они или члены их семей могут стать жертвами террористических атак, в 2002 году доля обеспокоенных этим достигла 92%! Позднее она уменьшилась до 83% в 2003 году, 78% — в 2004 и 2005 году, 72% — в 2006 и 69% — в 2007 году[85]. Это уменьшение отражает резкий спад в количестве террористических актов в Израиле в течение этих лет, однако в то время как число жертв терактов сократилось в пятнадцать раз, доля обеспокоенных этой проблемой сократилась только на треть. Тем не менее не может быть никаких сомнений, что терроризм и особенно большое количество террористов-смертников оставили след в израильском обществе. Число израильтян, по-

гибших в дорожно-транспортных происшествиях, в 2006 году было более чем в двенадцать раз больше числа убитых террористами, тем не менее трудно представить, что около трех четвертей израильского населения выражали бы обеспокоенность по поводу того, что они или члены их семей могут стать жертвами ДТП.

Территории в обмен на мир?

Палестино-израильский конфликт, включая возможные формулы его разрешения, был и остается центральным вопросом в Израиле все последние сорок лет. Однако анализ обсуждений этого вопроса должен принимать во внимание запутанность и противоречивость палитры мнений относительно палестино-израильской проблемы в целом. Как часто бывает в изучении общественного мнения, малейшее изменение в формулировке вопроса может привести к совершенно другим результатам. Формулирование по сути одинаковых вопросов в разных терминах может вылиться в совершенно другую картину и привести к другим выводам.

Вопрос о том, насколько израильское общество поддерживает принцип «территории в обмен на мир», в большой степени зависит от того, как сформулирован вопрос. Данные опросов, проводившихся ежегодно начиная с 1996 года, свидетельствовали, что до 2005 года этот принцип готовы были поддержать от 40 до 55% опрошенных. Однако после того как ХАМАС выиграл выборы в Законодательный совет ПНА спустя всего полгода после вывода израильских сил из сектора Газа и Северной Самарии, доля сторонников этой парадигмы стала стремительно снижаться: 37% — в 2006 году, 28% — в 2007 году[86]. Свой вклад внесла и Вторая ливан-

ская война, случившаяся шесть лет спустя после того, как израильские силы полностью оставили территорию Ливана[87]. Поддержка принципа «территории в обмен на мир» в ходе опросов, проведенных в 2007 году, была самой низкой за все время с начала процесса Осло, паритет был нарушен, число его противников оказалось больше числа сторонников. Это произошло из-за растущего убеждения многих израильтян в том, что уступки палестинцам в частности и арабам вообще не приводят к миру, а только к большему терроризму и враждебности.

Респондентам был задан и более конкретный вопрос: «Что вы предпочитаете: (а) соглашение, включающее значительные территориальные уступки, (б) «одностороннее размежевание» с меньшими территориальными уступками или же (в) ни один из этих вариантов?» Ответ на этот вопрос также свидетельствовал о сокращении числа тех, кто был готов поддержать территориальные уступки со стороны Израиля, будь то в рамках мирного соглашения или односторонних шагов. В то время как в 2004 и 2005 году примерно 60% респондентов были готовы поддержать территориальные уступки, в 2006 году респонденты разделились равномерно на тех, кто поддерживал уступки, и тех, кто был категорически против обоих вариантов, а в 2007 году более 60% опрошенных отказались от любых форм территориальных уступок[88].

Изменения в сознании становятся еще более очевидными, когда вопрос о территориальных уступках ставится в контексте действующих договоренностей и более детально определен. Респондентам был задан вопрос: «Следует ли Израилю в контексте соглашений о постоянном урегулировании быть готовому к возвращению тех или иных областей из указанного списка, или же нужно продолжать удерживать

их даже ценой того, что соглашения не будут заключены?» Внимательное изучение ответов респондентов за четырнадцатилетний период позволяет сделать множество наблюдений со значительной степенью уверенности.

В период с 1994 до 2000 года готовность согласиться на возвращение различных областей Западного берега росла из года в год, медленно, но верно. Были подъемы и спады, но тенденция была очевидной. Готовность эвакуировать еврейские поселения, созданные в районе Гуш-Эцион, возросла с 14 до 33%, поселения, созданные в Иорданской долине, — с 18 до 32%, готовность отказаться от Западной Самарии выросла с 30 до 51%, а от большинства районов Восточного Иерусалима — с 10 до 24%. Начало второй интифады в 2000 году изменило тенденцию, и с 2000 по 2007 год наблюдался спад поддержки идеи ухода из каждой из вышеперечисленных областей. Процент граждан, готовых отказаться от Гуш-Эциона, сократился, согласно опросам, с 33 до 24%, от Иорданской долины — с 32 до 24%, от Западной Самарии — с 51 до 29% [89].

Отдельный вопрос — Восточный Иерусалим. Так же как и для других территорий, поддержка возвращения Восточного Иерусалима, хотя и довольно ограниченная, более чем удвоилась с 1994 по 2000 год — с 10 до 24%. Однако когда в 2001 году вопрос был переформулирован и вместо словосочетания «Восточный Иерусалим» появилось словосочетание «арабские районы Иерусалима», была зафиксирована более чем вдвое большая готовность к уступкам — 51% опрошенных ответили «да». В ходе опросов, проводившихся на протяжении пяти последующих лет, до 2006 года, эти данные практически не менялись, а в 2007 году поддержка идеи ухода Израиля из арабских кварталов Иерусалима снизилась до 40% [90]. Данный пример демонстрирует, насколько форму-

лировка вопроса во многом предопределяет ответ на него. Идея об уходе из «арабских районов Иерусалима» акцентирует внимание на позитивных для Израиля демографических последствиях, принимая во внимание тот факт, что для многих израильтян важнейшим является не площадь города, находящаяся под контролем его муниципалитета, а гарантия сохранения в нем еврейского большинства. Соображения демографии оказываются центральными для израильтян в обсуждении проблем политической географии.

Можно ранжировать разные территории по эмоциональной привязанности к ним и связям, которые есть с ними у израильтян. Несмотря на то что точные проценты меняются из года в год, порядок приоритетов остается неизменным. На основе результатов опросов последних лет можно разделить разные территории на четыре группы по их символической значимости для израильтян:

А. Гуш-Эцион, Иорданская долина и Храмовая гора (не включая имеющую еще большую символическую значимость Стену Плача) — в среднем не более четверти израильтян выражают готовность отказаться от контроля над ними.

Б. Западная Самария — примерно треть еврейских граждан Израиля готовы передать этот район под палестинский контроль.

В. Арабские кварталы Иерусалима — от 40 до 50% еврейского населения были готовы отказаться от контроля над ними.

Г. Изолированные поселения на горном хребте Восточной Самарии — большинство, достигая двух третей в 2005 году, было согласно на их эвакуацию в контексте постоянных соглашений о прекращении конфликта.

Будущее поселений и их жителей

Концепция «территории в обмен на мир» на Западном берегу глубоко переплетена с вопросом поселений. Более четверти миллиона евреев живут в более чем сотне населенных пунктов в Иудее, Самарии и Иорданской долине. Когда говорится о возвращении определенных территорий, это сразу влечет за собой проблему будущего их еврейских жителей. Выработанное, но не реализованное Соглашение Бейлина–Абу Мазена 1995 года, кстати сказать, включало совершенно нереалистичные пожелания в этой связи, а никакого другого согласованного палестино-израильского документа, за которым бы стояли облеченные властными полномочиями государственные деятели с обеих сторон, так и не было выработано. Первая статья пятой главы Соглашения Бейлина–Абу Мазена гласила: «После создания независимого Государства Палестина и его признания Государством Израиль… на территории Государства Палестина более не будет жилых зон, предназначенных для заселения исключительно израильтянами. Отдельные израильтяне, оставшиеся на территории Государства Палестина, попадут под палестинский суверенитет и под действие палестинских законов. Израильтянам, имеющим на 5 мая 1999 года постоянное место жительства на территории Государства Палестина, будет предложено принять палестинское гражданство или остаться в качестве иностранных граждан, невзирая на их израильское гражданство»[91].

Идея о возможности постоянного пребывания евреев-израильтян под палестинским суверенитетом — чрезмерно оптимистичная, по крайней мере на нынешнем этапе. К 2003 году это стало очевидно и Йоси Бейлину, и в так называемом Женевском соглашении, в разработке которого он, уже не бу-

дучи членом правительства, играл самую активную роль, по поводу будущего еврейских поселенцев говорятся совершенно другие вещи: «Израиль отвечает за предоставление нового места жительства израильтянам, проживающим в настоящее время на территории создаваемого Государства Палестина. … Израиль оставит в целости недвижимое имущество, инфраструктуру и оборудование в израильских поселениях, которые перейдут под палестинский суверенитет. … Палестинское государство будет обладать исключительным правом владения землей, строениями, оборудованием, инфраструктурой или другим имуществом, которое останется в поселениях в срок, указанный в графике завершения процесса эвакуации поселений»[92]. Иными словами, уже в 2003 году договаривающие стороны пришли к пониманию того, что палестинские арабы могут быть гражданами Израиля (и таковых, как указывалось выше, почти полтора миллиона человек, если включать в это число также друзов и бедуинов), однако евреи никак не могут быть жителями и гражданами Государства Палестина. В 2005 году, когда правительство А. Шарона реализовало так называемую «программу размежевания», все до единого еврейские жители поселений в секторе Газа и Северной Самарии были эвакуированы в Израиль.

Готово ли израильское общественное мнение согласиться на дальнейшую ликвидацию поселений? И здесь ответ в значительной степени зависит от того, как именно сформулирован вопрос. С точки зрения концепции «территории в обмен на мир», общественное мнение в Израиле далеко не приветствует ликвидацию поселений. Тем не менее, с реальной точки зрения, имеет место существенная поддержка эвакуации многих поселений при определенных условиях — в основном маленьких и изолированных, но не больших поселенческих блоков.

Данные опросов, проведенных в 2004 и 2005 годах, свидетельствовали о том, что идейные «правые», принципиально противящиеся ликвидации любых поселений, составляют чуть более четверти еврейского населения страны (27–28%), в то время как доля радикальных «левых», выступающих за эвакуацию всех поселений, не превышает одной пятой населения (16–20%), позиции же большинства достаточно гибки и зависят от многих сопутствующих обстоятельств. Однако в 2006–2007 годах, после болезненного вывода сил и поселений из Газы, победы ХАМАСа на палестинских выборах и Второй ливанской войны, доля идейных «правых», не готовых ни на какие уступки в этом направлении, увеличилась до 40% [93].

Есть ли партнер для продуктивных переговоров?

С момента заключения соглашений Осло в израильском обществе продолжаются ожесточенные дебаты по поводу того, есть ли на палестинской стороне реальный партнер, с которым может быть достигнуто постоянное мирное соглашение, закрепляющее конец конфликта. Ответ на этот вопрос связан с пониманием намерений и стремлений палестинцев и арабов вообще.

Полученные данные отчетливо демонстрируют, что на протяжении всего последнего десятилетия, и особенно после начала второй интифады, большинство израильтян не верили в возможность достижения мирного договора с палестинцами. В 2006 и 2007 годах две трети и более опрошенных евреев-израильтян считали достижение такого соглашения невозможным. На протяжении последнего десятилетия, после краха переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе, в

израильском обществе сложился широкий консенсус о том, что достижение мирного соглашения с ПНА невозможно в принципе.

Ответы израильтян на вопрос о том, возможно ли достижение мирного соглашения с палестинцами[94]

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Да	44%	32%	46%	35%	39%	34%	31%
Нет	56%	68%	54%	65%	60%	66%	69%

Исследователи постарались понять, как израильтяне видят подлинные намерения палестинской стороны. С этой целью опрошенным регулярно задавались два вопроса: «Каковы, по вашему мнению, в конечном счете устремления арабов?» и «Если будет достигнут мирный договор с палестинцами и с основными арабскими государствами, по вашему мнению, положит ли это конец арабо-израильскому конфликту или нет?»

Хотя данные ответов респондентов в разные годы немного варьируются, общая картина вполне ясна: понимание израильтянами целей арабской стороны таково, что палестинцы не стремятся ни к какому мирному урегулированию.

Большинство израильтян не рассматривает как основную цель арабов возвращение территорий, завоеванных Израилем в 1967 году. Число считающих так варьировалось от 26% в 2004 году до 44% в 2005 (что, возможно, связано с некоторым оптимизмом, вызванным уходом Я. Арафата из жизни и политики в ноябре 2004), в 2006 году так считали 36% опрошенных, а в 2007 — 28%. Большинство же израильтян полагает, что арабы стремятся уничтожить Государство Израиль, и больше трети (а в 2007 — 42%) уверены, что это повлечет убийство большой части еврейского населения.

Серьезное недоверие к арабам и к их намерениям подтверждается данными второго вопроса. Начиная с соглашений Осло большинство верило, что мирный процесс когда-нибудь приведет к окончанию конфликта: подобный оптимизм был свойственен 65% опрошенных в 1997 году и 67% — в 1999 году. Однако после начала второй интифады настроения в большой степени изменились. С 2001 года число евреев, полагающих, что мирные договоры действительно приведут к окончанию конфликта, упало до трети — 30% — в 2001 году, 25% — в 2002, 35% — в 2003, 26% — в 2004, 38% — в 2005, 31% — в 2006 и 25% — в 2007. Поэтому неудивительно, что, отвечая на вопрос «На чем должен сделать акцент Израиль, чтобы предотвратить войну с арабскими странами, — сфокусироваться на продолжении переговоров о мире или наращивать военную мощь?» — только 40% респондентов в 2007 году поддержали акцент на переговорах, тогда как 60% сочли более важным наращивание Израилем военной мощи[95].

С точки зрения большинства израильтян, у переговорного процесса с ПНА нет будущего.

Глава IX

ОТ КОНФЛИКТА — К ВОЙНЕ

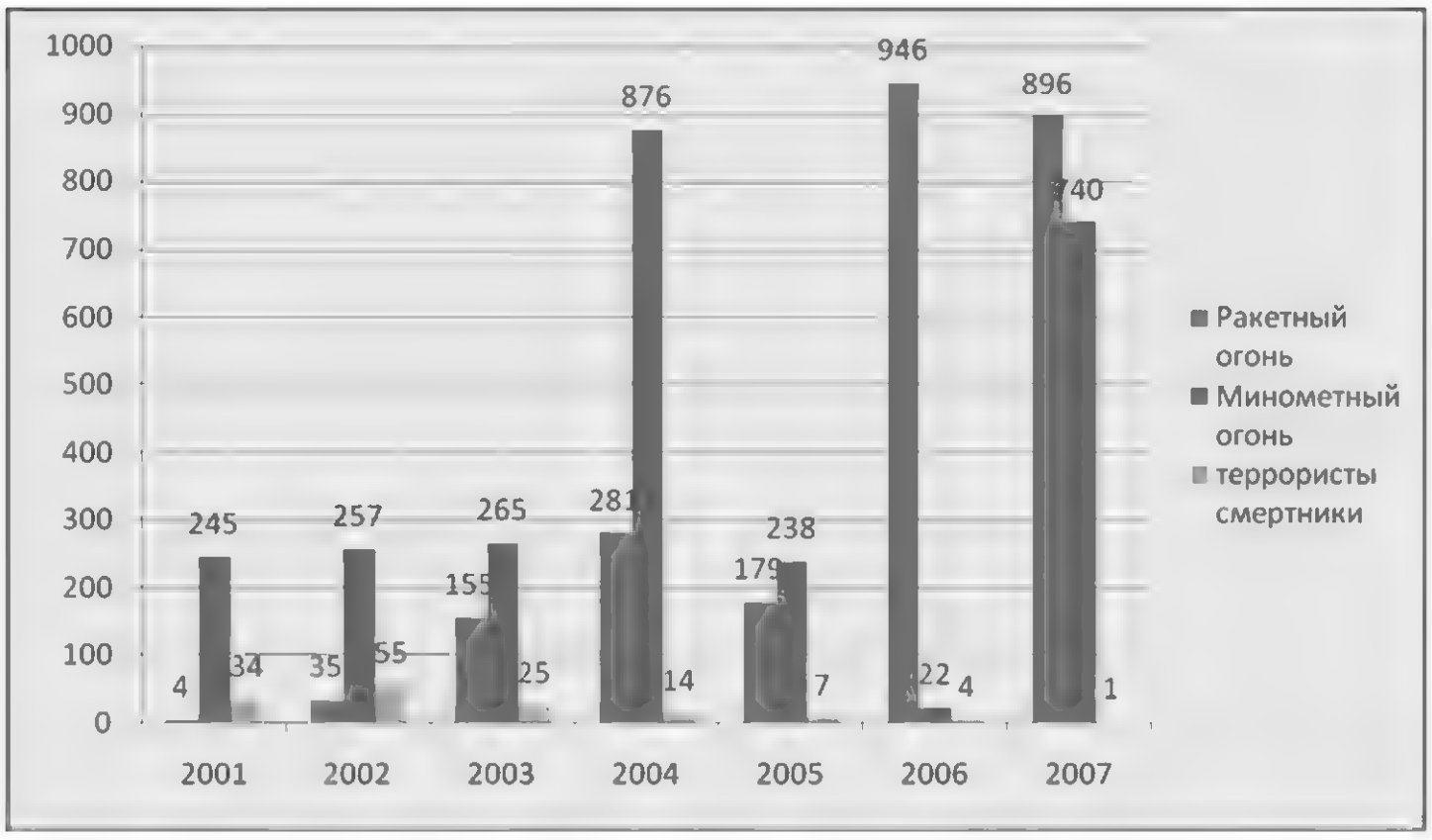
После того как исламистская организация ХАМАС, до сих пор так и не признавшая право Израиля на существование ни в каких границах, победила в январе 2006 года на выборах в Законодательный совет ПНА, сформировав правительство во главе с Исмаилом Ханией, всерьез разговаривать о мире стало практически невозможно. В отличие от Иудеи и Самарии, где успешная деятельность израильских войск и спецслужб способствует значительному уменьшению числа террористических актов, в секторе Газа более нет постоянного присутствия израильской армии, что дает возможность боевикам ХАМАСа практически беспрепятственно обстреливать южные районы Израиля. Качество ракет и минометных снарядов, имеющихся в распоряжении боевиков, улучшается с каждым годом. Со второй половины 2006 года Израиль усилил антитеррористическую деятельность в секторе Газа, ведя ее с помощью как сухопутных войск, так и военно-воздушных сил. В результате этих действий были убиты многие десятки боевиков, атакованы склады с оружием и военные базы ХАМАСа, взорваны многочисленные подземные туннели, через

которые террористам поступало оружие[96]. Интенсивность подобных действий усилилась после похищения капрала Гилада Шалита, судьба которого до сих пор остается под вопросом. Израиль провел в 2006 году и две масштабные антитеррористические операции в секторе Газа.

Поводом к операции «Летние дожди», которая началась в ночь с 27 на 28 июня 2006 года, послужил захват раненого капрала Гилада Шалита из подбитого танка, стоявшего на территории дорожного блокпоста. В ходе операции израильская авиация атаковала три моста в секторе Газа, для того чтобы блокировать возможные перемещения боевиков с заложником, электростанцию и водопровод, после чего пехота и танки пересекли границу с ПНА и вошли в город Рафиах, где, по оперативным данным, должен был находиться Гилад Шалит. За время операции было арестовано примерно 80 активистов ХАМАСа, в том числе восемь членов правительства ПНА. Тем не менее Гилад Шалит найден не был, а в течение июля 2006 года по территории Израиля было выпущено около 200 ракет.

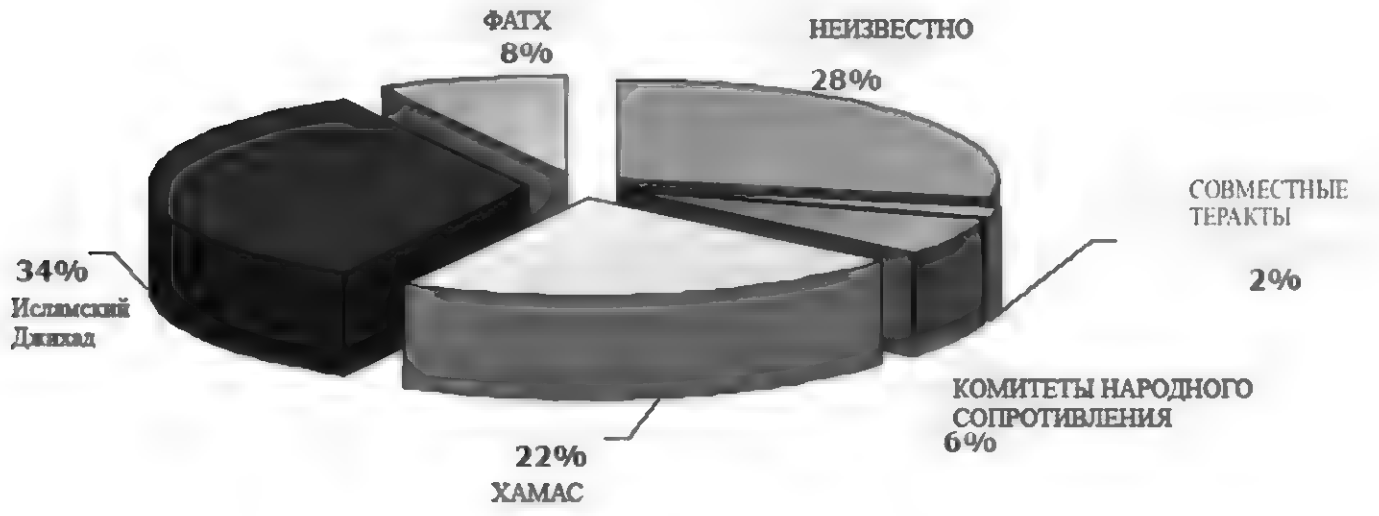
Вторая масштабная операция под кодовым названием «Осенние облака» началась 31 октября 2006 года. Основной задачей было добиться уменьшения ракетных обстрелов из сектора Газа путем захвата города Бейт-Ханун, который является одним из центров террористической деятельности. Бейт-Ханун был окружен, и в течение нескольких дней израильская армия занималась поиском террористов, оружия и т.д. Тем не менее террористическая активность не уменьшилась; с 1 по 6 ноября на израильской территории взорвалось 55 ракет «кассам». Всего же за 2006 год по территории Израиля было выпущено 946 ракет — в четыре раза больше, чем за год до этого. Ситуация не стала спокойнее и в 2007 году.

Эскалация террора из сектора Газа в 2006–2007 годах[97]



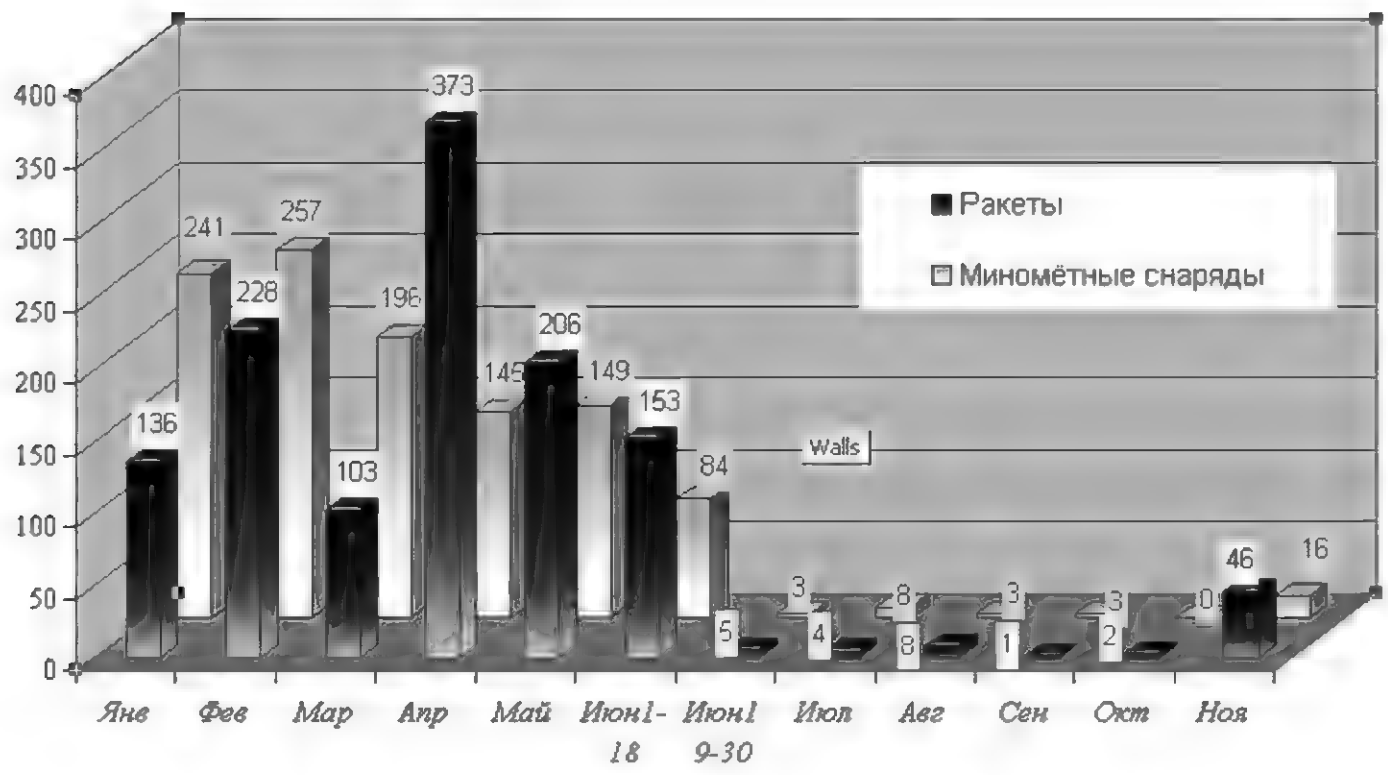
Помимо военизированного крыла ХАМАСа — бригад «Из-адд-Дина аль-Кассама», в которых состоят до 10 тысяч человек, в секторе Газа существует целый ряд боевых группировок, насчитывающих, по разным данным, примерно три–четыре тысячи членов каждая[98]. Некоторые из них, как, например, «Комитеты народного сопротивления» и «Армия Ислама», работают в тесном сотрудничестве с ХАМАСом, который в некоторой степени поддерживает их. Подобное сотрудничество выгодно ХАМАСу по двум причинам: с одной стороны, действия этих организаций маскируют вовлеченность ХАМАСа в конфликт и сокращают потенциальный ущерб, который может быть нанесен боевикам ХАМАСа, а с другой, в случае масштабного конфликта с Израилем, боевики этих организаций будут активно сражаться на стороне ХАМАСа. Продолжают свою деятельность в Газе также «Бригады мучеников Аль-Аксы», «Исламский джихад» и другие боевые организации, ведущие войну против Израиля.

Распределение ракетных обстрелов территории Израиля между различными организациями сектора Газа в 2007 году



19 июня 2008 года ХАМАС и Израиль при посредничестве Египта согласовали детали соглашения о перемирии. ХАМАС и другие террористические организации в последние сутки перед наступлением перемирия обрушили на район Западного Негева десятки ракет «кассам» и минометных снарядов, стремясь показать, что они идут на соглашение «с позиции силы». При этом если в 2006 году основной целью палестинских ракет являлся город Сдерот, находящийся на расстоянии десяти километров от сектора Газа, то к 2008 году «улучшенные» модификации ракет «Град», поступившие в распоряжение ХАМАСа, долетали до городов Ашкелон, Ашдод и Беэр-Шева. Таким образом, в зоне обстрелов оказались более полумиллиона мирных жителей Израиля.

Данные о ракетных и минометных обстрелах Израиля из сектора Газа в 2008 году, по месяцам



Решение заключить временное перемирие с ХАМАСом стало источником острых разногласий и раскололо израильское общество на несколько лагерей. По мнению критиков правительства, данное перемирие было выгодно для ХАМАСа, но не для израильского общества. Чем дальше откладывалась полномасштабная операция в секторе Газа, тем сильнее ХАМАС мог укрепить свою военную мощь. Сторонники перемирия считали, что, запросив перемирия, ХАМАС проиграл благодаря эффективным действиям израильских вооруженных сил. Прежде ХАМАС требовал в качестве условия перемирия полного прекращения операций ЦАХАЛа в Иудее и Самарии, теперь же его руководство было вынуждено ограничиться сектором Газа. Соглашение, по мнению оптимистов, также давало шанс на мирное решение проблемы ракетных обстрелов, а в случае срыва перемирия — на легитимацию крупномасштабной военной операции в глазах как израильского населения, так и мирового

общественного мнения. Скептики были убеждены, что перемирие долго не продержится. И действительно, оно было окончательно сорвано 18 декабря 2008 года, хотя много раз нарушалось и в предшествующие месяцы.

После того как перемирие было сорвано и масштабные обстрелы израильской территории возобновились, правительство Э. Ольмерта, пост министра обороны в котором занимал Э. Барак, пришло к выводу, что откладывать силовую операцию уже невозможно, ведь дальнейшее невмешательство в ситуацию означало бы только усиление обстрелов и укрепление власти ХАМАСа.

Операция началась вечером 27 декабря. Тогда же министр иностранных дел Израиля Ципи Ливни выступила со следующим заявлением: «В течение нескольких лет израильские граждане жили под постоянной угрозой нападений из Газы. Только на этой неделе сотни реактивных и минометных снарядов были выпущены по израильским населенным пунктам. Только в один из дней было выпущено 80 снарядов. До сих пор мы проявляли сдержанность. Но сейчас у нас нет никакого выбора, кроме проведения военной операции. Мы должны защитить наших граждан при помощи военного удара по инфраструктуре террора в Газе. Это реализация нашего элементарного права на самооборону. Израиль ушел из Газы, чтобы создать возможность достичь мира. В ответ террористы из ХАМАСа захватили власть в Газе и используют ее жителей как прикрытие, нападая на израильские города и уничтожая все возможности для достижения мира. Мы испробовали все возможные пути для достижения спокойствия без применения силы. Мы согласились на перемирие, достигнутое при посредничестве Египта. Перемирие было нарушено ХАМАСом, продолжавшим обстреливать территорию Израиля, удерживать Гилада Шалита и накапливать

оружие. … ХАМАС — это террористическая организация, поддерживаемая Ираном, действующая в соответствии не с легитимными национальными чаяниями палестинского народа, а с экстремистской исламской программой, целью которой является предотвращение установления мира в регионе. .... Израиль ожидает от международного сообщества понимания и поддержки в своей борьбе с террором…»[99]

Силовая операция израильской армии в секторе Газа была более чем ожидаемой, и ее начало, кажется, не удивило никого. Время ее начала было выбрано крайне тщательно.

Во-первых, главное политическое событие 2008 года — выборы в США к тому времени уже прошли, и администрация Дж. Буша, кандидат которой (Дж. Маккейн) эти выборы проиграл, «паковала чемоданы», уже не очень отвечая за происходящие события; с другой стороны, избранный президентом Барак Обама еще не вступил в должность и поэтому еще ни за что формально не отвечал (к тому же начало израильской операции застало его довольно далеко от центров мировой политики — на отдыхе на Гавайских островах). В Европейском Союзе председателем 1 января 2009 года стала традиционно очень дружественно настроенная по отношению к Израилю Чехия, глава правительства и министр иностранных дел которой сразу же поддержали операцию ЦАХАЛа в Газе, назвав ее оборонительной.

Во-вторых, внимание большинства жителей планеты в ночь с 27 на 28 декабря было занято никак не Израилем или Газой, а хлопотами, сопряженными с рождественскими и новогодними каникулами (Израиль является одной из немногих стран мира, где эти праздники не отмечаются, так как Новый год празднуется по еврейскому традиционному календарю, в 2008 году — 29 сентября). Это тоже играло на руку Израилю: можно предположить, что масштабные раз-

рушения и значительные человеческие жертвы среди палестинского населения (в том числе и гражданского — по данным ООН, 27–30 декабря в Газе погибло 62 гражданских лица, из коих тридцать — женщины и дети) удостоились бы куда большего внимания в мировых СМИ, если бы дело не происходило в самые последние дни декабря.

В-третьих, к запланированным на 10 февраля и прошедшим в срок в Израиле парламентским выборам партии, входящие в правящую коалицию (прежде всего «Кадима» и Партия труда), должны были прийти с какими-то внятными достижениями. Эта коалиция пришла к власти после выборов, состоявшихся в марте 2006 года, спустя менее чем год после вывода израильских сил и поселений из сектора Газа и Северной Самарии. По данным израильского информационного центра по контртерроризму, за трехлетний период правления лидера «Кадимы» Эхуда Ольмерта (он стал главой правительства 5 января 2006 года) на территории Израиля упало 3459 выпущенных из сектора Газа ракет (946 — в 2006 году, 783 — в 2007 и 1730 — в 2008), в то время как за три предшествующих года (2003–2005) — 615 (155 — в 2003, 281 — в 2004 и 179 — в 2005), т.е. речь идет о более чем пятикратном росте количества ракетных обстрелов! Учитывая, что министрами обороны страны все эти годы были лидеры Партии труда (вначале — Амир Перец, а затем — Эхуд Барак), снять с себя ответственность за резкое ухудшение ситуации в сфере безопасности лидеры социал-демократов не могли, и нужно было показать избирателям, что работа над ошибками проведена и уроки извлечены.

При этом тот факт, что сам Эхуд Ольмерт не баллотировался на выборах, был очень удобным и его товарищам по партии, и социал-демократам: в случае, если бы операция в Газе оказалась для Израиля неудачной, все можно было бы

свалить на плохое руководство со стороны главы правительства. Если же вооруженным силам удалось бы достичь прекращения обстрелов израильской территории ракетами, находящимися в распоряжении ХАМАСа, или тем более свергнуть режим ХАМАСа, то члены межминистерской комиссии по оборонно-политическим вопросам (так называемого «узкого кабинета») Ципи Ливни и Эхуд Барак, возглавлявшие предвыборные списки своих партий, смогли бы с гордостью продемонстрировать избирателям свои стратегические достижения. Учитывая, что в радиусе действия ракет ХАМАСа оказались более десяти процентов граждан Израиля, в том числе жители трех достаточно крупных по израильским меркам городов — Ашдода (208 900 жителей), Беэр-Шевы (186 800 жителей) и Ашкелона (110 тысяч жителей), ситуация сложилась на самом деле критическая. Таким образом, с одной стороны, была очевидна насущная необходимость попробовать хоть что-то сделать с этим кошмаром (три с половиной тысячи ракет за три года — это никак не шутки), а с другой, если все же не получилось бы, можно было бы свалить вину на и так уходившего (и таки ушедшего) в отставку после выборов Эхуда Ольмерта.

27 декабря 2008 года, выступая перед журналистами, Эхуд Ольмерт отметил, что «главная цель данной операции — повысить безопасность жителей юга страны». Цель, надо сказать, была сформулирована довольно расплывчато, и проверить, достигнута ли она, можно лишь по прошествии длительного времени, ибо любое кратковременное затишье может оказаться лишь преддверием бури. Очевидно, что война эта продолжаться долгие месяцы (тем более — годы) не могла, а реально понять, улучшилась ли безопасность жителей южных районов, можно будет лишь спустя год-другой после ее окончания. При этом следует отметить,

что даже 3 января, когда спустя неделю после начала воздушных бомбардировок было принято решение о вводе в Газу сухопутных сил, правительство Израиля не объявило, что ставит своей целью свержение режима ХАМАСа (именно из-за этого, кстати, два члена межминистерской комиссии по оборонно-политическим вопросам — Хаим Рамон и Эли Ишай — воздержались при голосовании о начале второго этапа операции). Таким образом, не очень понятно, что именно и когда должно было бы произойти, чтобы израильские руководители, принимавшие решение о начале боевой операции в Газе, сочли, что задача выполнена и операцию можно прекращать. Если цель — «улучшить безопасность жителей юга страны», то как узнать, когда эта цель будет достигнута? Когда из Газы прекратят лететь ракеты? Но если вспомнить Вторую ливанскую войну, более двухсот ракет «Хезболлы» падали в северных районах Израиля ежедневно непосредственно вплоть до дня прекращения огня (14 августа 2006 года), однако с того момента, когда война прекратилась, на протяжении вот уже двух с половиной лет ракетных атак с ливанской территории не было. Хотя непосредственно в ходе боевых действий в Южном Ливане израильской армии не удалось подавить огневую мощь «Хезболлы», с 15 августа 2006 года на севере страны соблюдается относительное спокойствие, что доказывает, что сам ход военной операции не является индикатором того, как будет обеспечиваться безопасность защищаемых в ходе данной операции районов после ее окончания. Прекращения обстрелов добились дипломаты в ООН, а не израильские военно-воздушные и сухопутные силы, за месяц потерявшие в Ливане сто двадцать своих бойцов. Более того: до начала израильской операции в Газе ХАМАС ни разу не обстреливал ракетами Ашдод и Беэр-Шеву, однако начиная с 28 декабря эти города обстре-

ливались практически ежедневно, до самого конца операции «Литой свинец», а в школах в сорокакилометровой зоне были отменены занятия. «Достижение поставленной цели не будет молниеносно, поэтому от каждого из нас требуется терпение, дабы позволить нам достичь ее», — витиевато отметил Эхуд Ольмерт, не сочтя нужным конкретно объяснить согражданам, а как долго его правительство планирует вести войну.

Аналогичным образом высказался министр обороны Израиля Эхуд Барак. Отметив, что военная операция в Газе «преследует четкие цели», он эти цели на самом деле объяснить не сумел или не захотел. По словам Э. Барака, задача, поставленная ЦАХАЛом в операции «Литой свинец», — «уничтожить инфраструктуру террора». При этом остается неясным, как именно министр обороны мог понять, что инфраструктура террора уничтожена. Очевидно, что в ходе войны не могло не быть уничтожено некоторое количество складов оружия, накопленного ХАМАСом, разбомблены те или иные его лаборатории, убиты отдельные из его боевых командиров, а может, и политических лидеров, разрушено некоторое количество туннелей, по которым оружие переправляется в Газу из Египта. Так, собственно говоря, и происходило. При этом столь же очевидно, что какая-то часть оружия в распоряжении ХАМАСа останется, большинство из его активистов вторжение израильской армии благополучно переживет (не говоря уже о спрятавшихся в бункерах высших руководителях), а лаборатории по усовершенствованию ракет не особенно сложно создать заново. Как именно Эхуд Барак собирался проверять, уничтожена ли инфраструктура террора? На основании каких именно показателей он планировал счесть цели военной операции достигнутыми? Насколько известно, в распоряжении ХАМАСа имелось

на тот момент не менее шести тысяч ракет — сколько из них должно было быть выведено из строя, чтобы счесть «инфраструктуру террора» разгромленной? И действительно ли даже уничтожение, скажем, 90% ракетного потенциала исламистов Газы (что, несомненно, было бы большой удачей израильских сил) способно гарантировать безопасность южным районам Израиля, при том, что в этом случае около шестисот ракет по-прежнему угрожали бы Ашкелону, Ашдоду, Сдероту и Беэр-Шеве?

Насколько можно себе представить, инфраструктура террора не сводится к ракетам, бункерам и полевым командирам тех или иных вооруженных формирований, а состоит из четырех основных компонентов:

1. Оперативные возможности (исполнители, тренировочные лагеря, базы, склады боеприпасов, оружие, транспорт и т.п.).
2. Финансовая база, подпитывающая оперативную деятельность боевиков.
3. Идеологическая индоктринация населения, в результате чего террор воспринимается как легитимное и оправданное средство борьбы (и более того, Израилю отказывается в самом праве на существование).
4. Государственная или квазигосударственная структура (подобная правительству ХАМАСа в Газе), координирующая террор и обеспечивающая взаимодействие всех вышеперечисленных элементов.

Нет никаких данных о том, что израильское руководство поставило своей целью или тем более сумело остановить финансовые потоки, которые позволяют ХАМАСу продолжать свою деятельность, в том числе и террористическую. Однако очевидно, что начатая 27 декабря война затрагивала

лишь первый пункт в вышеуказанном списке, оставляя под вопросом как минимум последние два.

Инфраструктура террора, при всей важности накопленного потенциала боеприпасов и боевиков, непосредственно занимающихся запуском ракет по израильской территории, все же прежде всего находится в головах сотен тысяч палестинцев Газы, поддержавших ХАМАС на выборах в январе 2006 года и продолжающих поддерживать его в последующие три года. Трудно поверить, что бомбардировки с воздуха или сухопутное вторжение израильских сил что-либо изменят в сознании людей, которых на протяжении многих лет учили, что лучшее, что они могут сделать со своей жизнью — это пожертвовать ею во имя войны с «сионистским врагом». Повсеместный культ шахидов в палестинском обществе не позволяет надеяться на то, что ценности межконфессиональной и межэтнической толерантности или тем более пацифизма будут пользоваться в этой среде хоть каким-то уважением.

Что касается государственной поддержки инфраструктуры террора, то, как отмечалось выше, Израиль не заявлял о том, что ставит своей целью устранение хамасовского режима, которое могло бы выразиться, скажем, в свержении правительства Исмаила Хании или даже физическом уничтожении его наиболее радикальных членов. Насколько известно, за первую неделю операции в Газе ее жертвами стали 435 палестинцев, но среди них не было ни одного члена кабинета И. Хании. Но даже если хамасовское правительство, не так уж незаконно захватившее власть в секторе Газа (не будем забывать о выигранных исламистами выборах, прошедших под контролем значительного числа международных наблюдателей), и будет свергнуто, кто придет ему на смену? Состоит ли расчет в том, что к власти в ПНА должен

прийти конструктивно настроенный и искренне готовый к диалогу с Израилем политик, который смог бы объединить под своим началом Западный берег Иордана и Газу? Однако единственной подобной альтернативой является формальный глава ПНА Махмуд Аббас, покинувший Газу в 1998 году, и не похоже, чтобы он реально смог утвердиться в Газе как признанный руководитель.

Таким образом, операция, поэтично названная «Литой свинец», уничтожила (и это — максимум, чего в принципе можно было достичь) лишь некий оперативный компонент инфраструктуры террора, практически не затронув остальные. Да, эта операция — вынужденная мера, и Израиль пошел на нее от безысходности, испробовав практически все имевшиеся средства. Однако «победного конца» в этой масштабной военной операции быть не могло в принципе. И разговоры о том, будто эта операция «раз и навсегда решит проблему», «изменит положение в регионе» и т.д., кажутся наивными. Эта операция могла дать Израилю важное тактическое преимущество и, при благоприятном ее исходе, на какое-то время (может, довольно продолжительное, а может, и нет) обеспечить затишье на юге, как это случилось на севере после Второй ливанской войны лета 2006 года. Однако как никуда с тех пор не делись исламисты в Ливане, так они никуда не денутся и в Газе. Кардинальное решение проблемы палестино-израильского конфликта, если оно вообще существует, лежит в других плоскостях.

Глава X

ЧТО ДАЛЬШЕ?*

Принявшее присягу 31 марта 2009 года тридцать второе правительство Израиля во главе с Биньямином Нетаньяху вынуждено будет решать проблему выработки новой политики на палестинском направлении. Тот факт, что ни одна из ранее предлагавшихся схем, среди которых «мир в обмен на территории», «два государства для двух народов» и другие, не работает, прямо признал новый министр иностранных дел Авигдор Либерман, заявивший 7 апреля 2009 года на конференции в Иерусалиме, что «мирные переговоры с ПНА зашли в тупик», и необходимо «разрабатывать новые идеи»[100].

При разработке новых идей и новых подходов к палестинской проблеме правительство Б. Нетаньяху вынуждено будет считаться с теми изменениями, которые произошли в регионе. Последовавший вслед за событиями в секторе Газа в июне 2007 года фактический раскол Палестинской национальной администрации на две части — сектор Газа, управляемый движением ХАМАС, и Западный берег, управляемый Махмудом Аббасом, — равно как и вполне реальная возможность захвата власти ХАМАСом на Западном берегу,

---

* Глава написана совместно со Станиславом Кожеуровым.

где по результатам выборов в Законодательное собрание исламисты также получили большинство голосов (74 места из 132, т.е. 56% депутатского корпуса), ставят перед Израилем проблему выбора адекватной внешней политики[101].

Продолжать риторику «двух государств для двух народов» более совершенно невозможно. Движение ХАМАС полностью контролирует сектор Газа и пользуется среди жителей сектора достаточно высокой, хотя и не абсолютной, поддержкой. Кроме того, сохраняется опасность военного переворота, аналогичного произошедшему в июне 2007 года в Газе, но уже на Западном берегу. Наконец, перед глазами нового премьер-министра Израиля — противоречивые результаты войсковой операции в секторе Газа, которая не привела ни к свержению режима ХАМАСа, ни к ослаблению его поддержки среди местного населения. Новое правительство устами министра иностранных дел А. Либермана дистанцировалось от решений конференции в Аннаполисе, состоявшейся в ноябре 2007 года, признав путь договоренностей с администрацией М. Аббаса бесперспективным.

Между тем, несмотря на неоднозначность последствий, которые повлек и повлечет за собой раскол ПНА на две части, необходимо подчеркнуть также те потенциальные выгоды, которые Израиль может из этой ситуации извлечь. Во-первых, агрессивная политика, проводимая движением ХАМАС, может быть выгодной Израилю с точки зрения информационного противостояния на поле западного общественного мнения: становится совершенно очевидно, кто агрессор, кто подрывает мирные инициативы и кто виновен в срыве тех или иных решений. Этот тезис нашел свое подтверждение во время военной операции в Газе, когда лидеры ЕС и президент США выразили Израилю поддержку[102]. Так, Дж. Буш возложил ответственность за про-

исходящее в Газе именно на ХАМАС, а канцлер Германии А. Меркель подчеркнула, что «защита граждан и территории государства является законным правом Израиля»[103]. Во-вторых, военный переворот в секторе Газа и де-факто раскол ПНА на две части дает возможность отказаться от идеи палестинского государства — идеи, и без того, мягко говоря, не близкой сердцу Биньямина Нетаньяху. Наконец, раскол ПНА дает возможность разрушить укоренившееся в умах представление о некоем политическом единстве «палестинских» территорий. К тому же важно подчеркнуть, что собственно палестинскими ни Западный берег, ни сектор Газа никогда не были: если между 1948 и 1967 годом они принадлежали Иордании и Египту соответственно, то после Шестидневной войны перешли под контроль Израиля. Следует отметить, что для Иордании палестинское государство представляет не менее серьезную проблему, чем для Израиля, так как 75% ее жителей — палестинские арабы. Сам акт провозглашения палестинского государства на Западном берегу и в Газе может стимулировать определенную часть палестинского населения Иордании к антигосударственным действиям, как случилось в «черном сентябре» 1970 года. Это приведет по меньшей мере к дестабилизации общественной жизни страны. Потенциальная возможность хаоса в Иордании, безусловно, противоречит стратегическим интересам Израиля.

Необходимо также отметить, что, отказываясь от выполнения решений конференции в Аннаполисе, израильское правительство имело на то определенные основания. Участники конференции в американском городе Аннаполисе подтвердили свою приверженность идее создания палестинского государства рядом с Израилем. Эта парадигма решения палестино-израильского конфликта игнорирует ряд важных

аспектов: во-первых, после де-факто раскола ПНА необходимым условием для создания палестинского государства является объединение Западного берега и сектора Газа под одной властью, что на данный момент представляется задачей практически неразрешимой; во-вторых, очевидна экономическая несостоятельность потенциального палестинского государства; в-третьих, исторический опыт разделенных государств показывает, насколько велика вероятность раскола (Объединенная Арабская Республика распалась в 1961 году; Бангладеш выделилась из Пакистана в 1971 году). Наконец, нельзя не отметить тот факт, что сам Аннаполисский процесс начался ровно тогда, когда и бывшему премьер-министру Э. Ольмерту, и бывшему президенту США Дж. Бушу-мл. был крайне необходим видимый дипломатический успех: Э. Ольмерту — после Ливанской войны, где его кабинет не сумел достичь поставленных целей; Дж. Бушу — из-за всё возраставших трудностей в поддержании в глазах американской общественности идеи об успешной демократизации Ближнего Востока. Растущее недовольство широких слоев американских граждан тем, насколько глубоко «завязла» американская армия в Ираке, требовало какого-то противовеса, коим и был призван стать саммит в Аннаполисе.

Принимая во внимание как фактический раскол ПНА на две части, так и отказ от продолжения Аннаполисского процесса, правительство Нетаньяху потенциально, при выработке своей политики на палестинском направлении, может выбрать одну из шести возможностей:

- «модель Барака–Шарона»: с палестинской стороны у Израиля на сегодняшний день нет партнера для ведения переговоров, ведение переговоров с Махмудом Аббасом бессмысленно, т.к. его легитимность как главы

ПНА крайне сомнительна (срок его президентских полномочий закончился в январе 2009 года), а из двух территориальных анклавов, входящих в ПНА, он контролирует только один (Западный берег);

- «модель Аннаполиса»: продолжать вести переговоры с Махмудом Аббасом, как будто никаких изменений в ПНА не произошло и как если бы М. Аббас полностью контролировал ситуацию, пытаясь достичь с ним некого соглашения;
- продолжать вести переговоры с Махмудом Аббасом, отдавая, однако, себе отчет в том, что любой пришедший ему на смену палестинский лидер может, и в целом имеет на это право, отказаться от всех подписанных М. Аббасом договоров, апеллируя к тому, что признанный срок полномочий М. Аббаса закончился;
- «модель статус-кво»: сложившаяся ситуация слишком неопределенна, чтобы предпринимать какие-либо решительные шаги на палестинском направлении, а потому единственное, что Израиль может, — это поддерживать статус-кво, существующий на сегодняшний день;
- переговоры с ХАМАСом — не только об освобождении захваченного в плен в июне 2006 года Гилада Шалита, с одной стороны, и тысячи боевиков исламистов, с другой (переговоры об этом и так ведутся), но и по другим вопросам, обсуждение которых чрезвычайно важно как для израильтян, так и для палестинских арабов;
- «иорданская опция»: сделать ставку не на Махмуда Аббаса, а на короля Иордании Абдаллу II, с которым вести переговоры о возвращении Западного берега под иорданский суверенитет; вопрос о Газе аналогично решать с Египтом.

Среди вышеперечисленных путей, которые может избрать кабинет Б. Нетаньяху, наибольший интерес представляют два: сохранение существующего статус-кво или же начало переговоров с Иорданией. Если переговоры с Иорданией заслуживают особого внимания как наиболее перспективная, хотя и смелая, опция, то сохранение статус-кво заслуживает такого внимания как возможность, имеющая наибольшие шансы быть реализованной на практике. Между тем остальные опции также заслуживают рассмотрения и не могут быть сброшены со счетов.

«Модель Барака–Шарона» исходит из того предположения, что у Израиля с палестинской стороны нет партнера по переговорам — партнера, который хотел бы достичь какого-либо соглашения с Израилем и мог бы реализовывать его на практике. В течение очень долгого времени одной из основных парадигм израильской политики на палестинском направлении была парадигма «мир в обмен на территории», впервые предложенная в 1970 году в плане госсекретаря США У. Роджерса. Согласно этой концепции, постепенные территориальные уступки и компромиссы, на которые Израиль готов пойти, должны в итоге привести к заключению мирных соглашений. Предпосылка применения этой модели на палестинском направлении состояла в том, что у Израиля есть партнер по переговорам, то есть тот лидер, с которым возможно вести переговоры и который в этих переговорах заинтересован. Процесс Осло (1993–2000), Соглашение Бейлина–Абу Мазена, «Декларация принципов» А. Аялона и С. Нуссейбы, «Женевская инициатива» — все эти попытки мирного урегулирования были предприняты, именно исходя из предпосылки о существовании с палестинской стороны лидера, готового к обсуждению и решению проблем[104]. На саммите же в Кемп-Дэвиде стратегия «мир в обмен на

территории» была поставлена под сомнение. Идея о том, что у Израиля нет партнера по переговорам, восходит именно к саммитам в Кемп-Дэвиде в 2000 и в Табе в 2001 году, где палестинскому лидеру Я. Арафату были предложены максимальные уступки, на которые какое-либо израильское правительство соглашалось когда-либо пойти, включая раздел Иерусалима. В ответ же Израиль получил отказ — из чего и родилось представление об отсутствии с палестинской стороны партнера по переговорам и, в общем, логично вытекающий из него вывод решать проблемы в одностороннем порядке, без согласований с палестинской стороной.

Первым израильским политиком, начавшим реализовывать, хотя и не на палестинском направлении, эту модель на практике стал Эхуд Барак, осуществивший в мае 2000 года односторонний вывод войск из Южного Ливана без достижения соглашения с правительством Ливана. Впоследствии в иной форме ее продолжал реализовывать Ариэль Шарон, занявший пост премьера в 2001 году (т.н. «программа размежевания» от Газы и Северной Самарии). Фактически данная модель предусматривает прекращение любых переговоров с палестинскими лидерами до тех пор, пока не появится руководитель, готовый на серьезное урегулирование и способный при этом подавить активность антиизраильских террористических организаций. Министр иностранных дел Израиля А. Либерман, по-видимому, занимает наиболее последовательную позицию в отношении палестинского направления внешней политики. Он не только считает, как уже упоминалось выше, что «переговоры с ПНА зашли в тупик», но и полагает, что в случае возобновления переговоров никаких уступок палестинцам делаться не должно, так как «все уступки только увеличивают давление, но не могут разрешить конфликт», а уступки палестинцам «при-

водят только к войне»[105]. Позиция же премьер-министра по этому вопросу, как видно из его публичных выступлений, достаточно противоречива. В начале 2009 года Б. Нетаньяху твердо придерживался позиции, что «у Израиля сегодня нет партнера по переговорам», который бы «не просто признал наше право на существование, но и смог бы заставить свое население признать это», в марте же 2009 года он призвал палестинскую сторону к переговорам, обещая продолжить диалог с ПНА[106]. А в интервью американской газете «The Washington Post», которое он дал 28 февраля 2009 года, Б. Нетаньяху заявил, что «в Израиле и в мире существует консенсус относительно того, что палестинцы сами должны управлять своей жизнью», допуская тем самым возможность создания Государства Палестина[107].

В этой связи важно указать на значительные перемены к лучшему в сфере безопасности. В 2007 году солдатами ЦАХАЛа на Западном берегу были убиты 76 палестинцев, участвовавших в террористической деятельности, в 2008 году был убит 51 человек, в первой половине 2009 года эта цифра сократилась до 12 человек. ЦАХАЛ не только сократил число блокпостов на Западном берегу с 45 до 14, но и практически полностью прекратил проведение серьезных антитеррористических операций в этом регионе. Все это, тем не менее, не привело к возобновлению террора. На Западном берегу наблюдается ныне непривычная тишина и спокойствие. Это спокойствие — результат беспрецедентного сотрудничества ЦАХАЛа с военизированными структурами, подчиняющимися Палестинской национальной администрации. Координация между всеми звеньями палестинских сил безопасности, их беспрекословное подчинение властным структурам ПНА и тесное сотрудничество с командованием ЦАХАЛа — все это принесло плоды.

Как отмечает израильский публицист Ари Шавит, после смерти Я. Арафата и особенно после захвата ХАМАСом власти в секторе Газа страх перед религиозным экстремизмом привел к тому, что большинство живущих на Западном берегу палестинцев начали функционировать как секулярное прагматическое общество. Многие палестинцы перестали исповедовать идеологию жертв. Под руководством правительства Салама Файяда они взяли судьбу в свои руки и стали активна строить будущее своей страны[108].

Как отреагирует на это израильское правительство? Учитывая опыт первой каденции Б. Нетаньяху на посту премьер-министра, можно сделать вывод, что его предвыборные заявления и реальная политика зачастую противоречат друг другу. Хотя в рамках предвыборной кампании 1996 года он заявлял о необходимости продолжения мирных переговоров с ПНА для достижения постоянного мирного соглашения, Б. Нетаньяху впервые встретился с Я. Арафатом только через четыре месяца после своего избрания, и то лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Поэтому на основе даже недавних выступлений Б. Нетаньяху предсказать вектор его будущего отношения к руководству ПНА весьма и весьма сложно.

Рассматривая следующие две вероятные модели, на основе которых может строиться внешняя политика кабинета Б. Нетаньяху, необходимо уделить особое внимание главному партнеру по потенциальным переговорам — Махмуду Аббасу. После смерти председателя ООП Ясира Арафата, в январе 2005 года в ПНА были проведены выборы, на которых Махмуд Аббас победил (ХАМАС эти выборы бойкотировал). Согласно палестинскому законодательству, каденция М. Аббаса составляет четыре года и, следовательно, закончилась 9 января 2009 года, однако еще 23 ноября

2008 года Исполком ООП своим постановлением продлил срок его полномочий еще на год. Эти, с позволения сказать, «выборы» никак не добавили М. Аббасу легитимности, ибо Исполком ООП абсолютно неправомочен принимать подобные кадровые решения. Дело не только в самой процедуре безальтернативных выборов, в ходе которых М. Аббаса поддержали 119 из 120 членов Центрального совета ООП, а в том, что председателя ПНА и в 1996, и в 2004 годах избирало всё палестинское население Западного берега и Газы, и совершенно непонятно, почему вдруг решение вопроса о главе ПНА должна принимать никем не избираемая «зонтичная структура» палестинской диаспоры, коей является Центральный совет ООП. Совершенно непонятно, с кем именно Израилю придется вести дела в Газе после окончания боевых действий.

Такой шаг не предусмотрен палестинским законодательством, а потому какой бы лидер ни пришел на смену Абу Мазену, он сможет объявить все соглашения, подписанные председателем ПНА начиная с января 2009 года, не имеющими законной силы. Если следующим главой ПНА станет представитель исламистов, то развитие событий по такому сценарию представляется более чем вероятным. И это израильские руководители должны осознавать и принимать во внимание в том случае, если они решат продолжать переговоры с М. Аббасом.

Наиболее жесткую позицию по отношению к решениям конференции в Аннаполисе занимает А. Либерман, не считающий Израиль связанным какими-либо обязательствами по итогам этой конференции: «Есть только один документ, который накладывает на нас обязательства, и это не соглашение, подписанное в Аннаполисе. Оно не имеет юридической силы. Израильское правительство никогда не ратифи-

цировало Аннаполисское соглашение. Ни кабинет, ни кнессет не ратифицировали его»[109]. Относительно же возможной политики по отношению к Абу Мазену и администрации ФАТХа на Западном берегу в правительстве Израиля, видимо, единого мнения нет. Об этом свидетельствуют противоречивые заявления израильских политиков, сделанные с разницей лишь в несколько дней. Так, Б. Нетаньяху 25 марта 2009 года на встрече с израильскими и зарубежными бизнесменами заверил, что новое израильское правительство «станет [палестинцам] добрым партнером в мирном процессе», а также пообещал «продолжить переговоры с ПНА в обмен на мир»[110]. Практически вслед за этим свою позицию озвучил бывший начальник Генерального штаба, сейчас занимающий пост министра по стратегическим угрозам. Моше Яалон полностью исключил возможность возрождения мирного процесса, аргументировав это тем, что «джихадисты трактуют компромисс как слабость». Он привел в качестве примера реакцию на вывод еврейских поселений из Газы четыре года назад. «Ошибка при выходе из Газы заключалась в том, что мы, как западные люди, думали, что компромисс устраняет проблему — но он лишь усиливает ее. Какой сигнал вы подаете им сейчас, когда вы готовы разделить Иерусалим или отойти к границам 1967 года? В такого рода конфликтах способность настоять на своей позиции и быть определенным не менее важна, чем огневая мощь»[111].

Наконец, последняя рассматриваемая модель действий — это начало политического диалога с ХАМАСом. С одной стороны, необходимо помнить о том, что это движение руководствуется Хартией, прямо указывающей на то, что «единственным способом решить палестинскую проблему является джихад, а участие в переговорах с израильтянами есть предательство ислама». С другой стороны, именно движение

ХАМАС реально контролирует сектор Газа и является той силой, игнорировать которую невозможно. Основываясь на историческом опыте, можно говорить о том, что и ООП, Хартия которой от 1968 года призывала к уничтожению Израиля, впоследствии стала партнером по переговорам, а Египет, принимавший участие в Хартумской конференции 1967 года, на которой были приняты «три "нет"» Израилю, стал первой страной, подписавшей с еврейским государством мирный договор. Между тем, даже если предположить, что политическая эволюция ХАМАСа возможна, на данном этапе он сам отказывается от диалога с Израилем.

Вместе с тем события последних лет — попытки, успешные и неуспешные, точечных ликвидаций высших руководителей движения[112] — а также самого недавнего времени — военная операция в Газе — показали, что ни одно из доступных силовых средств воздействия не было эффективным. Более того, нельзя сбрасывать со счетов выглядящий пока утопическим сценарий, согласно которому ХАМАС, движимый желанием сохранить свою власть в Газе, станет более уступчивым и согласится в итоге на переговоры с Израилем. В сущности, переговоры с ХАМАСом, пусть непрямые, при посредничестве Египта, уже идут, и с израильской стороны в них задействованы высокопоставленные должностные лица, отчитывающиеся непосредственно перед главой правительства.

При этом, рассматривая возможность и перспективность диалога с ХАМАСом, было бы интересно обратиться к опыту урегулирования положения на ливанской границе и к опыту переговоров с «Хезболлой». Обе эти группировки во многом схожи: обе используют в своей борьбе террористические методы, обе исламистские по своей идеологии, плацдармы обеих находятся в непосредственной географической

близости от Израиля. Вторая ливанская война, начавшаяся 12 июля 2006 года, завершилась в августе того же года резолюцией Совета Безопасности ООН №1701, и с этого времени на северной границе Израиля поддерживается относительное спокойствие, без каких-либо крупных инцидентов. Более того, в июле 2008 года правительство Э. Ольмерта пошло на сделку с «Хезболлой» по обмену тел двух погибших израильских солдат, Эхуда Гольдвассера и Эльдада Регева, на девятерых арабских террористов, содержавшихся в израильских тюрьмах[113]. Этот обмен состоялся, хотя вплоть до последнего момента было неясно, вернутся ли солдаты живыми или же они погибли. Помимо этого, в январе 2004 года Израиль и «Хезболла» совершили еще одну сделку, осуществленную при посредничестве Германии. Обратно в Израиль был передан похищенный 15 октября 2000 года полковник Эльханан Тененбаум, а также тела трех погибших израильских солдат, в ответ на что из израильских тюрем были освобождены 425 палестинских и ливанских заключенных. Таким образом, с одной стороны, на ливано-израильской границе уже практически три года поддерживается относительное, пусть и напряженное, спокойствие; с другой стороны, как показывает опыт контактов с «Хезболлой», ведение переговоров и осуществление сделок возможно даже с исламистскими и террористическими организациями.

Хотя резолюция Совета Безопасности ООН №1860, принятая 9 января 2009 года и требовавшая немедленного прекращения огня в секторе Газа, и не возымела того действия, как резолюция №1701, это не означает, что переговоры с ХАМАСом в принципе невозможны. Более того, переговоры об освобождении похищенного израильского солдата Г. Шалита уже идут, при активном посредничестве главы египетских спецслужб Омара Сулеймана. Так, один из по-

следних раундов, на котором Израиль представлял Офер Декель, состоялся в середине марта 2009 года в Каире. В переговорах с ХАМАСом принимали участие глава Общей службы безопасности Израиля Ю. Дискин и глава политического отдела Министерства обороны Амос Гилад. Требование заместителя главы политического отдела ХАМАСа Мусы Абу Марзука об освобождении в обмен на Г. Шалита тысячи палестинских заключенных было отвергнуто правительством Э. Ольмерта, которое отказалось выпустить тех, кто напрямую причастен к гибели израильских граждан в терактах последних лет[114]. Кроме того, Израиль настаивал, чтобы некоторые из тех, кого предполагалось освободить, были высланы за границу, а не возвращались бы на территорию Западного берега или Газы[115]. Таким образом, хотя на сегодняшний день достичь соглашения не удалось, Израиль и ХАМАС продолжают вести сложный диалог при посредничестве властей Египта.

Кроме того, в отношениях ХАМАСа и Израиля был период, когда обе стороны приняли на себя обязательство перемирия сроком на полгода. Соглашение о перемирии было достигнуто при египетском посредничестве 19 июня 2008 года и соблюдалось вплоть до ноября, когда израильские войска разрушили подземный туннель в секторе Газа, на что ХАМАС ответил запусками ракет, после чего ситуация полностью вышла из-под контроля. Однако даже принимая во внимание тот факт, что с точки зрения исламистов данное перемирие представляло собой «тахдия» (арабский термин, обозначающий временное прекращение огня), а не «худна» (перемирие, предполагающее признание за противником права на существование), в целом спокойствие соблюдалось. Кроме того, при заключении перемирия ХАМАС дал четко понять, что выступит против любой палестин-

ской группировки, которая попытается нарушить достигнутое соглашение. Имеет смысл напомнить, что ровно ради этого — обеспечения безопасности и борьбы с боевиками, проводящими антиизраильские акции, — правительство И. Рабина–Ш. Переса и начало процесс создания ПНА во главе с имевшим большой стаж террористической деятельности Я. Арафатом. Может быть, таким витиеватым путем ХАМАС и пройдет свой путь в Осло?![116]

Еще одной темой, по которой в Каире ведутся переговоры между Израилем и ХАМАСом, является вопрос открытия контрольно-пропускных пунктов и доставки в сектор Газа товаров и грузов. Как заявлял Салах Бардуиль, представитель движения на переговорах в Каире, у ХАМАСа в целом «нет возражений против перемирия в обмен на прекращение блокады сектора Газа и открытие КПП. Мы не возражаем также против обсуждения вопроса Гилада Шалита в тандеме с переговорами о перемирии». Стремление обеспечить население сектора Газа минимальным набором товаров, предотвратив тем самым возможное недовольство или волнения, с некой долей вероятности может стать фактором, смягчающим позицию ХАМАСа. Параллельно исламисты вели переговоры также и с Египтом об открытии контрольно-пропускного пункта в Рафиахе для доставки в Газу необходимых грузов. В своих контактах с Израилем ХАМАС уделяет огромное внимание роли Египта. Так, по словам М. Абу Марзука, именно Египет должен играть ключевую роль в посредничестве между Израилем и ХАМАСом, предоставив гарантии выполнения соглашений, если таковые будут подписаны[117]. И хотя нынешний глава правительства Биньямин Нетаньяху заявил в феврале 2009 года, что «ХАМАС и мирное урегулирование несовместимы», возможность того, что какой-то промежуточ-

ный компромисс на какой-то период времени будет найден, все же стоит иметь в виду.

Переговоры о возвращении Западного берега под контроль Иордании представляются куда более перспективными сразу по нескольким причинам. Во-первых, после раскола ПНА власть Махмуда Аббаса на Западном берегу, равно как и его правомочность подписывать какие-либо договоры с Израилем, может быть поставлена под сомнение. Во-вторых, сама власть Махмуда Аббаса на Западном берегу находится под постоянной угрозой со стороны движения ХАМАС, способного совершить военный переворот по образцу произошедшего в Газе в июне 2007 года. Подобное развитие событий напрямую затронет интересы не только Израиля, но и соседней Иордании, так как установление ХАМАСом власти на Западном берегу станет смертельной угрозой королю Абдалле II. В-третьих, принимая во внимание исторический опыт, необходимо отметить, что Иордания владела Западным берегом на протяжении почти двадцати лет (с 1948 по июнь 1967 года), успешно контролировала его, интегрировав в свою экономическую и политическую структуру, и официально отказалась от притязаний на эти территории лишь в июле 1988 года. Однако и после этого разнообразные связи Иордании с Западным берегом сохранились.

Таким образом, продвижение переговоров с Иорданией о возвращении под ее контроль Западного берега отвечает как израильским, так и иорданским интересам, а также основывается, что немаловажно, на историческом опыте. Между тем передача территорий сопряжена с определенного рода трудностями как с израильской, так и с иорданской стороны. Прежде всего, необходимо «заинтересовать» короля Абдаллу II принять в состав своего королевства эти территории с достаточно многочисленным палестинским населением, со

всеми их проблемами и конфликтами. Своего рода бонусом, который будет критически важным в переговорах с иорданцами, может, по-видимому, стать Восточный Иерусалим. Можно с большой долей вероятности предположить, что для успеха реализации соглашения Израиль должен быть готов к разделу Иерусалима и возвращению части города под контроль Иордании. Вторая трудность состоит в том, что израильское общество, перед глазами которого находятся вывод войск из Южного Ливана и эвакуация еврейских поселений из сектора Газа, а также те последствия, к которым обе акции привели, может отрицательно воспринять идею о передаче Западного берега кому бы то ни было, в том числе Иордании. Данное опасение проистекает из того факта, что после вывода израильских войск из Южного Ливана, осуществленного Эхудом Бараком в одностороннем порядке в мае 2000 года, а также после вывода еврейских поселений из сектора Газа в августе 2005 года Ариэлем Шароном обе территории стали представлять для Израиля угрозу, став плацдармами антиизраильских акций «Хезболлы» и ХАМАСа. Третья трудность состоит в том, что мировая дипломатия, уже много лет вовлеченная в палестино-израильский конфликт, последовательно придерживается идеи создания палестинского государства — решения конференции в Аннаполисе тому яркое подтверждение. Ввиду этого израильское правительство должно будет вести активную деятельность в Вашингтоне, Москве и европейских столицах, дабы убедить дипломатов разных стран в бесперспективности этой парадигмы и в оправданности начала переговоров с Абдаллой II. Деятельность израильских дипломатов в ЕС, России и США в попытке заручиться их поддержкой приобретает тем большее значение, что Иордания наверняка потребует некоего международного признания присоединения ею Западного

берега. В период с 1948 по 1967 год, когда Иордания владела Западным берегом и аннексировала его, лишь две страны в мире признали легитимность ее правления на этих территориях — Великобритания и Пакистан. Абдалла II не захочет возвращаться к ситуации «непризнанной аннексии», поэтому от международного сообщества потребуется признать легитимность иорданской власти на этих территориях.

Вероятно, именно передача контроля над Западным берегом Иордании, сколь бы трудным это ни казалось, могла бы стать в сложившейся ситуации наиболее разумным с точки зрения долгосрочных последствий решением. Все израильские руководители уделяли особое внимание отношениям с Иорданией, чему могут служить подтверждением частые неофициальные визиты премьер-министров Израиля в Амман. Первая публичная встреча короля Хусейна с израильским лидером И. Рабином состоялась 25 июля 1994 года. Однако еще до начала публичных переговоров израильско-иорданские отношения были весьма насыщенными: фактически каждый израильский лидер, а также высшее военные и гражданские чины встречались, зачастую по нескольку раз, с королем Хусейном. Так, в период с 1963 по 1994 год имело место более пятидесяти секретных встреч, первая из которых состоялась в сентябре 1963 года в Лондоне между королем Хусейном и д-ром Яаковом Герцогом. С тех пор и Г. Меир, и М. Даян, и Ш. Перес, и И. Рабин, и Б. Нетаньяху, и Э. Барак встречались с королем Иордании как на территории собственно Иордании, в Аммане, Акабе или Вади-Араба, так и в Израиле или Европе[118]. После заключения мирного соглашения израильско-иорданская дипломатия стала публичной, но частота встреч между первыми лицами государств остается весьма высокой. Нынешний премьер-министр Б. Нетаньяху, уже занимавший этот пост в 1996–1999 годах,

также встречался с королем Иордании в мае 1997 года в Акабе; Э. Барак нанес визит в Амман в июле 1999 года; А. Шарон встречался с уже новым королем Абдаллой II в марте 2004 года, а Э. Ольмерт — в июне 2007 года в Шарм-аль-Шейхе[119]. Между тем переговоры с королем Абдаллой II, несмотря на разумность и перспективность этого шага, имеют не много шансов быть начатыми кабинетом Б. Нетаньяху. Хотя необходимо отметить, что сам нынешний премьер-министр публично высказывался за «решение палестинской проблемы на региональном уровне», а также за «помощь Иордании на Западном берегу». Более того, Б. Нетаньяху, еще возглавляя оппозицию в кнессете, высказывался предельно откровенно: по его мнению, «необходимо ввести на территорию Западного берега части иорданской армии» для наведения там порядка[120].

Контроль же над Газой, в той или иной форме, должен быть возвращен Египту. Израиль захватил Газу в первый раз в октябре–ноябре 1956 года и спустя четыре месяца вернул ее Египту. Все попытки решить проблему Газы как-то иначе, предпринятые за последние 42 года, после того, как она была занята Израилем во второй раз, к успеху не привели. Израиль в состоянии успешно договориться с любой арабской страной, и подписанные мирные соглашения выдерживают испытание временем, но прийти к консенсусу с палестинским движением сопротивления, по всей видимости, невозможно в принципе.

Скорее всего, новое израильское правительство изберет самый несложный путь — поддержание на Западном берегу существующего статус-кво. Сторонники этой точки зрения считают, что в сложившейся политической ситуации проведение любой активной политики крайне затруднительно, а потому Израиль, по их мнению, должен придерживаться

оборонительной тактики «минимизации возможного вреда»: поддерживать Махмуда Аббаса, отдавая при этом себе отчет в том, что как общепризнанный лидер палестинцев он не состоялся, одновременно с этим стремясь не допустить захвата власти ХАМАСом на Западном берегу, что представляло бы собой развитие событий по самому худшему из возможных сценариев. Такова суть политики статус-кво, которую, по всей видимости, и станет проводить новый израильский кабинет.

Политика эта, разумеется, никуда не приведет, но сейчас уже в Израиле больше обеспокоены тем, чтобы «не стало хуже». О мирном урегулировании речь уже никто не ведет.

Процесса Осло как будто и не было.

Примечания

[1] «"Региональный подход" нового президента США» // Сообщение агентства «*Associated Press*» от 16 января 2009 г.

[2] Речь премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в Центре имени Бегина–Садата при Университете Бар-Илан 14 июня 2009 г., с. 5 [пер. с иврита].

[3] См.: Rogers Brubaker and David Laitin, «Ethnic and Nationalist Violence» // «*Annual Review of Sociology*», vol. 24, no. 1 (1998), pp. 423–452.

[4] См.: Алек Д. Эпштейн, «По праву памяти: Холокост, Накба и прошлое, которое не уходит» // «*Корни*», №42 (2009), с. 5–21.

[5] Цит. по: Бениамин Нойбергер, «Национальная безопасность и демократия: Израиль в сравнительной перспективе» // «*Национальная безопасность и демократия в Израиле*», под ред. Б. Нойбергера, И. Бен-Ами и А.Д. Эпштейна, том I (Раанана: Открытый университет Израиля, 2007), с. 55.

[6] См.: Benny Morris, «*One State, Two States. Resolving of the Israeli/Palestinian Conflict*» (New Haven: Yale University Press, 2009), pp. 167–171.

[7] См.: Oren Barak, «The Failure of the Israeli–Palestinian Peace Process, 1993–2000» // «*Journal of Peace Research*», vol. 42, no. 6 (2005), pp. 719–736.

[8] См.: Алек Д. Эпштейн, «*Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика*» (Москва: Институт Ближнего Востока, 2005), с. 72–105.

[9] См.: Заки Шалом, «Проблемы безопасности и формирование оборонной политики Израиля» // Курс «*Становление израильской демократии. Первое десятилетие*», книга третья (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2001), с. 29–37; Itamar Rabinovich, «*The Road Not Taken. Early Arab–Israeli Negotiations*» (New York: Oxford University Press, 1991), pp. 4–5 и далее.

[10] См.: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)» // «*Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*», под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда (Иерусалим: издательство «Кетер», 2002), том 1, с. 121–124 [на иврите].

[11] См.: Алек Д. Эпштейн, «*Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться*» (Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока — Ассоциация «Мосты культуры», 2008), с. 17–58.

[12] См.: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседями (личное видение)», с. 126–127; Алек Д. Эпштейн, «*Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться*», с. 83–97.

[13] Такими словами поступок А. Садата охарактеризовала канадская исследовательница Janice Gross Stein, «Leadership in Peacemaking: Fate, Will and Fortune in the Middle East» // «*International Journal*», vol. 37 (Autumn), pp. 538–539.

[14] См. об этом в книгах: М. Аббас (Абу Мазен), «*Путь в Осло*» (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996); David Makovsky, «*Making Peace with the PLO: The Rabin's Government Road to the Oslo Accord*» (Boulder, Colorado USA; Westview Press, 1996).

[15] См.: Коннор ОБрайен, «*Осада*» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990), книга 2, с. 39–42 [издание на англ. яз. было опубликовано в 1986 г.].

[16] Шломо Бен-Ами, «*Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса*» (Тель-Авив: издательство «Едиот ахронот», 2004), с. 467–468 [на иврите].

[17] Ron Pundak, «From Oslo to Taba: What Went Wrong?» // «*Survival*», vol. 43, no. 3 (2001), pp. 31–45.

[18] См.: Hussein Agha and Robert Malley, «Camp David: The Tragedy of Errors» // «*The New York Review of Books*», vol. 48, no. 13 (August 9, 2001).

[19] Шимон Перес, «*Новый Ближний Восток*» (Москва: издательство «Прогресс», 1994), глава 3.

[20] Текст «Амманского соглашения» между Иорданией и ООП см. в книге: «*Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт*», под ред. О.А. Колобова, том II (Нижний Новгород, 2008), с. 263–264 [пер. с английского].

[21] См.: Hussein Agha, Shai Feldman, Ahmad Khalidi, and Ze'ev Scheff, «*Track-II Diplomacy: Lessons from the Middle East*» (Cambridge, MA: MIT Press, 2003), p. 29.

[22] См.: Hussein Agha et al., «*Track-II Diplomacy: Lessons from the Middle East*», p. 38.

[23] Фрагмент беседы проф. Раймона Коэна с д-ром Яиром Хиршфельдом от 9 марта 2000 г.

[24] Шимон Перес, «*Новый Ближний Восток*», глава 1.

[25] См.: Yaacov Bar-Siman-Tov, «Peace Policy as Domestic and Foreign Policy: The Israeli Case» // «*Peacemaking in a Divided Society: Israel after Rabin*», ed. by S. Sofer (London: Frank Cass, 2001), pp. 27–54.

[26] Протокол заседаний Кнессета от 22 марта 1979 г.

[27] О разных версиях плана Алона см. в книге: Алек Д. Эпштейн, «*Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться*», с. 58–65.

[28] Цит. по: Йорам Пери, «Кризис отношений между военными и гражданскими властями в Израиле» // «*Национальная безопасность и демократия в Израиле*», под ред. Б. Нойбергера, И. Бен-Ами и А.Д. Эпштейна, том 2 (Раанана: Открытый университет Израиля, 2008), с. 126.

[29] См.: Алек Д. Эпштейн, «Территории в обмен на демографию» // «*Независимая газета*», 28 марта 2006 г., с. 8.

[30] См.: Алек Д. Эпштейн, «Еще одна неудачная попытка: израильско-сирийские тайные переговоры 2004–2006 годов в зеркале израильского общественного мнения» // «*Ближний Восток и современность*», №31 (2007), с. 125–142.

[31] См.: David Makovsky, «*Making Peace with the PLO*», pp. 87–90.

[32] Глава 2 Соглашения Бейлина–Абу Мазена цит. по первой публикации этого документа в журнале «*Newsweek*» 15 сентября 2000 года [пер. с английского].

[33] Глава 7 Соглашения Бейлина — Абу Мазена.

[34] Данные опросов, опубликованных в «Едиот ахронот» 30 августа 1993 г. и 28 сентября 1995 г.; Цит. по: Yaacov Bar-Siman-Tov, «Peace Policy as Domestic and Foreign Policy: The Israeli Case», p. 47.

[35] О саммите в Вашингтоне 30 сентября — 2 октября 1996 года см.: Dennis Ross, «*The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*» (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004), pp. 266–268.

[36] О переговорах Рональда Лаудера с Хафезом Асадом см.: Эйтан Амит, «Все Голаны в обмен на мир» // «*Едиот ахронот*» [«Последние известия»], 13 апреля 2001 г., с. 6–9 [пер. с иврита].

[37] Цит. по официальному меморандуму МИДа Израиля, 2002 г.

[38] «Camp David Peace Proposals». Официальный документ Департамента по ведению переговоров (Negotiations Affairs Department) ООП, 2001 г.

[39] «Palestinian Movement Restrictions Highlight Israeli Apartheid». Официальный документ Департамента по ведению переговоров ООП, 2002 г.

[40] См.: Arie Kacowicz, «Clashing Narratives, Images, and Frames in the Israeli–Palestinian Conflict» // «*Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*», vol. 40, no. 3 (2005), pp. 343–360.

[41] См.: Emile Sahliyeh and Zixian Deng, «The Determinants of Palestinians' Attitudes Toward Peace with Israel» // «*International Studies Quarterly*», vol. 47, no. 14 (2003), p. 706.

[42] Benny Morris and Ehud Barak, «Camp David and After» // «The New York Review of Books», vol. 49, no. 10 (June 13, 2002), pp. 42–45.

[43] Цитируется там же.

[44] См.: Efraim Karsh, «*Arafat's War. The Man and His Battle for the Israeli Conquest*» (New York: Grove Press, 2003), pp. 171–199.

[45] Цит. по: Daniel Bar-Tal, «Camp David, Oslo, and the Future: Interview with Dan Meridor» // «*Palestine–Israel Journal of Politics, Economics and Culture*», vol. 9 (2002), pp. 61–69.

[46] См.: Алек Д. Эпштейн, «Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта» // «*Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии*», под ред. А.Д. Эпштейна (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), с. 11–67.

[47] См.: Dennis Ross, «*The Missing Peace*», pp. 748–753.

[48] См. там же, pp. 754–755.

[49] О переговорах в Табе см.: Шломо Бен-Ами, «*Фронт без тыла*», с. 432–451; Гилад Шер, «*На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца*» (Тель-Авив: издательство «Едиот Ахронот», 2001), с. 397–415 [на иврите].

[50] Benny Morris and Ehud Barak, «Camp David and After».

[51] См.: «Camp David Peace Proposals». Официальный документ Департамента по ведению переговоров ООП.

[52] Цит. там же.

[53] См.: Avraham Sela, «Politics, Identity and Peacemaking. The Arab Discourse on Peace with Israel in the 1990s» // «*Israel Studies*», volume 10, number 2 (2005), pp. 15–71.

[54] Данные извлечены из: Hilal Khashan, «*Arab Attitudes toward Israel and Peace*» (Washington, DC, 2000).

[55] См.: Avraham Sela, «Politics, Identity and Peacemaking», p. 43.

[56] «Palestinian Movement Restrictions Highlight Israeli Apartheid». Официальный документ Департамента по ведению переговоров ООП, 2002 г.

[57] Палестинская позиция по этому вопросу аккуратно суммирована в статье: Arie Kacowicz, «Clashing Narratives, Images, and Frames in the Israeli–Palestinian Conflict», pp. 354–355.

[58] Цит. по: M. Barghutti, «The Israelis Must Leave the Territories» // «*The Israel–Arab Reader*», ed. by W. Lacqueur and B. Rubin (New York: Penguin, 2001), p. 561.

[59] Израильская позиция по этому вопросу суммирована в статье: Arie Kacowicz, «Clashing Narratives, Images, and Frames in the Israeli–Palestinian Conflict», pp. 349–351.

[60] См.: Ehud Yaari, «The Palestinian–Israeli War of Attrition». Research report (Ramat-Gan: Begin–Sadat Center, Bar-Ilan University, 2002).

[61] Benny Morris and Ehud Barak, «Camp David and After».

[62] См.: Алек Д. Эпштейн, «*Почему провалилась «Дорожная карта»? О причинах прошлых дипломатических неудач и возможных новых инициативах в целях снижения остроты палестино-израильского конфликта*» (Москва: Институт Ближнего Востока, 2006).

[63] См.: Замечания правительства Государства Израиль по плану «Дорожная карта» // «*Программы урегулирования палестино-израильского конфликта*», под ред. А.Д. Эпштейна (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), с. 73–74, пп. 5, 6 и 9 [пер. с английского].

[64] См.: «Женевское соглашение» // «*Программы урегулирования палестино-израильского конфликта*», с. 115–148 [пер. с английского].

[65] См.: Алек Д. Эпштейн, «Инициативы Израиля на «палестинском направлении» в период правления Ариэля Шарона» // «*Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии*», под ред. А.Д. Эпштейна (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), с. 219–240.

[66] См.: Алек Д. Эпштейн, «*ХАМАС в региональной политике*» (Москва: Институт Ближнего Востока, 2007), с. 96–109.

[67] Dan Kurtzner, «Middle East Assessment» (Tel-Aviv University: Tami Steinmetz Center for Peace, 2002), p. 2.

[68] J. Alpher, «Israel's security concerns in the peace process» // «*International Affairs*», vol. 70, no. 2 (1994), p. 229.

[69] См.: Ophir Falk and Yaron Schwartz, «The Oslo Process — Fate or Folly?». Research report (Herzliya: The International Policy Institute for Counter-Terrorism, Interdisciplinary Center, 2002).

[70] Эфраим Снэ, «*Навигация в опасной зоне. Израильская стратегия мира и безопасности*» (Москва: «Олимп», 2005), с. 16–18.

[71] Информация об этом была опубликована в газете *Ха'арец* [«Страна»] 30 января 1995 г. [на иврите].

[72] См.: Биньямин Нетаньяху, «*Война с терроризмом*» (Москва: издательство «Альпина», 2002).

[73] См.: A. Kober, «Deterrence, early warnings and strategic decision: The Israel security conception in the wake of the Gulf War» // «*Contemporary Security Policy*», vol. 15, no. 3 (1994), p. 229.

[74] Efraim Inbar, «Strategic Consequences of the Gulf War for Israel». Report (Bar-Ilan University: The Begin–Sadat Center for Strategic Studies, 1993), p. 43.

[75] Позиция Шимона Переса в середине 1970-х анализируется по его программному выступлению на международной конференции «Военные аспекты арабо-израильского конфликта», прошедшей в октябре 1975 года в Еврейском университете в Иерусалиме. Его позиция в период Осло анализируется по книге «*Новый Ближний Восток*».

[76] Инаугурационная речь Ицхака Рабина в кнессете в качестве премьер-министра 13 июля 1992 года [пер. с иврита].

[77] Выступление И. Рабина в кнессете, декабрь 1992 г. [пер. с иврита].

[78] См.: Aharon Levran, «A Disaster Foretold: The Strategic Dangers of a Palestinian State» // «*Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game?*», ed. by Arieh Stav (Ariel Center for Policy Research, 2001), pp. 46–63.

[79] См.: Edward Saar, «Israel, the West Bank and Modern Arms» // «*Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game?*», pp. 64–76.

[80] См.: Алек Д. Эпштейн, «Неизвлеченные уроки: Израиль перед лицом ракетных обстрелов из сектора Газа» // «*Международная еврейская газета*», №21–22 (612–613), 6 июня 2007 г., с. 4.

[81] Данные Управления ООН по делам палестинских беженцев.

[82] См.: Алек Д. Эпштейн и Ольга Зайцева, «Дважды на периферии: дилеммы самоидентификации арабов — граждан Израиля» // «*Ближний Восток и современность*», №14 (2002), с. 275–298; Дан Шифтан, «Палестинский вызов еврейскому государству (новая идеология арабских политиков)» // *Ближний Восток и современность*, №18 (2003), с. 135–160.

[83] См.: Yehuda Ben Meir and Dafna Shaked, «*The People Speak: Israeli Public Opinion on National Security, 2005–2007*» (Tel-Aviv: Institute for National Security Studies, 2007), p. 43.

[84] Данные извлечены из статьи: Yehuda Ben Meir and Dafna Shaked, «*The People Speak*», p. 46.

[85] Там же, p. 48.

[86] Там же, p. 52.

[87] См.: Алек Д. Эпштейн, «*Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики*» (Москва: Институт Ближнего Востока, 2006).

[88] См.: Yehuda Ben Meir and Dafna Shaked, «*The People Speak*», p. 54.

[89] Там же, pp. 56–57.

[90] Там же, p. 57.

[91] Соглашение Бейлина–Абу Мазена, глава 5, статья 1 (цит. в пер. с английского).

[92] «Женевское соглашение», глава 4, статья 5 (цит. по: «*Программы урегулирования палестино-израильского конфликта*», с. 122).

[93] См.: Yehuda Ben Meir and Dafna Shaked, «*The People Speak*», pp. 58–59.

[94] Там же, p. 70.

[95] Там же, pp. 72–73.

[96] «Anti-Israeli Terrorism in 2007 and its Trends in 2008». A report (Herzliya: Intelligence and Terrorism Information Center, 2008), p. 7.

[97] Там же, p. 10. Графики на русском языке, использованные в этой главе, подготовлены Евгением Тартаковским.

[98] «Hamas's military buildup in the Gaza Strip» (Herzliya: Intelligence and Terrorism Information Center, 2008), p. 16.

[99] Заявление министра иностранных дел Государства Израиль Ципи Ливни, 28 декабря 2008 г.

[100] «Переговоры с ПА в тупике» // на сайте «*7 kanal.com*», 7 апреля 2009 г.

[101] См.: Григорий Косач, «Победа, предполагающая перемены» // Сайт Института Ближнего Востока, 21 февраля 2006 г.

[102] См.: Алек Д. Эпштейн, «Информационно-дипломатический контекст войны Израиля против ХАМАСа» // Сайт Института Ближнего Востока, 7 января 2009 г.

[103] См.: Benjamin Weinthal, «Israel has a right to defend itself against Kassams» // «*The Jerusalem Post*», 12 июня 2008 г.

[104] См.: Алек Д. Эпштейн, «Три года после Кемп-Дэвида и Табы: новые поиски путей урегулирования палестино-израильского конфликта» // «*Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе*», под ред. А.Д. Эпштейна (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), с. 20–38.

[105] См.: «Liberman: no concessions» // на сайте «*Associated Press*», 1 апреля 2009 г.

[106] См.: «Netanyahu will be peace partner» // на сайте «*BBC.co.uk*», 25 марта 2009 г.

[107] См.: «Netanyahu's Middle East Outlook» // «The Washington Post», 28 февраля 2009 г.

[108] См.: Ари Шавит, «Новый горизонт» // *Ха'арец* [«Страна»], 20 августа 2009 г. [на иврите].

[109] См.: Николай Сурков, «Либерман отверг Аннаполис» // «*Независимая газета*», 3 апреля 2009 г.

[110] См.: «Netanyahu will be peace partner» // на сайте «*BBC.co.uk*», 25 марта 2009 г.

[111] См.: Jeffrey Goldberg, «Stop Iran — Or I Will» // «*The Atlantic*» (США), 31 марта 2009 г.

[112] См.: Алек Д. Эпштейн, «*Антитеррористический террор. "Точечные ликвидации" Израилем палестинских лидеров: политические, правовые и моральные аспекты*» (Москва: Институт Ближнего Востока, 2009).

[113] См.: В. Ханин, «Израиль, ФАТХ, «Хизбалла» и ХАМАС: сезон "асимметричных сделок"» // Сайт Института Ближнего Востока, 17 сентября 2008 г.

[114] См.: «Abu Marzouk denies receiving Shalit videotape» // на сайте «*Al-Jazeera*», 10 марта 2009 г.

[115] См.: «ХАМАС готов обменять солдата Гилада Шалита на 450 пленных боевиков» // на сайте «*Корреспондент.net*», 22 марта 2009 г.

[116] См.: Григорий Косач, «ХАМАС: Победа, предполагающая перемены» // Институт Ближнего Востока, 21 февраля 2006 г. См. также: Григорий Косач, «Рафах: крушение «исламского эмирата» в секторе Газа» // Институт Ближнего Востока, 17 августа 2009 г.

[117] См.: «Abu Marzouk denies receiving Shalit videotape» // на сайте «*Al-Jazeera*», 10 марта 2009 г.

[118] См.: A. Shlaim, «*Lion of Jordan. The life of King Hussein in War and Peace*» (New York: Alfred A. Knopf, 2008).

[119] См.: «Сегодня Ольмерт, Аббас, Мубарак и Абдалла II встречаются в Шарм-аль-Шейхе» // на сайте «*Newsru.co.il*», 25 июня 2007 г.

[120] См.: Roni Sofer, «PM considers allowing Jordanian forces to enter West Bank» // «*Yediot Ahronot*», 12 декабря 2007 г.

Институт Ближнего Востока

Институт Ближнего Востока, до 2005 года — Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, возник в начале 1990-х годов. Основатели института ставили перед собой задачу остановить процесс деградации российского востоковедения в области изучения Ближнего и Среднего Востока. Для этого необходимо было спасти архивно-библиотечные фонды, поддержать действующих специалистов, восстановить регулярное поступление информации, привлечь в корпорацию «ближневосточников» молодых специалистов. Немалую роль в становлении Института сыграло знакомство его создателей с опытом работы американской, британской, французской и израильской школ изучения Ближнего Востока.

К тому времени, как в 1993 году Институт изучения Израиля был зарегистрирован, в нем были собраны уникальные библиотека и архив. Специалисты, стоявшие у истоков его создания, занимались не только Израилем. Среди них были арабисты, иранисты, тюркологи.

Итогом деятельности института в начале нового века являются сотни статей в отечественных и зарубежных СМИ и более полутора сотен книг. В их числе монографии, сборники, страноведческие справочники, серии «Ближний Восток и современность», «Арабские страны», молодежный «Востоковедный сборник». С институтом в качестве авторов и экспертов сотрудничают более четырехсот высококвалифицированных специалистов, в т.ч. несколько десятков — из-за рубежа. Традицией стало проведение в ИБВ конференций и круглых столов, посвященных наиболее острым проблемам Ближнего и Среднего Востока. Эксперты института значительное время проводят в странах региона, находясь в центре процессов, идущих в изучаемом регионе.

Институт Ближнего Востока

Институт в своей работе тесно взаимодействует с российскими официальными учреждениями и ведомствами, занимающимися проблемами Ближнего Востока, высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими центрами и институтами РАН. Стратегию ИБВ определяет экспертный совет, возглавляемый президентом Е.Я. Сатановским. Текущей работой руководит директор Е.Л. Жигун.

Институт открыт для взаимодействия с любыми партнерами, какое бы учреждение или страну они ни представляли. Специалисты привлекаются к его работе на межведомственной основе, вне зависимости от отношений между ведомствами, в которых они работают, по контрактам или в рамках научного обмена. Институт не имеет политических пристрастий.

Институт — единственный в своем роде центр, специализирующийся на комплексном изучении современного Ближнего и Среднего Востока. Результаты его работы — лучший ответ на вопрос, насколько удачным может быть для российских ученых эксперимент по совмещению отечественных традиций и зарубежного опыта.

Автор настоящей книги д-р Алек Д. Эпштейн давно и плодотворно сотрудничает с Институтом Ближнего Востока. Институт опубликовал десятки статей и девять монографий А.Д. Эпштейна, в т.ч. «Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика» (2005), «Почему провалилась “Дорожная карта”?» (2006) и «ХАМАС в региональной политике» (2007). Две его книги — «Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история», написанная совместно с Г.А. Меламедовым, и «Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться» — были выпущены Институтом Ближнего Востока совместно с ассоциацией «Мосты культуры» в 2008 году.

Оглавление

Предисловие президента Института Ближнего Востока 5

Предисловие автора 11

Основные вехи палестино-израильского конфликта и дипломатических попыток его урегулирования, 1948–2009 годы 13

Глава I. Сколько государств для скольких народов? Изменение парадигмы палестино-израильского переговорного процесса 19

Глава II. Палестинская проблема: краткий исторический экскурс 29

Глава III. Переговоры о промежуточном урегулировании: процесс Осло 47

Глава IV. Переговоры об окончательном урегулировании и их крах: Кемп-Дэвид и Таба, 2000–2001 годы..... 84

Глава V. Палитра отношений в арабском мире к Израилю в период переговорного процесса 1990-х годов 92

Глава VI. От мирных переговоров — к новому витку эскалации (вторая интифада, 2000–2005 годы) 106

Глава VII. Мир во имя безопасности? Роль военно-стратегических соображений в палестино-израильском переговорном процессе 117

Глава VIII. Проблемы мира и безопасности в зеркале израильского общественного мнения 133

Глава IX. От конфликта – к войне 146

Глава X. Что дальше? 160

Примечания 181

Институт Ближнего Востока 189

А.Д. Эпштейн

Израильтяне и палестинцы:
От конфронтации — к переговорам и обратно

Издательство «Мосты культуры»
ЛР № 030851 от 08.09.98
Формат 84 x 108 / 32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 6,0.
Подписано в печать 21.09.2009. Заказ №

Электронный вывод и печать в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6